

ISSN 2309-1584

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

№2 (8), 2015

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№2 (8), 2015

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Редактор — Е. Подгорная, редактор английских текстов — И. Иваненко,
компьютерное макетирование — Д. Муслимов, технический редактор — А. Юсупова,
дизайн — Д. Муслимов

Назировский архив — электронный журнал

Адрес в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.5.2015. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2015

© Редакция журнала, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
-------------	---

Публикации

<i>Р. Г. Назиров</i> История религиозной мысли от Платона до наших дней или учебник филолога в области истории религии. Часть II. Предисловие и публикация С. С. Шаулова.	6
---	---

Биографический отдел

<i>Б. В. Орехов, С. С. Шаулов</i> Очерк научной биографии Р. Г. Назирова	75
--	----

Исследования

<i>Б. В. Орехов</i> Моделирование терминологического тезауруса работ Р. Г. Назирова о мифологии и истории фольклорных сюжетов	118
---	-----

Рецензии

<i>С. Ю. Данилин</i> «У каждого смысла будет свой праздник возрождения» Рецензия на «Назировский сборник» (2011).	133
---	-----

Библиография

Сводная библиография трудов Р. Г. Назирова и работ о нём (1955—2015) Составитель Б. В. Орехов	150
Правила для авторов	194

От редакции

Нехитрая математика подсказывает, что 8-й номер для ежеквартального журнала знаменует рубеж в 2 года жизни. Для периодического издания не Бог весть какой срок. Но всё же для такого амбициозного проекта как моножурнал, посвящённый одной персоналии, к тому же недостаточно известной в гуманитарных кругах, это может значить подтверждение того, что замысел исполнился, или хотя бы реальность движется в сторону его исполнения.

Действительно, два года назад организовать журнал, посвящённый личности и наследию Р. Г. Назирова казалось слишком самонадеянным начинанием. В ситуации нехватки рук, времени и средств затея была практически обречена на провал. Гораздо легче было бы начать выпускать не связанный с временными ограничениями альманах (потому что огромный и невероятно ценный архив Р. Г. Назирова так или иначе вызывает к публикации и совсем отказаться от неё было бы невозможно). Однако для издателей журнальный формат оказался гораздо более ценным: он обещал ритм и движение вперёд. И теперь уже ясно, что эти обещания оправдали себя.

Несмотря на все трудности объём номеров не сокращался, а иногда даже и увеличивался. Удалось выдержать заранее сформированные жанровые и рубрикационные координаты: в каждом номере обязательно появляются публикации текстов Назирова, биографические материалы (документы или воспоминания), исследовательские статьи о Назирове, рецензии (так как были отрецензированы почти все издания, скоро кончатся соотнесённые с именем Назирова книги и рецензионному отделу придётся претерпеть изменения), библиографическая информация.

Таким образом, можно заключить, что свою основную функцию, заявленную как публикация текстов из архива Р. Г. Назирова, журнал выполняет. Это радостный факт, который следует отметить в нашем 8-м, если использовать сквозную нумерацию, выпуске.

Номер получился действительно необычным. Итоговым. Так, в нём в качестве пробного шара мы вместо обычных для журнала биографических документов или воспоминаний публикуем набросок биографии Р. Г. Назирова. Это довольно большой исследовательский текст, который требует доработки, улучшений и дополнений со

стороны очевидцев событий, друзей и коллег Ромэна Гафановича. Мы приглашаем всех заинтересованных участвовать в этом процессе.

В этом же номере мы даём сводную библиографию трудов Назирова и работ о нём. Предыдущие издания библиографических списков успели устареть, многие тексты оцифрованы (в таком случае в библиографии приводится URL, по которому читатель может найти статью или книгу), всё это хотелось отразить в обновлённом перечне. Надо сказать, что библиография в данном случае не простая научная формальность, для внимательного читателя это остросюжетная повесть, в которой главный герой умирает ближе к середине, а дальнейшее развитие событий происходит в современную читателю эпоху. К библиографическим спискам приложены графики, визуализирующие публикационную активность Р. Г. Назирова. Из них видны периоды творческого спада учёного, а также то, что именно сейчас наступил «золотой век» обнародования его архива: так, в юбилейном для Назирова 2014 году было опубликовано около 900 страниц его рукописей только научного характера.

В то же время у журнала есть и неартикулированная второстепенная цель: служить популяризации наследия Р. Г. Назирова. Надо сказать, что на этом направлении журнал, скорее, потерпел неудачу. Плотность современного научного поля такова, что попасть в фокус внимания исследователя в нём гораздо сложнее, чем когда-то это было возможно для Бахтина и других «возвращённых» авторов. Труды Назирова по-прежнему неизвестны, а если и известны, то не прочтены. Нам уже приходилось отмечать, что Ромэн Гафанович всё ещё остаётся для научной публики литературоведом, писавшим свои статьи о Достоевском. В действительности мы имеем дело с гораздо более широким по взглядам и интересам исследователем, к концу своей творческой биографии пришедшим к ряду масштабных обобщений, часть из которых представлена в публикациях нашего журнала.

Будем надеяться, что в будущем Назирову всё же удастся занять причитающееся ему место среди других крупнейших отечественных учёных и вклад нашего журнала в это дело окажется весомым.

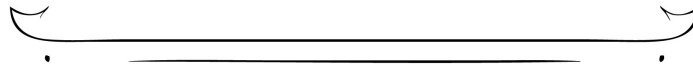
Редакция

Публикации

Р. Г. Назиров

История религиозной
мысли от Платона до наших
дней или учебник филолога
в области истории религии
Часть II.

Западное христианство в
Средние века

Поскольку восточное христианство отличалось крайним консерватизмом, философия христианства развивалась в Средние века главным образом на Западе. Византийская мистика заслуживает лишь кратких обзоров, которые я где-нибудь пристрою в виде вкладок. Философия в греческой церкви подала признаки жизни только в России XIX века, да и там регулярно осуждалась церковью.

Не случайно религиозная проблематика Достоевского является общехристианской: русская православная церковь к той эпохе подошла слишком отсталой и примитивной. Достоевский многим обязан религиозной мысли Запада, таким мыслителям, как Данте, Паскаль, Руссо, Ламенне, Ренан и др. Он в этом не признаётся, против западных мыслителей он основном борется, он прославляет восточную духовную литературу, но в последней просто не было философии.

Поэтому я сосредоточу внимание на католической теологии, средневековой схоластике, ересь и т. п. — Постараюсь избежать как вульгаризации, так и педантизма. Я не историк церкви, но я и не наглый агитатор, рубящий иконы топором. Будем внимательны к идеологии, которая вот уже 20 веков играет такую важную роль в Европе и во всём мире.

Первая часть моей компиляции получилась довольно содержательной и разнообразной. Надеюсь, вторая будет не хуже.

Итальянский писатель Бартоли о Средних веках:

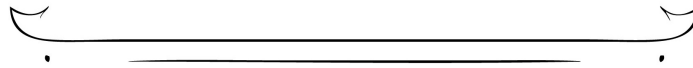
«Как будто разум окутался саваном, чтобы сойти в могилу, где он оставался много веков. Свет мысли погас. Мир со своими радостями, природа со своими красотами перестали говорить сердцу человека. Высочайшие устремления духа стали признаваться грехом. Небо нависло над землёй и душило её в чудовищных объятьях».

Это целиком устаревшая точка зрения.

1. Судьбы христианской теологии.

Ко II веку н.э. христианская церковь в борьбе с монтанизмом приходит к осознанному взгляду на эпоху «апостольских мужей» как завершённую. Это создаёт предпосылку для экзегетической работы над замкнувшимся Писанием — т. е. для теологии (богословия).

Необходимая свобода для спекуляции над Писанием создается за счет аллегорического истолкования последнего (экзегеса александрийской школы). Через теологию христианства и ислама проходят типологически сходные споры о Предопределении (Августин против Пелагия и др.). Однако христианская теология, развиваясь в греко-римской среде, гораздо раньше и полнее усваивает античные модели

философских умозрений, что позволяет ей выработать в тринитарных и христологических спорах IV—VII вв. такую развитую систему умозрительной догматики, которой не знали ни иудаизм, ни ислам.

Эта работа церкви над догматами, в центре которой стоит проблема соотношения между теистически понятным абсолютом и эмпирическим миром, в основном завершается к VII вселенскому собору (787 год). Широкая систематизация наличного «предания» на основе аристотелевских логических схем впервые осуществляется христианским мыслителем, но в географических пределах исламского региона: «Изложение православной веры» Иоанна Дамаскина.

В XI веке на Западе начинается новый подъём христианской теологии, отныне занятой не творчеством догм, а их объяснением (Ансельм Кентерберийский).

В XII в. в кругозор западной теологии (схоластики) благодаря многочисленным переводам входят тексты еврейских и исламских богословов, а также Иоанна Дамаскина

Мистическое направление теологии, исходящее из данностей «внутреннего опыта» и недоверчиво относящееся к логическим выкладкам, пытается дать бой схоластике (Бернар Клервоский против Абеляра), но вынуждено на Западе склониться перед последней и лишь на православном Востоке со времён Симеона Нового Богослова оказывается господином положения (концепция теологии как «умного делания»).

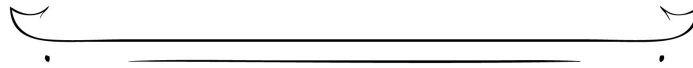
Внутри интеллектуального мира схоластики создаётся международная и даже (в известных пределах) межвероисповедная общность: в те века, когда в Испании распря христианства и ислама решалась мечом, мусульманин аль Газали (Альгацель) и иудей ибн Гебироль (Авицеброн) служили для католической теологии школьными авторитетами.

Эта эпоха теологии получила завершение в католической системе Фо́мы Аквинского.

В последние века теология Запада работает над последовательной деструкцией схоластического здания (Иоанн Дукс Скотт, Оккам): синтез Нового Завета и Аристотеля, достигнутый предыдущими поколениями, не удовлетворял ни тех, кто стоял на стороне мирских тенденций гуманизма, ни тех, кто пытался в новых условиях возродить серьёзное отношение к принципу веры. Аверроистская теория двойственной истины, пришедшая из философии ислама и отвергнутая Фомой Аквинским во имя безусловной гармонии между логикой и верой, приобретала всё больше явных и скрытых сторонников.

2. Ранняя схоластика.

Схоластика — понятие, объединяющее религиозно-философские учения западноевропейского Средневековья, которые, в противоположность мистике, видели

путь постижения Бога в логике и рассуждении, а не в сверхразумном созерцании и чувстве.

В теологической форме схоластика разрабатывала и собственно философскую проблематику, главным образом в рамках номинализма и реализма, но в целом для схоластики философия была «служанкой богословия»: «philosophia est ancilla theologiae», как сказал один из ранних представителей схоластики Пётр Дамиани (1007—1072)¹.

Теоретическими источниками схоластики были христианская теология (прежде всего патристика, особенно Августин и византийская теология) и античная философия (прежде всего Платон, его школа и неоплатонизм). Уже в раннем Средневековье были известны также «Введение» Порфирия к «Категориям» Аристотеля в латинском переводе Бозция² и комментарии последнего к другим логическим сочинениям Аристотеля. В течение всего Средневековья не прекращалось знакомство как с логическими сочинениями Аристотеля, так и с его «Метафизикой», использованной, однако, лишь в поздний период. Источником схоластики были научные и философские сочинения средневековых авторов, из числа которых Иоанн Дамаскин и Иоанн Скотт Эриугена могут считаться непосредственными предшественниками схоластики, т. к. они уже ставили своей задачей систематизацию и философское обоснование теологии.

Характерной формой философских произведений этого периода стали компиляции, в которых систематизировалось античное научно-философское наследие. Таковы сочинения «Источники, или Этимология» («Origines seu Etymologiae») Исидора Севильского (ок. 560—636), «О природе вещей» («De rerum natura») Беды Достопочтенного (672—735), «О мире, или о природах вещей» («De universo seu de rerum naturae») Рабана Мавра (ок. 780—856).

В философском плане более значителен учитель последнего Алкуин (ок. 735—804), возглавлявший важную в истории раннесредневековой образованности школу при дворе Карла Великого, автор сочинений «Диалектика», «О разуме души» («De animae ratione») — первого в Средние века сочинения по вопросам психологии, а также ряда дидактических сочинений.

На развитие схоластики оказывали воздействие арабская философия и еврейская средневековая философия. Развиваясь на почве ислама и иудаизма, они имели своим предметом, как и схоластика, философское осмысление догматов монотеистической теологии и основывались в общем на тех же, что и схоластика, философских источниках — неоплатонизме и аристотелизме.

¹ Св. Петр Дамиани (988—1072) — уроженец Равенны, руководитель реформы духовенства. Праздник — 23 февраля.

² Бозций, точнее Аниций Манлий Северин (ок. 480—524) — позднеримский философ и поэт, родился в Риме, министр Теодориха Великого, казнённый им же. Формально Бозций принадлежал к школе неоплатонизма, но фактически его философия отличалась большим эклектизмом, склонностью к точным наукам, а в морали даже стоицизмом. Бозций переводил и толковал логические сочинения Аристотеля, а также «Введение в категории Аристотеля» Порфирия. Он переводил Эвклида и трактовал «Основания арифметики» Никомаха. Ему принадлежал также трактат о музыке с тщательно разработанной теорией греческой музыки. Основным философским трудом Бозция считается стоически окрашенное «Утешение философское».

Кто были эти редкие образованные люди раннего Средневековья? Сделаем небольшой обзор.

Исидор Севильский — учёный испанец, родом из Картахены, епископ Севильи; см. о нем ч. I, раздел 40.

Св. Беда Достопочтенный — английский монах и историк, чл.к. энциклопедических знаний. *Beda Venerabilis* был выдающимся англо-саксонским поэтом. Значительную часть жизни он провёл в монастырях; оставил около 45 сочинений на латинском языке. Главный труд его — красочно написанная «Церковная история англов» (731), охватившая период от римского до англо-саксонского завоевания Британии. Наряду с историческими фактами Беда излагает народные предания и легенды.

Алкуин (Alcuin) — английский учёный, родившийся в Эборакуме (Йорк): один из учителей Палатинской Школы, основанной Карлом Великим, и один из главных сотрудников императора. Палатинская школа была учёным обществом, среди членов которого был сам Карл Великий (под именем Давида), Алкуин, секретарь императора немец Эгинхард (Eginhard или Einherd, ок. 775—840) — хроникёр и автор жизнеописания Карла, и другие.

Рабан Мавр (Raban Maur, ок. 784—856) — учёный монах бенедиктинского ордена, родился в Майнце, немецкий прелат, один из организаторов знаменитого Фульдского аббатства (Fulda). Он заслужил имя *Praeceptor Germaniae*.

Но, как уже было сказано, непосредственным предшественником схоластики может быть назван Эриугена.

3. Иоанн Скотт Эриугена.

Johannes Scotus Erigena (псевдоним — *Jerugena, Eriugena*) — средневековый философ и богослов, родился в Ирландии около 810 г., умер около 877 (др. даты 830—880). Он прославился смелостью своих мнений; франкский король Карл Лысый* пригласил его к себе. Эригена стал советником Карла Лысого³.

Идеи Эриугены, отражавшие противоречивую эпоху раннего феодализма, формировались под двойным влиянием христианского богословия и неоплатонизма — под влиянием главным образом Августина с его учением о предопределении, а также Плотина и Порфирия, отождествлявших религию и философию.

Эриугена стремился сблизить христианство и неоплатонизм под знаком почитания Библии, которая не обладала для него исключительностью авторитета. Бог живет в вечно осуществляющемся творении, особенно в искании и познании Бога людьми, непосредственно преисполненными Бога.

³ Карл II Лысый (823—877) в 841 разбил при Фонтену-ан-Пюиза своего брата Лотара и по Верденскому трактату 843 г. стал королем франков. Его правление отмечено вторжениями норманнов, войнами с Германией и прогрессом феодализма. С 875 г. Карл — император Запада

Эриугена создал первую в средневековой Западной Европе философскую систему, изложенную преимущественно в его главном труде «*De divisione naturae*» и в трактате «*De praedestinatione*» («О предопределении»). Заслугой Эриугены является отстаивание им прав разума и признание его орудием познания истины.

В своеобразном сочетании с рационалистическими элементами идеи Эриугены проникнуты и мистическим пантеизмом, в духе которого он отождествлял Творца с творением (т. е. миром вещей).

Мистическое учение Эриугены, основанное на неоплатонизме, в основном изложено в труде «О разделении природы».

Бытие Эриугена разделяет на четыре природы:

- 1) не сотворённая, но творящая — Бог как источник всех вещей; он бесформен, невыразим и постигается лишь через бытие вещей;
- 2) сотворённая и творящая природа — божественные идеи, выступающие как первичные причины; идеальный мир создан Богом из себя самого и существует вечно;
- 3) сотворённая и не творящая природа — чувственно-воспринимаемый мир, который есть проявление единого идеального мира во множестве различных вещей;
- 4) не сотворённая и не творящая — Бог как конечная цель всех вещей.

Образование вещей Эриугена связывал с грехопадением человека, при котором происходит отпадение человека от Бога. Но с течением времени наступает искупление и возвращение всех вещей к Богу. По существу, это система пантеистическая. Ряд суждений Эриугены не согласуется с христианской догматикой: разум он ставил выше Откровения, которому к тому же приписывал аллегорический смысл.

Эриугена был очень культурный и очень смелый по тем временам человек. Его идеи, свидетельствующие о борьбе против мертвящего духа церковной догматики, оказали плодотворное влияние на развитие средневекового свободомыслия, выразившего оппозицию слепой вере (Амори Бенский, Давид Динантский и др.)⁴, в также на немецкий мистицизм.

Церкви пришлось долго разбираться в трудах Эриугены, и только в 1225 году папа Гонорий III (понтификат 1216—1227) осудил специальный буллой его учение и потребовал уничтожения всех экземпляров главного сочинения Эриугены. Когда в XVII веке трактат «*De divisione naturae*» был впервые напечатан, римская курия внесла его в «*Index librorum prohibitorum*» («Список запрещённых книг») и снова изъяла из обращения.

⁴ Амори Бенский (Амальрик, ум. около 1207) — парижский магистр богословия, основатель народной ереси амальрикан; исповедовал мистический пантеизм: «все, что существует, есть Бог.» Человек — тоже проявление Бога; они отвергали учение о греховности человеческой природы, отвергали духовенство и культ, ожидали пришествия Св. Духа, который установит царство Божие на земле. Вожди казнены в 1210 г., IV Латеранский собор (1215) вновь осудил учение амальрикан.

4. Ранняя схоластика (продолжение).

Ранняя схоластика (XI—XII века) была вызвана к жизни новым подъёмом культуры, начавшимся в XI веке. Большое значение имело возникновение в эту эпоху городских нецерковных школ, подрывавших церковную монополию в области образования.

В новых условиях христианская теология, существовавшая до тех пор в форме патристики и её обработок, должна была придать христианству формализованный, рационализированный характер, сделав предметом своей систематизации теолого-философские положения патристики.

В собственно философском отношении ранняя схоластика характеризовалась ориентацией на Платона и неоплатонизм. Аристотель и аристотелизм ассимилировались лишь в их логическом учении. В этот период сформировались и развились номинализм и реализм.

К числу ранних схоластиков-реалистов относятся Пётр Дамиани, Ансельм Кентерберийский, Гийом из Шампо и др., к числу номиналистов — Беренгар Турский, Росцелин, Абеляр и др.

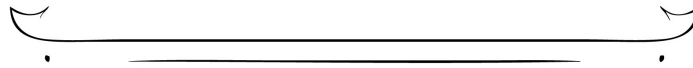
В центре этого долгого философского спора, захватившего триста лет, стоит понятие универсалий (*universalia*) — общих идей. Спорили о том, являются ли универсалии объективными, реальными (отсюда «реализм»), или это просто имена вещей, *nomina* (отсюда «номинализм»).

Эриугена (впрочем, задолго до этого спора) утверждал, что универсалии существуют до вещей, идеально. Это и есть точка зрения крайнего реализма. Универсалии имеют реальное существование и предшествуют существованию единичных вещей.

Умеренный реализм: универсалии существуют в вещах (на такой позиции впоследствии стоял Фома Аквинский). Реализм фактически продолжал линию Платона в решении вопроса о соотношении понятия и объективного мира, общего и единичного. Виднейшими представителями реализма были Ансельм Кентерберийский и Гильом из Шампо.

Против реализма боролись номиналисты, считавшие общие понятия лишь именами единичных предметов: реально существуют только отдельные вещи с их индивидуальными качествами; универсалии, создаваемые нашим мышлением об этих вещах, не только не существуют независимо от вещей, но даже не отражают их свойств и качеств: «*Universalia post rem*».

По мнению Карла Маркса, номинализм был первым выражением материализма в Средние века. Однако номиналисты не понимали, что общие понятия отражают реальные качества объективно существующих вещей и что единичные вещи не отделены от общего, а содержат его в себе.

Виднейшими номиналистами в XI—XIV веках были Росцеллин, Дунс Скотт, Оккам. Абельяр и Оккам были представителями концептуализма (лат. *conceptus* = понятие); это направление в споре об универсалиях отрицало, как и номиналисты, реальное существование общего независимо от отдельных вещей, но, в отличие от номиналистов, признавало существование в уме допытных общих понятий, концептов, как особой форме познания действительности. В новое время к позициям концептуализма был близок Локк.

Согласно концептуалистам, универсалии существуют лишь в уме, «после вещи», в виде умственных построений. Это умеренный номинализм. Крайний номинализм (Росцеллин) считал универсалии просто словами: универсалии реально не существуют. — В новое время идеи номинализма развивали на идеалистической основе Беркли и Юм, а в XX веке — семантическая философия.

5. Ансельм Кентерберийский.

Святой Ансельм Кентерберийский (1033—1109) родился в городе Аоста (ныне Пьемонт, Северная Италия). Его праздник — 21 апреля.

Ансельм преподавал богословие в Бекском аббатстве. Бенедиктинское аббатство⁵ было основано в французском городе Вес в 1034 г.; при нём возникла известная в Средние века школа. Рим решил послать Ансельма в Англию, и с 1093 года этот учёный итальянец стал архиепископом Кентерберийским (Canterbury), т. е. примасом Англии.

На этом посту Ансельм вёл ожесточённую борьбу с английскими королями за инвеституру, отстаивая теократическую программу Григория VII.

[Позднелатинское *investitura* (от лат. *investio* = облачаю) — это церемония утверждения в сане и должности епископа или аббата; производилась вручением кольца и посоха как знаков папского достоинства и скипетра как символа светской власти по должности. В XI—XII веках инвеститура была объектом упорной борьбы папства и светских государей. Папство требовало исключительного права инвеституры; чтобы добиться безусловного подчинения духовенства, которое экономически зависело от светских властей, и установить политическое главенство римской курии в Европе.

Борьба за инвеституру завершилась компромиссом: была заключена серия соглашений (особенно известен Вормсский конкордат 1122 года с германским императором), по которым папству предоставлялась церковная инвеститура (посохом и

⁵ Первые монастыри в Западной Европе были созданы в IV—V веках, но широкое распространение получили с VI века. Устав, который был принят по существу всеми западными монастырями раннего Средневековья, ввёл основатель монастыря Монте-Кассино близ Неаполя (учрежден около 530г.) — св. Бенедикт Нурсийский (Benedictus de Nursia, ок. 480—547), основатель ряда монастырей. Введение «бенедиктинского устава» положило начало ордену бенедиктинцев, а тем самым и вообще созданию монашеских орденов. Бенедиктинцы были единственными эрудитами раннего Средневековья, они сохранили ряд шедевров античной литературы.

кольцом), государям же — светская инвеститура, т. е. ввод епископа или аббата во владение землёй.]

Знаменитый папа Григорий VII — *Hildebrand* — родился в *Soana* (Тоскана), в семье тосканского землевладельца, между 1015 и 1020 г. Папой он был избран в 1073 году. Ревностный поборник папской теократии, сторонник клюдийской реформы церкви, Гильдебранд был ближайшим советником пяти римских пап, а потом сам стал папой. Церковь считает его одним из величайших римских понтификов (он причислен к лику святых). Григорий VII содействовал проведению ряда церковных преобразований, усиливших влияние католической церкви в феодальном мире. Претензии пап главенствовать над государями он сформулировал в трактате «Диктат папы» (1075).

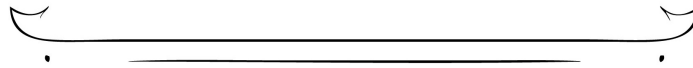
Григорий VII умело использовал феодальные распри государей и ослабление власти германского императора и широко вмешивался во внутренние дела многих государств Европы (даже Киевской Руси). При нём был введён целибат (безбрачие духовенства). Папа вступил в резкий конфликт с германским императором Генрихом IV: поводом был спор об инвеституре. Генрих благоприятствовал развитию городов в Германии. Опираясь на поддержку германских князей, папа сумел вначале принудить своего противника к капитуляции: то было знаменитое хождение Генриха в Каноссу (1077). Никогда ещё императоры не терпели такого унижения от папства: император пришел в Каноссу (замок папы в провинции Эмилия) в одежде кающегося грешника, с верёвкой на шее, и долго стоял у ворот замка, ожидая прощения.

Но потом Генрих IV взял реванш: в 1084 г. немецкие войска захватили Рим, а в 1085 его заняли и разграбили уже союзники папы — норманны. Григорию VII пришлось удалиться в изгнание в Салерно, столицу норманнов, где он и умер (1085).

Соратником Григория VII был Ансельм, с 1093 года архиепископ Кентерберийский. Этот князь церкви явился одним из основателей схоластики.

Ансельм стремился подчинить философию христианской теологии: «*Credo, ut intelligam*» («Верю, чтобы понимать»). Вера должна предшествовать знанию; нужно верить, чтобы понимать, однако вера может быть рационально обоснована. Поэтому именно Ансельму принадлежит «онтологическое доказательство бытия Бога».

Эккурс о доказательствах бытия Божия. Известны три основных логических доказательства бытия Бога: 1) космологическое (встречается уже у Платона и Аристотеля) — Бог существует как первопричина всех вещей и явлений; это доказательство зиждется на допущении конечности мира во времени и существования его нематериальной причины; 2) телеологическое доказательство (выдвинуто Сократом и Платоном, затем развивалось стоиками) — в природе все устроено настолько целесообразно, что это можно объяснить лишь бытием сверхприродного разумного существа, упорядочивающего все явления; 3) онтологическое доказательство — уже св. Августин утверждал, что у всех людей имеется понятие о Боге как о совершенном существе; но понятие не может возникнуть, если нет совершенного существа в действительности; следовательно, Бог существует.

Именно это доказательство заново развил Ансельм и дал ему внешне логическую формулировку. Однако она представляет собой довольно явный софизм. Бог мыслится как абсолютно совершенное понятие; если отказать этому понятию в таком существенном признаке, как бытие, то оно уже будет несовершенным, а так как мы всё же мыслим его совершенным, то отказывать ему в этом признаке невозможно. Это доказательство, отождествляющее субъективно-мыслимое с объективно-реальным, вызвало возражения уже у современников Ансельма; его отклонял, например, и Фома Аквинский. Но впоследствии онтологическое доказательство стремились усовершенствовать Рене Декарт и философы школы Лейбница — Вольфа.

В споре об универсалиях Ансельм Кентерберийский придерживался крайнего реализма: он считал, что универсалии существуют реально и предшествуют вещам.

Защитником реализма был также Juillaume de Champeaux (ок. 1068—1122), родившийся в Шампо близ Мелена. Этот французский схоласт был учителем Абеляра, который, однако, впоследствии стал его противником.

Вообще реализм был «базовой» теорией католической церкви и соответствовал ее древней платонической традиции.

В самом реализме обнаружились две противоборствующие тенденции — пантеистическая (Эриугена, пропагандировавший во Франции своё учение, ересь Амори Шартрского и амальрикан, Давид Динанский) и ортодоксально-католическая (Ланфранк, его ученик Ансельм Кентерберийский, получивший образование во Франции, Беренгар Шартрский).

Интуитивизм Ансельма Кентерберийского восходит к Августину. Известнейший труд Ансельма — «*Cur Deus homo?*» («Почему Бог стал человеком? Прибавление к рассуждению»). Универсалии предшествуют единичным вещам, существуют независимо от вещей и составляют их сущность. В Божественном мышлении имеются прообразы всех вещей в виде вечных Божественных идей.

6. Мятежный Росцеллин.

Johannes Roscellinus (ок. 1050—1122) — родом из Компьеня (Франция), один из родоначальников номинализма. Он сыграл важную роль в истории средневекового свободомыслия, одним из первых выступив в защиту разума против слепой веры. Известен своей полемикой с Ансельмом Кентерберийским и Абеляром (кстати, Росцеллин — один из учителей Абеляра), а также еретическим истолкованием Св. Троицы как совокупности трёх отдельных богов. Росцеллин, критикуя догмат о Троице, пришел к выводу о невозможности триединства Бога.

Росцеллин был обвинён в «тритеизме» (троебожии); его судил церковный собор в Суассоне (1092). Учение Росцеллина было объявлено еретическим, а сам он был вынужден отречься от него на Суассонском соборе.

Росцеллин едва ли не основал номиналистическую традицию. По свидетельству того же Ансельма, Росцеллин утверждал, что общие понятия — это только имена, названия, просто «сотрясения воздуха» (*flatus vocis*). Реально, по Росцеллину, существуют только единичные чувственно воспринимаемые вещи. Из его сочинений сохранилось только одно письмо к Абеяру.

Росцеллин представлял крайнюю форму номинализма. Против него выступали реалисты и мистики Гийом из Шампо, Гуго Сен-Викторский, Ришар Сен-Викторский и др.

7. Абеяр (Abaelardus)

Pierre Abélard (1079—1142) — французский философ и богослов, представитель средневекового свободомыслия внутри схоластики, популярный среди учащейся молодёжи того времени.

Абеяр родился в Паллэ около Нанта. Получил блестящее по тому времени образование, проявил разнообразные таланты: так, любовные стихи Абеяра (писал он, конечно, по латыни) отличаются большой психологической глубиной.

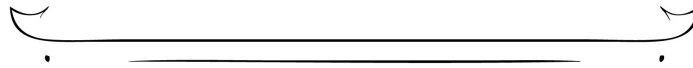
В характерном для средневековой философии споре о природе универсалий Абеяр придерживался близких к материализму идей концептуализма; одновременно он остро полемизировал против схолистического реализма.

Он считал, что вера должна быть не слепой, а обоснованной рассудком: он стремился внести рационализм в богословие, против чего решительно боролась церковь. Фридрих Энгельс писал: «У Абеяра главное не сама теория, а сопротивление авторитету церкви» (*Архив Маркса и Энгельса*, т. X, с.300).

Книга Абеяра «Да и нет» (1122) выдвигала требование ограничить религиозную веру «разумными основаниями» и вскрывала непримиримые противоречия в суждениях церковных авторитетов. В этой книге, сопоставляя цитаты из Отцов Церкви, имеющие противоположный друг другу смысл, Абеяр вскрывал противоречия в религиозной доктрине и таким образом приходил к выводу, что она имеет не абсолютный, а относительный характер.

Абеяр был почитателем античной культуры и считал её предшественницей христианства. В сочинении «Познай самого себя» он признавал совесть «естественным нравственным законом» и считал критерием нравственности согласие поведения людей с их совестью (а не с религиозными догмами). В этом отношении он возрождал традиции пелагианства — раннехристианской ереси, противостоявшей официальному учению церкви.

Отстаивая права свободной мысли, разума, права личности в решении нравственных проблем, Абеяр подвергался преследованиям со стороны церкви.

Основным его противником был глава «теократической партии» Бернар из Клерво. Учение Абеляра было осуждено в 1121 году Суассонским, а в 1140 году Санским соборами французских епископов. К этим гонениям прибавилась страшная личная драма Абеляра.

Он полюбил свою ученицу Элоизу, племянницу каноника Фюльбера, и вступил с ней в тайный брак. Когда она стала матерью, каноник Фюльбер нанял негодяев, которые кастрировали Абеляра.

Философ после этого ушел в монастырь, и Элоиза тоже стала монахиней. В 1132—1135 возникла их знаменитая переписка⁶.

Уже в XII веке трагическая переписка Абеляра и Элоизы была переведена с латыни на французский язык.

Глубоко психологичная автобиография Абеляра «История моих бедствий» («*Historia calamitatum*», 1132—1136) была издана только в 1616 году.

Абеляр — первый в истории христианской Европы мученик свободомыслия. Он оформил схоластическую логику («диалектику») и выдвинул ее в качестве основ философско-теологического образования. «Понимать, чтобы верить» — таково исходное положение Абеляра, полемически заостренное против Ансельма Кентерберийского. Он привлекал в школы Парижа слушателей со всех концов Европы.

За свои рационалистические тенденции он подвергался яростным нападкам. Знаменитый мистик Бернар Клервосский, проповедник второго крестового похода, называл Абеляра «Антихристом» и «Сатаной». Бернар писал о нем: «О, если бы его насыщенные ядом книги продолжали бы находиться под спудом и не читались бы на перекрестках дорог! Всем повсюду предлагается яд вместо мёда или, вернее, в меду. Они переходят от племени к племени и от одного государства к другому народу» (*Bernardi epistolae*, 189). Церковь не раз запрещала ему читать лекции и иметь учеников. Не будучи в силах справиться с огромной славой Абеляра, «теократическая партия» прибегла к чудовищному злодеянию: я убежден, что Абеляр пал жертвой заговора и что связь с Элоизой послужила только удобным предлогом для давно задуманной расправы.

Церковь осудила концептуализм Абеляра. И не случайно его учениками были Иоанн Солсберийский, ранний представитель гуманизма, борец против папства, и Арнольд Брешианский, который возглавил борьбу восставшего народа Рима против папы.

<Вставка о книге Абеляра>

«*Sic et non*» — книга Абеляра, в которой он высказал мысль, что истинно только то, что доказано, что к истине можно прийти только посредством столкновения

⁶ Вставка рядом с вырезкой (прим. публикатора): «Элоиза прожила 63 года (1101—1164) и умерла аббатисой в Параклете 16 мая 1164.

Абеляр умер 21 апреля 1142 в аббатстве Сен-Марсель близ города Шалон-Сюр-Сон.

противоположных взглядов, концепций, точек зрения. Это средневековый вариант трактовки диалектики как логики спора.

В книге «Диалектика» Абеляр изложил известные к тому времени логические учения, в частности учения в силлогизме, об определениях и делениях. В споре об универсалиях Абеляр развивал положения, согласно которым концепты — это особая форма познания действительности. Универсалии не являются «сотрясениями воздуха», согласно крайнему номинализму. Понятие универсалий заменяется понятием концептов — доопытных общих понятий, т. е. идеальных сущностей, изначально находящихся в уме человека.

Концептуализм (Абеляр, Оккам) — это непоследовательный материализм, не поднявшийся до осознания того, что общие понятия суть отражения того общего, что находится в объективной природе.

«Реализм» — возрождение учения Платона, называвшего вещи тенями идей.

Абеляр выступал против крайности как реализма, так и номинализма.

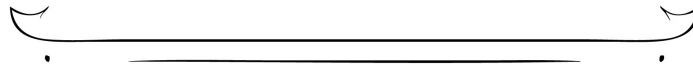
8. Бернар Клервосский.

Около 1091 года в замке Фонтен близ Дижона (Бургундия) в богатой и знатной семье родился мальчик, которому предстояло стать «одной из главных фигур христианства». Мир узнал его под именем святого Бернара Клервосского, *saint Bernard de Clairvaux*, 1091—1153, праздник его — 20 августа.

Он основал в 1115 году (т. е. в возрасте 24 лет) знаменитое аббатство Клерво в Бургундии и был первым аббатом монастыря. Он возглавил «теократическую партию» во Франции; эта партия действовала в соответствии с интересами крупного землевладения (церковного и светского), добивалась верховенства в церковной иерархии над королевской властью и сохранения феодальной раздробленности страны.

Согласно официальной легенде, Бернар основал 160 монастырей. ~~Его называли «Василий Великий Запада».~~ В 1098 году один бенедиктинский монах основал в местечке Сито близ Дижона монашескую общину, выделившуюся из ордена св. Бенедикта. Местечко Сито (*Cîteaux*) по-латыни называлось *Cistercium*, поэтому новый орден получил название цистерцианского. Бернар из Клерво проповедовал в Сито и реформировал этот орден, разработав его новый устав. Аббатство Сито стало центром большого реформаторского движения. Под руководством Бернара Клервосского орден цистерцианцев приобрел особое значение как орудие церковной реакции. В XII—XIII веках монастыри цистерцианцев получили распространение во многих странах Европы; цистерцианцы стали на какое-то время самой могущественной и влиятельной конгрегацией католической церкви.

[Из цистерцианцев выделились бернардинцы, принявшие устав Бернара из Клерво; они действовали преимущественно во Франции, Италии и Испании,

прославились преследованиями еретиков и сильным противодействием культурному прогрессу].

Официальная легенда рисует Бернара из Клерво глубоким мистиком-созерцателем, чей мистицизм в плане философском был неизбежно враждебен рационализму Абельяра.

На деле Бернар был весьма активным политиком. Он призывал к насильственному обращению язычников, к беспощадному истреблению неверных и захвату их земель; он явился одним из вдохновителей крестовых походов, в частности *второго крестового похода на Восток* (1147—1149) и похода немецких феодалов против полабских славян (1147).

Особенно широкую известность Бернар приобрёл как упорный *преследователь ересей*, инициатор осуждения церковно Абельяра и Арнольда Брешианского^{7*}, один из создателей средневекового мистицизма. Он оставил «Письма», богословские трактаты и др. Бернар отрицал познание ради познания, считая, что оно должно приносить пользу. Единственным источником познания он считал мистическое созерцание, которое через смирение и любовь приводят к Богу. Высшее состояние души — экстаз, переход очищенной души к Богу; при этом происходит отказ от собственного «я», и Бог становится «всё и вся».

Созерцание (contemplatio) — у мистиков это созерцание божества в зеркале собственного внутреннего и одновременно открывание сверхчувственной глубины реальности.

Экстаз (греч. *ekstasis* = быть вне себя) — это исступление, восторг, высшая степень упоения, близкая к умопомешательству, со слуховыми и зрительными галлюцинациями. Греческие метафизики верили, что во время экстаза собственно «я» человека покидает его тело и в него входит бог или муза, которые говорят его устами.

Во время экстаза, по утверждению Прошина, восточных и христианских мистиков, в том числе Бернара Клервосского, совершается слияние души и Бога, возвышение духа, ведущее к живому познанию Бога (*cognito Dei experimentales*), а не

⁷ Arnoldus de Brixia (итал. Arnaldo da Brescia, 1100—1155) родился в Брешии, смолodu жил во Франции, где учился у Абельяра; в 1135 в Брешии возглавил борьбу горожан против епископа. В 1139, осуждённый Латеранским «вселенским» собором, Арнольд был вынужден переехать во Францию и примкнул к Абельяру; выступил с резкой критикой духовенства. В 1140, в связи с происками Бернара из Клерво, покинул Францию. Около трёх лет находился в Цюрихе, а затем был изгнан оттуда церковными властями по требованию Бернара и вернулся в Италию.

В 1145 Арнольд прибыл в Рим и принял активное участие в борьбе народа против папства: фактически он стал во главе Римской республики, возникшей в результате восстания горожан в 1143. Программа Арнольда, исходившая из евангельских идеалов бедности, включала требования дешёвой церкви, передачи её богатств городским коммуна, лишения церковников светской власти. Арнольд резко обличал зло и насилие, творимые папством, хищничество и лицемерие духовенства. Сторонник демократии, он нападал на феодальную знать и на германского императора. Когда развитие событий и борьбы партий внутри республики позволили папе вернуться в Рим, он добился изгнания Арнольда. Схваченный людьми императора Фридриха Барбароссы, Арнольд был выдан папе. Его удавили, труп сожгли, а пепел бросили в Тибр. Но идеи этого величайшего религиозного реформатора продолжали еще долго оказывать влияние.

к туманному чувству единения с первоосновой, о котором говорит пантеистическая мистика.

Средневековая мистика нашла свое выражение прежде всего в сочинениях Бернара Клервоского и Гюго из Сен-Виктора.

Бернара называют одним из создателей ордена тамплиеров. Этот воинствующий орден возник в Святой Земле (в Иерусалимском королевстве крестоносцев) около 1118 года. Рыцари Христа и Соломонова Храма (их монастырь в Иерусалиме стоял рядом с церковью, построенной на месте Храма Соломона) назывались кратко храмовники, тамплиеры (лат. *templum* = храм). Под руководством Бернара в 1128 г. был выработан устав тамплиеров, превративший орден в иерархическую организацию.

Бернар Клервосский давал советы папе Евгению III (пontiфикат 1145—1153). Он «обратил в истинную веру» Людовика Младшего (Louis VII le Jeune, король Франции с 1137 по 1180, который вместе с Конрадом, императором Запада, Участвовал в крестовом походе, проповеданном Бернаром Клервосским; но армия Людовика Младшего потерпела поражение перед Дамаском в 1148) и осудил Жильбера де ла Поре, епископа Пуатье. К концу жизни Бернар де Клерво был одним из самых могущественных и влиятельных прелатов Европы.

Сильная и мрачная личность...

Ревнитель теократии, он критиковал церковь справа и писал, что папе далеко до апостола: «Разве к нему [апостолу] со всей земли стекались честолюбцы, стяжатели, симонисты, прелюбодеи и подобные человеческие чудовища, чтобы, благодаря его апостольскому авторитету, или получить, или удержать церковные почести?»

Он же писал о стяжательстве церкви: «Золотом покрываются мощи, чтобы ослепить глаза и раскрыть кошельки! Выставляется напоказ в изящнейшем убранстве святой или святая, и народ считает их тем более святыми, чем ярче они разукрашены. Подбегают люди приложиться, и приглашают их раскошелиться».

Бернар Клервосский. (Из легенды)

Бернар, первый настоятель Клерво, родился в Бургундии, в Фонтене: отца его звали Теселином, мать —Алетой. Свой подвиг он начал в Сито, а закончил в Клерво: в настоятели он был рукоположен Гильомом де Шампо, епископом Шалона-на-Соне. У Бернара было 700 послушников, он основал 160 монастырей. Он поверг во прах Абеяра на Санском соборе (1140 г.), а также Пьера де Брюи и его ученика Генриха и других заблудших, которые именовались «апостольскими учениками». Бернар смутил Арнольда Брешианского, разгромил монаха Рауля, убийцу евреев; в 1148 г. он диктовал свою волю собору в Реймсе, осудил Жильбера де ла Поре, епископа Пуатье, осудил Эона де л'Этуаль, помирил принцев, обратил в истинную веру Людовика Младшего,

давал советы папе Евгению III, руководил монастырем Тампль, проповедовал крестовый поход, сотворил всего 250 чудес, творил иной раз 39 чудес в день.

9. Гуго из Сен-Виктора.

Оригинальная фигура эпохи — Hugues de Saint-Victor, Гуго из Сен-Виктора (1096—1141). Он родился около Ипра в знатной немецкой семье, в миру он был графом Бланкенбургским. Но с 1115 он жил в Париже, в монастыре св. Виктора, где в 1125 стал учителем, а в 1133 году настоятелем школы. Он основал так называемую «школу св. Виктора».

Как естествоиспытатель Гуго далеко опережал своё время: применял математический метод в физике, предполагал путь свободному знанию без опеки со стороны церкви: *«Изучай всё! Позже ты увидишь: ничто не лишне!»*

В познании он различал мнение, веру и знание. Все живые существа, считал он, наделены душой. Глубочайший душевный дар человека — «способность видения прототипов» вместе со способностью мистического постижения Бога: «Возвыситься до Бога — это значит войти в своё «я», но не только; это значит также невидимым образом выйти за пределы самого себя».

10. Шартрская школа.

В X веке во французском городе Шартре возникла соборная школа, ставшая впоследствии важным центром схоластической философии. Она начала оказывать большое влияние начиная с 990 года, когда во главе ее встал Фульбер (Fulbert, ок. 960—1028), епископ шартрский, перестроивший свой собор после сильного пожара.

Влияние этой знаменитой школы продолжалось до середины XII века и даже чуть позже.

Ее последовательно возглавляли Бернард Шартрский, Жильбер Порретанский и его брат Тьерри (Теодорик, умер между 1150—1155).

Видными представителями школы были также Гийом из Конша и англичанин Иоанн Солсберийский (около 1115—1180), который учился во Франции в 1136—1148, а в конце жизни стал даже епископом Шартра. К шартрской школе примыкали также англичанин Аделард из Бата и француз Бернар из Тура (Бернард Сильвестр, середина XII века).

В период господства схоластики ее представители из Шартрской школы первыми в Европе обратились к античному философскому и научному наследию и сформулировали ряд идей, противоречащих догматам католицизма. В противоположность схоластическим трактатам философы школы использовали

художественные формы, унаследованные от античности: диалог, дидактическую поэму, поэтическое олицетворение, иносказание.

Стоя на позициях реализма и августинского платонизма, философы Шартрской школы стремились возродить идеи подлинного, нехристианского Платона, опираясь главным образом на диалог «Тимей», известный им в основном по латинскому переводу и комментарию Халкидия. Комментируя ветхозаветный рассказ о сотворении мира в духе «Тимея» (идея независимой материи от творящего мир Демиурга и др.), Тьерри и Гильом, как до них Абеляр, отождествляли третью ипостась Святой Троицы с платоновской мировой душой; На этой основе они подходили к пантеистическому сближению Бога и природы.

У Тьерри с платонизмом сочетались элементы пифагореизма, выразившиеся в числовых спекуляциях вокруг догмата о единстве и троичности Бога.

С другой стороны, платоновское положение о самосущем бытии материи легло в основу натурфилософских теорий Шартра о возникновении мира из бесформенной материи, о её пластическом преобразовании как источнике разнообразия видимых вещей etc. Космологические мотивы постоянства элементов природы (возникают и гибнут лишь их сочетания) характерны для поэмы Бернара Турского «О всеобщности мира» («*De mundi universitate*», написана в 1145—1153), для поэмы Алена Лилльского (ум. в 1203) и др.

В своих натурфилософских занятиях Аделард из Бата и Гийом из Конша впервые в средневековой Европе пришли к восприятию (через посредство арабских источников) идей атомистики Демокрита и Эпикура, а многие представители Шартрской школы — к естественно-научным занятиям (физиология, медицина, астрономия, математика).

Эмпирическая тенденция у Бернара Шартрского, Тьерри и Жильбера привела их к возрождению (впервые в Западной Европе) идей аристотелизма, особенно в области логики.

Тьерри в сочинении «*Neptateuchon*» опубликовал неизвестные дотоле схоластическим Европам важнейшие разделы «Органона» Аристотеля — «Первая аналитика», «Топика», «Опровержение софистических умозаключений». Жильбер под влиянием «Аналитик» стремился подчеркнуть индуктивное происхождение принципов научного знания.

Аристотелевская ориентация этих представителей Шартрской школы приводила их к умеренному реализму, который иногда перекрещивался у них с концептуализмом, как например, у Иоанна Солсберийского, который в сочинении «*Metalogicus*» выступал как защитник светской науки, убеждённый сторонник античной цивилизации, защитник Эпикура, один из первых поборников теории двойственной истины и эмпирических тенденций в средневековой философии.

К концу XII в. деятельность Шартрской школы ослабевает в связи с появлением новых центров философской мысли. Вскоре им станет Парижский университет.

~ ~ ~ ~ ~

Влияние идей Шартрской школы очевидно в пантеизме *амальрика* и *Давида Динанского*.

Учение Гийома из Конша обнаруживает прямую связь с античным материализмом: Гийом призывал объяснять природу на основе атомистической философии.

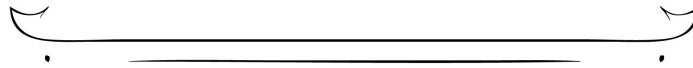
Шартрская школа.

Прологом к деятельности Шартрской школы явилось произведение англичанина Аделарда Батского «О сходстве и различии» (Adelhard of Bath. De eodem et diverso, ок. 1108—1109) ; оно предвосхитило важнейшие направления философской мысли Шартра, исходившей из концепций Платона и Боэция. Принципы, провозглашённые Аделардом, легли в основу программы Шартрской школы и нашли развитие в творчестве Бернарда Сильвестра (Bernardus Silvestris, XII век) и Алана де Лилля (ок. 1128—1202).

Первым представителем Шартрской школы считается некий Bernard de Chartres, умерший около 1130 г. Заслуга школы — сведение различных гуманистических концепций Средневековья в единую программу. Подлинной же основой Шартрской школы была античная философия и прежде всего «Тимей» Платона, в котором видимый мир рассматривается как отражение идеального мира, а бог — как нечто постижимое через зримый мир. Объединяя античную (языческую) философию с христианским вероучением, представители Шартрской школы ввели понятие «божественная мудрость Троицы» : они отождествляли третью ипостась Троицы с платоновской мировой душой и на этой основе сближали бога и природу. Мировая душа — связующее звено между Вселенной и божественной мудростью. Это понятие получило художественное выражение в поэтических аллегориях, возникших под влиянием философии Шартра. В центр их выдвигался человек, душа которого была ключом к постижению окружающего мира; таким образом, в поэзии усилились нравственный и психологический моменты.

Значительное влияние на развитие философской мысли Шартра оказало сочинение Боэция «Об утешении философией», представлявшее собой своеобразный синтез «красноречия» и «мудрости». Наиболее типичным для Шартрской школы истолкованием Боэция нередко считают психологическую концепцию Гийома из Конша.

На развитие шартрской философии и особенно поэзии повлиял еще один римский писатель — Martianus Capella, автор сочинения «О браке Филологии и Меркурия» («De nuptiis Philologiae et Mercurii», V в. до н. э.). Марциан ввёл в средневековую поэзию тему «духовного паломничества», то есть стремления духа прорваться за пределы земного бытия к истине; позднее в литературной теории последователей шартрской школы она была признана как бы архетипной темой всякой серьёзной поэзии.

Сочинение Марциана Капеллы стало объектом для комментариев примыкавшего к Шартрской школе видного французского поэта-философа Бернарда Сильвестра, который систематизировал мифографию и тонко чувствовал платоническую (аллегорическую) традицию.

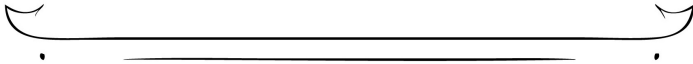
Концепция отношений человека и природы, включавшая у Бернарда противоборство человеческой воли с окружающим миром, явилась центром его раннего процветания «*Mathematicus*»; она же аллегорически раскрыта в сочинении «О всеобщности мира» («*De mundi universitate*», 1145—1153), где проводится мысль о том, что в основе жизни лежит стремление человека вырваться из-под власти необходимости и физической слабости, но в то же время признаются весьма ограниченные возможности человеческой природы.

XII век во Франции был своего рода «возрождением»: обращение к философскому, научному и литературному наследию античности, стремление возродить подлинного, нехристианизированного Платона и развитие на этой почве новой волны гуманизма. Этот процесс был связан с деятельностью Шартрской школы. Её философы стремились к метафорическому прочтению произведений античной философии, желая прорваться за пределы внешнего, за «покров». Со временем роль поэзии сложных философских понятий всё более возрастала.

В духовной жизни того времени было два основных течения — рационализм и «символизм». В их противоположности не было антагонизма. Так, символист Hugues de Saint-Victor, 1096—1141, включал в свои труды положения рационалистов — представителей Шартрской школы. А различие между Гуго и Гильомом де Конш не помешало компилятору середины XII в. попытаться объединить их произведения. К этому же стремились цистерцианец Гарнье из Рошфора (Garnier de Rochefort, XII в.) и теолог Алан де Лилль (ок. 1128—1202). Оба направления преследовали одну цель — умозрительное постижение истины, «через создания к создателю» (*per creaturas ad creatorem*). Как рационалисты, так и «символисты» стремились к постижению природы божественного и пренебрегали историческим моментом, что со временем всё более сближало их. Слияние рационализма и «символизма» означало переход от философии и теологии к их своеобразному литературному аналогу, прежде всего к литературно-философским аллегориям Шартрской школы.

Космогония Бернарда Сильвестра получила дальнейшее развитие в поэмах Алана де Лилля «О жалобе природы» («*De planctu Naturae*», 1160—1170) и «*Anticlaudianus*» (1182), в которых сочетались героика, эротика и условности куртуазной традиции. Постоянная тема Алана — взаимоотношение между божественным и природным, естественным. В этом плане поэмы Алана Лилльского положили начало аллегорической форме, достигшей апогея в «Божественной комедии» Данте.

Поэзия, возникшая под идейным влиянием Шартрской школы, оказала влияние на куртуазный роман. Куртуазия была как социальным, так и философским идеалом. Эти два уровня характерны как для куртуазной поэзии, так и для куртуазного романа.

Мир куртуазного романа, как и мир, порождённый философией Платона, воплощал недостижимые идеалы: идеальное общество, идеальное участие в жизни природы. Роман Кретьена де Труа «Эрек и Энида» идейно связан с Шартрской школой.

Распространение влияния её философии на литературные центры шло постепенно и достигло апогея в третьей четверти XII века, когда расцвет самой школы уже миновал. В результате интенсивного развития светской культуры Шартрская школа в XIII веке пришла в упадок. С её участием сформировались аллегорическая и куртуазная традиции, которые полнее проявились в XIII веке (Jean de Meun. Le Roman de la Rose —середина XIII века).

11. Итог эпохи.

Итак, уже в эпоху ранней схоластики её основной философской темой стали универсалии. Вопрос об универсалиях в известном смысле стал средневековым вариантом вопроса о тождестве мышления и бытия. Три основные формы учения об универсалиях — это *реализм, концептуализм и номинализм*.

В недрах схоластики зарождается вольномыслие, сопротивление давящему авторитету церкви (Абеляр) и тяга к аристотелизму (Шартрская школа). Росцеллин подверг сомнению догмат Троицы; знаменитый ересиарх Беренгард Турский (Berenger de Tours, ок. 1000—1088) был осужден несколькими соборами за свою теорию об евхаристии. Развиваются различные формы пантеизма; например, мистический пантеизм амальрикан.

Спекулятивная теология христианства развивается по линии усвоения греческих моделей для описания идей, совершенно инородных греческой философии. Бог, в жизненной сфере воспринимавшийся как «живой Бог» Библии, описывался теологами как идея абсолютного блага, абсолютной истины, как чистое бытие. От Тертуллиана до Бернара Клервосского не умолкает вопль возмущения, воспринимающего это как предательство веры. Тем не менее, схоластика шествует по этому пути, чтобы в «Сумме теологии» Фомы Аквинского достичь предельной гармонии между библейскими и платоническими истоками теизма.

В XII веке одна за другой рождаются мощные новые ереси — движения вальденсов, альбигойцев, катаров. Крестовые походы приносят новую волну восточных влияний.

Около 1150 года в Париже сформировалось ядро будущего Университета. Окончательно его учредил король Филипп—Август, давший университету большие привилегии и в том числе собственную юрисдикцию. В XIII веке Робер де Сорбон, духовник Людовика Святого, основал «Сорбонну».

12. Катары и альбигойцы.

Катары (от греч. *kataros* = чистый) — бюргерская ересь, возникшая в Южной Франции и с конца XII века начавшая своё распространение: в начале XIII в. проникла в Англию и Северную Германию, вплоть до Пруссии, и сомкнулась с еретическим движением Северной Италии.

Ересь охватывала слои населения, недовольные крупными феодалами и церковью: горожан (особенно ремесленников — текстильщиков), часть низшего дворянства и часть крестьянства. Катары исходили из дуалистического противопоставления Божьего мира — миру дьявольскому (т. е. всей земной жизни и всему материальному миру). Такие идеи исповедовали ещё манихеи, а в IX—X веках павликиане и богомилы. Павликианские движения с оружием в руках потрясло Византийскую империю, а его манихейское учение развили болгарские богомилы, боровшиеся почти вплоть до завоевания Балкан турками.

От павликиан и богомилов манихейскую идеологию заимствовали североитальянские патары (патарены) и южнофранцузские катары.

Считая всё зло мира порождением дьявола, катары получали возможность религиозного осуждения феодальной эксплуатации, поборов и податей, войн и усабиц, социального и экономического неравенства. Они даже церковь объявили дьявольской силой, отвергли её учения, догматику и обрядность, иерархию и вообще духовенство, а особенно резко выступали против папской власти.

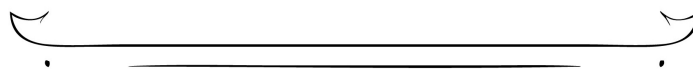
В отдельных частях они критиковали даже Евангелие (рождение, крестная смерть и воскресение Христа etc). Не признавали они и латыни как обязательного богослужебного языка.

Катары создали свою религиозную организацию во главе с «совершенным» (наставниками), получившими особое посвящение («утешение») и обязанными вести аскетический образ жизни. Катары поощряли добровольный уход из жизни и нередко кончали жизнь самоубийством.

Посвящение у них считалось единственным средством спасения: его можно было принять лишь один раз, обычно на смертном одре.

Ответвлением катаров были альбигойцы. Некоторые французские историки употребляют оба термина как синонимы: «катары или альбигойцы». Во всяком случае, второе название относится только в Франции.

Центром движения был город Альби в Лангедоке, жители которого по-французски называются les albigeois (лат. *albigenses*). Возникновение ереси связано с экономическим подъёмом южнофранцузских городов (они установили широкую торговлю с Ближним Востоком), их успешной борьбой против феодалов и завоеванием независимости, подъёмом культуры и высокоразвитым просвещением. Лангедок был богатым и цветущим краем. Одним из главных препятствий дальнейшего развития его городов была церковь с её феодальным землевладением...

Основную массу альбигойцев составляли ремесленники (преимущественно ткачи), горожане, часть крестьян, страдавших от тяжелых церковных поборов, рыцари и часть местной знати во главе с графом Тулузским Раймундом VI⁸: эти последние покушались на земельные богатства церкви. Еретики из Альби приняли учение катаров — издавлякая пришедшую форму славянского манихеизма. Они представляли прямую угрозу власти и владениям церкви, а также *страшный соблазн для других христианских народов*.

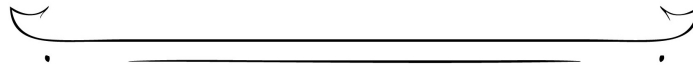
Церковь ещё в XII веке предала анафеме учение катаров, альбигойцы были отлучены от церкви. После этого они собрали в Сан-Феликсе свой синод (1167 год), на котором сформулировали своё вероучение и организовали свою церковь.

Во 1198 году папский престол в Риме занял отпрыск аристократического рода Лотарь де Сеньи, принявший имя Иннокентия III. Этот энергичный и активный государь завоевал небывалое могущество в Европе. Используя распри между крупными феодалами и стремясь на практике осуществлять идею превосходства папской власти над светской, он постоянно вмешивался в политическую жизнь государств, широко применял интердикты (запреты богослужений и обрядов в целой стране), отлучения королей от церкви и т. д. Он боролся против Филиппа—Августа во Франции и Джона Беззепельного в Англии. Он сумел поставить в вассальную зависимость от папства государей Англии, Швеции, Дании, Арагона, Португалии и др., способствовал усилению феодальной раздробленности Германии.

Он был вдохновителем и организатором многих крестовых походов. По его призыву бы начат четвёртый крестовый поход (1202—1204), который неожиданно привёл к захвату и разграблению христианского Константинополя. Воспользовавшись этим, папа пытался распространить своё владычество на Византию. Иннокентий III организовал поход немецких крестоносцев против ливов и эстов, для чего санкционировал создание Ливонского ордена (1202): этот крестовый поход на берега Балтики стоил человечеству 100000 жизней. В 1212 году Иннокентий организовал крестовый поход детей — с катастрофическими последствиями. Но самым кровавым его подвигом были альбигойские войны, развязанные крестовым походом против альбигойцев, который был объявлен Иннокентием в 1209 году.

Крестоносцами командовал граф лестерский Симон де Монфор (ок. 1165—1218); вместе с ним поход возглавлял специальный легат папы. Крестоносцы взяли и разграбили Безье, Каркассон и другие города этой цветущей страны; население их было вырезано. В 1213 году они одержали решительную победу над альбигойцами Раймона VI Тулузского и войсками его союзника арагонского короля Педро II в сражении при Мюре (*Muret*). Специально для уничтожения альбигойской ереси папа Иннокентий III положил начало инквизиции. После битвы при Мюре Симон де Монфор лишил Раймона VI его владений.

⁸ Раймунд VI, покровитель альбигойцев, был графом Тулузы с 1195г.

В1216 альбигойцы подняли восстание на занятых крестоносцами землях. Им было нечего терять, они остались одни против христианского мира. В 1215 папа созвал IV Латеранский вселенский собор (Латеран — папский дворец в Риме), крупнейший в истории Средних веков. Собор утвердил до 70 постановлений, предложенных папой, в том числе решения о беспощадном преследовании еретиков — катаров, вальденсов, амальрикан. И в год смерти Иннокентия III (1216) альбигойцы восстали.

Началась война на истребление. Симон де Монфор был убит в 1218 при осаде Тулузы. Лишенный своих земель граф Раймон VI умер в 1222. Плодородные земли Лангедока несколько лет были покрыты пеплом костров. Всего за время альбигойских войн было убито 100000 людей. Лангедок опустел. Карл VIII, король Франции, тоже принял участие в этой позорной войне, которая кончилась только в 1229 году Парижским трактатом (в регенство королевы Бланки Кастильской).

Иннокентий III прославился кровавыми крестовыми походами, созданием инквизиции и нищенствующих монашеских орденов. В 1233 году инквизиция была передана папством в ведение ордена доминиканцев, который прославился своим зверством в последующих трёх веках. Последние альбигойцы были уничтожены инквизицией в начале XIV века.

Доминиканцы

При взятии Безье крестоносцы убили около 20000 человек. Сотни людей были заживо сожжены на кострах. Когда у папского легата Арнольда, руководившего разгромом Безье, спросили, как отличить еретиков от добрых католиков, легат ответил: «Бейте всех подряд. Господь на небе узнает своих».

Особенно жестокостью в расправе над альбигойцами отличался испанский монах Доминик. Доминго де Гусман (1170—1221) был кастильский проповедник родом из Калахорры, субприор августинского монастыря в г. Осме. Он находился в Лангедоке, когда там началась расправа с альбигойцами. Вместе со своими спутниками — монахами он включился в борьбу против еретиков: для этой цели он ещё раньше, в 1206, создал особый орден странствующих проповедников. Орден был утверждён папой Иннокентием III в 1216 году. Уже в 1234 Доминго де Гусман был причислен к лику святых. Орден получил его имя.

Dominicani, «братья — проповедники», орден, созданный в 1206 году в Тулузе, скоро стал крупнейшей силой в борьбе с ересями. С помощью пап он захватил богословские кафедры во всех университетах Европы. Из ордена вышли такие учёные, как Альберт фон Больштедт, Фома Аквинский, а также несколько пап. В руки ордела была передана инквизиция.

Подчёркивая свою преданность и свирепость, *dominicanī* называли себя *Domini canes* (псы Господни) и на своем гербе изображали пса с пылающим факелом в зубах.

Доминиканцы и францисканцы — ордена нового типа, нищенствующие монашеские ордена с суровым уставом. Позднее в число нищенствующих орденов были включены кармелиты и августинцы.

13. Светлое лицо эпохи

Francesco d'Assisi (лат. *Franciscus Ascisiatius* или *Assisiensis*), в крещение Иоанн (1182 — 3 октября 1226) — итальянский религиозный деятель, основатель монашеского ордена миноритов («меньших братьев»). Родился в семье купца. Не получил систематического образования. Причастность к новому, городскому строю жизни сочеталась у Франциска Ассизского с отвращением к купеческому меркантилизму и тоской по рыцарскому бескорыстию, постепенной перешедшей в тоску по евангельской добровольной нищете. В 1208 составил вместе с двумя товарищами братство неимущих проповедников, в котором точное следование Евангелию было поставлено выше форм монашеского образа жизни (посты и т. п.). религиозность Франциска Ассизского перекликается с еретическими исканиями, давшими катаров, вальденсов и т. п., но Франциск сохранял лояльность к католической церкви. В 1219 он пытался проповедовать христианство в мусульманском Египте; по возвращении с Востока сложил с себя руководство общиной, которая всё отчетливее перерождалась из братства бессеребренников в монашескую институцию.

Сам Франциск написал немного: систематическое изложение его учения противоречило бы его духу. Ему принадлежит такое название «Песнь о Солнце» — произведение проникновенной религиозной лирики. Мистика Франциска запечатлена народной свежестью и бодростью: природа — просветлённый и таинственный мир, вызывающий к человеческой любви, лукавство демонов бессильно и достойно смеха, учение о предопределении и гибели души — дьявольский вымысел. Оставаясь в русле христианского мировосприятия, Франциск предвосхитил ту потребность в обновлении форм культуры, которая позднее породила Возрождение.

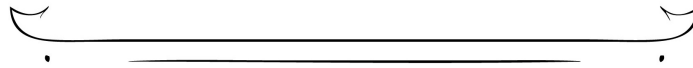
С. С. Аверинцев

[Франциск — любимый герой гениев раннего Возрождения, в том числе и великого живописца Джотто.]

Знаменитые деятели римской церкви

Святой Франциск Ассизский (Francesco d'Assisi)

Джованни Бернардоне, св. Франциск Ассизский (1182—1226) родился в Ассизи (Умбрия). Сын богатых родителей, он провёл молодые годы в праздности и кутежах. После тяжёлой болезни, а также под влиянием вальденсов Джованни постригся, сменил имя, предался аскетизму и, странствуя по Италии, стал проповедовать бедность и

покаяние. Призывая христиан к отказу от личной собственности и физическому труду, как средству пропитания, Франциск из Ассизи приобрёл колоссальную популярность в народе. Толпы людей стекались к нему. Церковь поспешила поставить францисканское движение под свой контроль.

Франциск был мечтательной и поэтичной натурой; он обожал природу и проповедовал даже птицам. Он основал братство францисканцев, утверждённое папой в 1209 г., его женское ответвление («второй орден», «клариссинки»); утвержденное в 1218⁹, и орден терциариев («третий орден»), утверждённый в 1221 году. Братство, возникшее вокруг Франциска, за короткое время претерпело значительную эволюцию в сторону приближения к обычным монашеским орденам, чему сам Франциск противился: в 1220 он отошел от руководства ордена. Огромная популярность Франциска побудила курию уже в 1228 канонизировать его (праздник 4 октября).

Известная анонимная книга рассказов о Франциске («Цветочки святого Франциска», «*Fioretti*») сохранила изысканные черты его легенды, иллюстрированные в изумительных фресках великого Джотто (главная капелла в Ассизи). Эта книга, как и вся деятельность святого, проникнута поэтически-страстной религиозной верой.

Орден основа в 1212 году святой Кларой, девой — аббатиссой из Ассизи (1493—1253), и Франциском. Монахини святого Франциска или «кларрисы» — орден утвержден в 1218, реформирован святой Коллетой в XV веке.

Thomas Aquinatus (1225—1274)

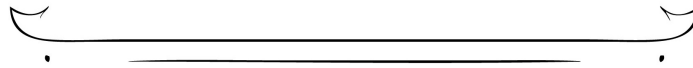
Сын итальянского графа, родился в замке Росса Сесса, в юности стал доминиканцем, учился у Альберта фон Больштедта в Кёльне (у Альберта Великого).

Фома неоднократно читал курсы лекций в Париже, а также в Риме, Болонье и Неаполе. Его главные сочинения: «Сумма философии об истинности католической веры против язычников» («*Summa contra gentiles*») — полемика против идей восточной философии; «Сумма богословия» («*Summa theologiae*») — систематизированное изложение основ католического богословия, не вполне законченное автором, — и «Комментарии к сочинениям Аристотеля». Фома явился крупнейшим представителем средневековой схоластики и реформатором официальной философской доктрины церкви.

Он отступил от господствовавшего до него в католической философии платоновского направления и в основу своей доктрины положил христианизированное учения Аристотеля, идеи которого через посредство арабско-иудейских авторов стали проникать в Западную Европу. Обращение Фомы к Аристотелю диктовалось стремлением использовать авторитет величайшего мыслителя античности для укрепления богословской системы католицизма.

Фома разработал христианское учения о мире как раз навсегда установленной иерархической системе и о боге, освящающем власть монарха на земле, социальное

⁹ Орден основа в 1212 году святой Кларой, девой — аббатиссой из Ассизи (1493—1253), и Франциском. Монахини святого Франциска или «кларрисы» — орден утвержден в 1218, реформ-мирован святой Коллетой в XV веке.

неравенство и феодальный гнёт. Из божественных велений он выводил святость и непогрешимость папской власти, абсолютное подчинение которой объявлял безоговорочным условием спасения души. Во имя славы Божией и веры Христовой Фома призывал к беспощадному истреблению еретиков.

Признавая право разума (философии) на отыскание истины, Фома считал установленную таким путём истину нижней и требовал её подчинения высшей истине, постигаемой с помощью божественного откровения и веры.

В социально-экономическом учении Фомы учитывались новые явления в развитии феодализма: рост ремесла и торговли, развитие денежных отношений, расцвет городов и формирование сословия горожан. Он высказывал идеи о «справедливой цене», о «греховности» ссудного процента etc.; в то же время он отстаивал сохранение рабства.

В аристотелизме Фома усиливал его идеалистические элементы (учение о неподвижном мировом перво двигателе, *primum movens*, etc.). значительное влияние на философию Фомы оказали и идеи неоплатонизма. В споре об универсалиях он занимал позиции «умеренного реализма»¹⁰, признавал универсалии трёх видов: до единичных вещей (в божественном разуме), в самих вещах (как общее в единичном) и после вещей (в познающем их человеческом разуме). Основной принцип философии Фомы — гармония веры и разума: он считал, что можно рационально доказать бытие бога и отклонить возражения против истин веры.

Всё существующее укладывается Фомой в богоданный иерархический порядок.

Фома не был новатором в философии и богословии, но он был энциклопедистом средневековой схоластики, завершителем её системы, которою он пытался охватить все вопросы, выдвигавшиеся его временем, а потому был рано провозглашён одним из «учителей Церкви» и в 1323 причислен к лику святых.

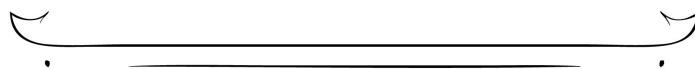
Реализм — направление в средневековой схоластике, утверждавшее, что общие понятия (универсалии) имеют реальное существование и предшествуют существованию единичных вещей: фактически это линия Платона в решении проблемы понятия и объективного мира, общего и единичного. Виднейшие теоретики реализма — Ансельм Кентерберийский и Вильгельм из Шампо. Против реализма боролись номиналисты, выражавшие материалистическую тенденцию в схоластике (*Росцеллин, Дунс Скотт, Оккам*).

В 1879 буллой «*Aeterni patris*» Лев XIII объявил доктрину Фомы «единственно истинной философией католицизма». В 1924 году курия специально определила и утвердила 24 тезиса как истинное учение Фомы Аквинского. Неотомизм широко популяризируется католической философией XX века.

«Сумма против язычников»: 1261—1264.

«Сумма теологии»: 1268—1273

Фома Кемпийский (*Thomas a Kempis, Thomas Hemerken de Kempen*, ок. 1379—1471) — немецкий мистик, автор многих религиозно-назидательных сочинений, монах

Агнатенбургского монастыря. Ему приписывается авторство (по сей день сомнительное) книги «*О подражании Христу*», которая постоянно переиздавалась и переводилась на все европейские языки (на русский — Победоносцевым). Книга написана около 1427 года и предназначена не богословам, а рядовым верующим; она излагает учение Христа простым языком, воздействуя больше на чувство, чем на сознание. При этом аноним обходит вероисповедные разногласия и в основном занимается проповедью христианских добродетелей, аскетизма. Местами в книге сквозит отрицательное отношение к церковной организации, но церковь мирилась с этим из-за большой популярности книги и охотно распространяла её.

«*Imitatio Christi*» — книга единственная в своём жанре, написанная ясной и сильной латынью, очень оригинальная. Авторство этого анонимного труда, кроме Фомы Кемпийского, приписывалось также канцлеру парижского университета Жану Жерсону (Gerson) и Жерсану (Gersen) — аббату версейскому (abbé de Verceil).

14. Становление зрелой схоластики.

Зрелая схоластика (XIII—XIV века) возникла в связи с дальнейшим прогрессом городской жизни, возникновением университетов, ставших основными центрами преподавания наук и философии (особенно Парижский и Оксфордский университеты). В этот период неортодоксальная схоластика испытывала сильное влияние передовой арабоязычной философии, особенно Аверроэса (Ибн Рошда)¹¹. Существенное значение для развития схоластики имела деятельность Шартрской школы, естественно-научная и гуманистическая ориентация которой выводила её за пределы схоластики. Углублялось знание античной философии. Главные сочинения Аристотеля переводились в XIII в. уже непосредственно с греческого оригинала. Характерно включение в сферу внимания зрелой схоластики, наряду с логическими, и онтологических концепций аристотелизма.

В начале XIII века конституируется Парижский университет, ведущую роль в котором играл богословский факультет — Сорбонна. В этом крупнейшем теолого-философском центре Европы учились или преподавали почти все видные представители

¹¹ Ибн Рошд (латинизированная форма — Аверроэс, 1126—1198) — великий арабский философ, уроженец Кордовы. Глубокий мыслитель, создавший собственную систему и развивавший материалистические элементы в аристотелизме.

Признавая существование Бога, Ибн Рошд не считал его творцом материи. Материя безначальна, вечна и не может исчезнуть. Движение так же вечно, не может быть никем остановлено и является потенцией материи. В мире господствует необходимость, которой подчинён и Бог. Не признавая сотворения мира Богом, Ибн Рошд отрицал также светопреставление, воскресение из мёртвых, загробную жизнь. Душа человека неотделима от тела и в качестве индивидуальной не бессмертна; бессмертны в целом человечество, его всеобщий интеллект, коллективный разум. Разум человека способен познавать истину. Аверроэс — один из создателей учения о двойственной истине: достижения научно-философской мысли не обязательно должны совпадать со святыми истинами религии. Аверроэс решительно выступил против консерватизма и мистицизма мусульманского богослова аль Газали, общепризнанного в исламе «столпа правоверия».

средней и поздней схоластики. Среди них были Александр из Гэльса и Альберт фон Больштедт, начавшие переводить христианство на новую философскую базу — схоластизированный аристотелизм (взамен господствовавшего ранее неоплатонизма); этот процесс был завершён Фомой Аквинским, учение которого стало уже в XIII веке почти официальной философией католицизма.

Философия Аристотеля, к которой церковь сначала относилась враждебно, в дальнейшем — в процессе борьбы с идеями Давида Динанского, амальрикан, латинских аверроистов во главе с Сигером Брабантским, была ассимилирована и переработана в христианско-католическом духе.

Комментарии Аверроэса к сочинениям Аристотеля сыграли большую роль в ознакомлении европейских философов с античной философией. Адептом Аверроэса стал профессор Парижского университета Siger de Brabant (1235—1281).

Наряду с Аверроэсом крупную роль сыграл в становлении зрелой схоластики ещё один чужак — знаменитый Маймонид. Собственно его звали Моисей бен Маймун, он был еврей (1135—1204). Врач и теолог, родом из той же Кордовы, Маймонид был аристотеликом, одним из лидеров рационалистической школы в иудаизме. В 1165 он поселился в Египте, а в 1187 стал лейб-медиком каирского султана.

В основе философии Маймонида — синтез иудейской теологии с аристотелизмом; путем «одухотворённого» (аллегорического) толкования Библии и отдельных догматов иудаизма Маймонид пытался совместить религию с философией.

В 1190 году появился на арабском языке его главный труд — «Учитель заблудших» (или, в других переводах, «Наставник колеблющихся»), который вскоре был переведён на еврейский язык, а затем на латынь. В нём Маймонид, усвоив в интерпретации арабских мыслителей философию Аристотеля, пытался рационализировать иудаизм. Он стремился свести ветхозаветное пророчество к разумным началам и усматривал в нём аллегории, художественные образы, метафоры. Опровергая антропоморфическое представление о Боге, Маймонид вместе с тем вопреки Аристотелю отстаивал библейский миф о сотворении мира Богом из ничего и учение об Откровении. Он не разделял догм о воскресении мёртвых и бессмертии души, высмеивал веру в судьбу и астрологию, призывал к познанию природы, занятию науками и философией. Как теолог, Маймонид систематизировал и рационалистически истолковал запутанные положения Талмуда в своей книге «Сильная рука», сформулировал 13 членов символа веры иудаизма. За свой явный рационализм он подвергался гонениям со стороны религиозных фанатиков — евреев.

«Учитель заблудших» приобрёл громкую известность в Западной Европе. Ревнители синагоги усмотрели в сочинениях Маймонида опасное вольнодумство и с помощью инквизиции добились их сожжения (1234 г.), а имя его предали анафеме. Тем не менее, мысль Маймонида оказала сильное влияние на позднюю схоластику, в частности на Фому Аквинского.

Идеи Маймонида получили распространение и на Руси (секта «жидовствующих»).

15. Альберт Великий.

Альберт Великий (*Albertus Magnus*) родился между 1193 г. и 1207 г., умер в 1280 г. Происходил из знатного немецкого рода, граф von Bolstädt, родился в Лауингене (*Lauringen*), в Швабии. Получил замечательное по тем временам образование, вступил в доминиканский орден. Теолог, философ, естествоиспытатель, он был прозван современниками «doctor universalis». Исключительные познания Альберта в физике, химии и математике вызывали не раз заподозрения его в колдовстве, и имя его ещё при жизни окружено легендами. *Doctor Universalis* = универсальный ученый.

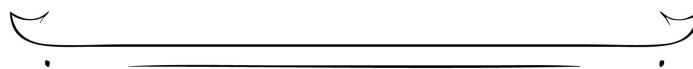
Видимо, Альберт пытался конструировать сложные механизмы в человеческом облике — андроиды. Согласно одной из легенд, однажды ученик Альберта — Фома Аквинский — пришел к учителю в его отсутствие. В тайной мастерской Альберта Фома увидел механизм — прекрасную женскую фигуру, которая приветствовала гостя весьма приятными словами. Но Фома не испугался. Чтобы избавиться от дьявольского наваждения, он бросился бить женщину палкой. Фигура с жалобным гулом рухнула на пол. Как в этот раз вошёл Альберт и гневно закричал: «Фома, Фома, что ты наделал? Ведь ты уничтожил мой тридцатилетний труд!».

Несомненно, это только легенда, но историки признают, что в средние века делались попытки создания андроидов и что в этих попытках участвовали крупнейшие умы той эпохи. Их опыты и изображения были окружены глубочайшей тайной, которую порождала кастовая замкнутость тогдашней науки, а также подозрительное отношение церкви к подобным занятиям. Тайна вызывала слухи и легенды. Люди смешивали эти занятия с магией. Сложился миф о демонизме науки.

Об Альберте Великом рассказывали также, что он изготовил механического слугу, который отворял гостям на стук дверь дома и учтиво их приветствовал.

Альберт был одним из первых, кто занялся приспособлением идей Аристотеля католическому вероучению. Вместе со своим учеником Фомой Аквинским «всеобъемлющий доктор» боролся против истолкования Аристотеля в духе *аверроизма* (вечность мира, смертность души, теория двойственной истины), а также против передовых школ в схоластике; использовал аристотелевские идеи для выработки единой философско-теологической системы.

Кроме чисто философских сочинений («Сумма теологии» и проч.) Альберту принадлежат и естественно-научные трактаты, которые, наряду с библейскими вымыслами, фантастическими легендами, рассказали о чудесах, включают непосредственные наблюдения Альберта над природой.

В 1931 г. католическая церковь канонизировала Альберта и объявила одним из учителей церкви (Doctor ecclesiae). В 1941 г. папа объявил св. Альберта покровителем всех католиков, изучающих естественные науки. Альберт Великий был одним из родоначальников алхимии.

В детстве Альберт казался тупым мальчиком, позже у него проявились блестящие способности. В старости он якобы впал в слабоумие. Об этом его биограф сообщает: «Альберт из осла стал философом, и из философа стал ослом». За его приверженность к философии Аристотеля противники его называли «аристотелевской обезьяной».

Обладая огромными знаниями, Альберт не был по-настоящему творческим умом. Он обнаруживает мало самостоятельности в своих взглядах.

16. Фома Аквинский.

Tommaso d'Aquino (лат. Tomas Aquinas) родился в 1225 г. в замке Рокка Сесса («Сухая скала») близ Аквино в Неаполитанском королевстве, в аристократической семье.

Воспитывался и учился в знаменитом монастыре Монте-Кассино, с 1239 по 1244 учился в Неаполе; в 1244 вступил в доминиканский орден. Образование завершил под руководством Альберта Великого в Парижском (1245—1248) и Кёльнском (1248—1252) университетах. Преподавал в Париже, Риме, Неаполе. В своих лекциях и книгах Фома выступил как систематизатор ортодоксальной схоластики. Он основал одно из двух господствующих направлений — томизм.

В 1269—1272 годах Фома возглавил в Парижском университете борьбу против Сигера Брабантского и парижских аверроистов.

Скончался 7 марта 1274 года. В 1323 причислен к лику святых.

В обширном наследии Фомы центральное место занимают два монументальных итоговых труда — «Summa theologiae» (включает около 3000 тематических разделов, не окончена) и «Сумма против язычников», т. е. главным образом, против арабов («Summa contra gentiles», иногда обозначаемое как «Summa philosophiae»); далее должны быть отмечены комментарии на тексты Библии и Аристотеля, на книгу о причинах (в которой Фома справедливо усмотрел конспект текстов Прокла), на «сентенции» Петра Ломбардского и т. п.

Метафизика Фомы содержит учения о сущем как таковом и «естественную теологию». В основу последней Фома положил *пять* сформулированных им доказательств бытия Божего. Фома находил недостаточным *онтологическое* доказательство бытия Бога, предложенное Ансельмом Кентерберийским: здесь выразилась противоположность между восходящим к Августину интуитивизмом Ансельма и восходящим к Аристотелю эмпирическим рационализмом Фомы. Следуя за

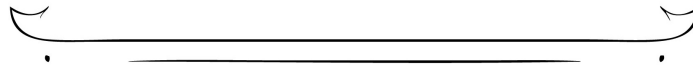
Аристотелем, Фома описывает Бога, как первопричину и конечную цель сущего, как «чистую форму», «чистую актуальность» (*actus purus*). Сущность Бога и бытие Бога тождественны. Напротив, в творениях Бога сущность (*essentia*) и бытие (*esse*) не совпадают, ибо сотворенное лишь участвует в бытии.

Другими словами, сотворённое — будь то ангел или вещь природы — это всего лишь сущность (некоторая божественная идея), получившая *бытие*. При этом сущностью ангела является «чистая форма», а сущностью телесной вещи — единство формы и материи. По учению Фомы, материя и форма — реальные сверхчувственные внутренние принципы, образующие всякую телесную вещь. Материя — только восприимница сменяющих друг друга форм, «чистая потенциальность», (*potentia pura*) телесных вещей и потому не существует вне формы. Формы же есть «актуальность» (*actus*) потенциальность, ибо только форма есть то, благодаря чему вещь является вещью определенного рода и вида. Одновременно форма есть также и «целевая причина» возникновения вещи.

Напротив, причиной индивидуального своеобразия вещей одного и того же вида («принципом индивидуации») оказывается «получившая напечатление материя (*materia signata*) того или иного индивида». Сущее (*ens*) Фома вслед за Аристотелем делил на *субстанции* и *акциденции*. Акциденции (количество, качество, отношение, место, время) являются определениями субстанций и реально существуют только в субстанциях. Понятие *ens* (сущее) совпадает у Фомы с понятием *unum, verum, bonum* (единое, истинное, благое), которые суть «трансцендентальные» определения сущего или «трансценденталии» (характерная для схоластики аксиома).

В противоположность платоническому интуитивизму Августина, для которого рациональное познание возможно лишь благодаря божественному озарению и потому Откровение и разум (вера и знание) некоторым образом тождественны, для Фомы они чётко различены и принадлежат разным порядкам (*ordines*). Однако они не противоречат друг другу, ибо истинное не может противоречить истинному. Если же разум приходит к выводам, противоречащим откровению, то это — результат неправильного рассуждения. Эту точку зрения Фома, противопоставляя как мистическому антиинтеллектуализму (Бернар из Клерво и др.), как и крайнему интеллектуализму Абеяра, а также учению аверроизма о двойственной истине.

Догматы верой Фома делил на рационально постижимые (Бог существует, Бог един, душа человека бессмертна) и рационально непостижимое (сотворённость мира, троичность Бога, догмат первородного греха). Первые входят в предмет, как теологии, так и философии, вторые же сверхразумны, потому являются предметом только веры и теологии. Философия и теология — самостоятельные науки, ибо принципы теологии (религиозные догматы) и принципы разума (формальнологические законы) не зависят друг от друга. Но теология использует философию и принципы разума для того, что сделать истины Откровения более близкими уму человека, показать их

непротиворазумность, парировать возражения, выдвигаемые против них; потому «философия есть служанка теологии».

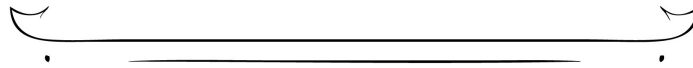
Теория познания Фомы строится прежде всего на основе учения о реальном существовании всеобщего: в споре об универсалиях Фома стоял на позициях умеренного реализма. Всеобщее существует *тройко*: «до вещей» (*ante rem*) в разуме Бога как идея будущих вещей, как вечные идеальные прообразы сущего; «в вещах» (*in re*) — как те же идеи, получившие конкретное осуществление; и «после вещей» (*post rem*) — в мышлении человека, как результат абстракции.

Человеку присущи две способности познания: чувство и интеллект. Познание начинается с чувственного опыта. Под действием внешних объектов в познающем возникают соответствующие этим объектам «чувственные образы» (*species sensibiles*), из которых интеллект абстрагирует, затем «умопостигаемый образ» (*species intelligibilis*) познаваемой вещи и постигает таким путём её сущность. Истину Фома определял как «соответствие (*adequatio*) интеллекта и вещи». При этом понятия, образуемые человеческим интеллектом, истинны в той мере, в какой соответствуют вещам природы, сами же вещи природы истинны в той мере, в которой соответствуют своим понятиям, предшествующим в интеллекте Бога.

Отрицая врождённое знание, Фома вместе с тем признавал, что «в нас предсуществуют некоторые зародыши знаний, а именно: первые понятия (*conceptions*), тотчас же познаваемые активным интеллектом посредством образов, абстрагированных от чувственного». *Первым познаётся сущее как таковое*, ибо «его понятие (*intellectus*) содержится во всём, что кем-либо познаётся». Вместе с этим понятием интеллект тотчас создаёт понятие несущего и постигает таким образом «первый недоказуемый принцип: нельзя одновременно нечто утверждать и отрицать ... и на этом принципе основываются все другие принципы». Непротиворечивость Фомы считал самоочевидным (*per se notum*) и безусловным принципом мышления и бытия, а также критерием истинности рационального познания.

Антропология Фомы исходит из представления о человеческом индивидууме как личности соединении души и животворимого ею тела.

Душа нематериальна и самосуца, или субстанциональна, однако сама по себе не есть полный человек и получает завершающее осуществление лишь через тело. Эту идею Фома защищает против платонически-августиновского спиритуализма, часто игнорировавшего значимость тела, и против своего главного оппонента — аверроистского монопсихизма, отрицавшего сущностную реальность личностной души и учившего о единой безличной интеллектуальной душе во всех мыслящих существах мироздания. Во всяком пренебрежении к телесному Фома усматривает рецидив манихейства и одновременно нежизненное теоретизирование, вступающее в конфликт с опытом и здравым смыслом. Он подчёркивает, что тело соучаствует в чисто духовной деятельности человека и до известной степени предопределяет последнюю: «Поскольку

некоторые люди имеют особенно тонко устроенные тела, души их имеют большую силу разума».

Только две потенции души (правда, наиболее благородные — мышление и воление) сохраняются в душе, расставшейся с телом; реализация всех остальных потенций невозможна вне тела. Учение Оригена о сущностном тождестве ангельской и человеческой природы должно быть отвергнуто. «Человек не есть только душа, но некое соединение души и тела»; Фома зачёркивает платоническую формулировку: «человек — душа, пользующаяся телом».

Человеческая душа есть не только двигатель (motor) тела, извне на него воздействующий, но его субъективная форма и притом единственная.

Эта концепция вызвала немало нареканий со стороны августинистско-францисканских оппонентов Фома, пока не была принята на Вьеннском сборе (1314) в качестве ортодоксальной доктрины католической церкви.

С другой стороны, в аверроизме Фома видел радикальное ниспровержение христианской эсхатологии, апеллирующей к вечным судьбам как раз отдельной, личной души. Личность есть для Фома «самое благородное во всей разумной природе», интеллект же, как достояние разумной души, есть каждый раз личный интеллект («утверждение, будто интеллект у всех людей един, совершенно несостоятельно») и поэтому не абсолютное начало, но часть психофизического организма. Только в Боге интеллект есть сущность, в человеке же — потенция сущности, так что не интеллект мыслит, но человек, Сократ или Платон, *мыслит при помощи интеллекта*.

Это включение интеллекта в душевно-телесную индивидуальность и потому отрицание его абсолютности (необходимо вытекающее из христианских предпосылок философии Фома) сочетается у Фома с утверждением примата интеллекта над волей. В этом пункте Фома заходит так далеко, как только позволяли границы ортодоксии: он утверждает, что разум, взятый абсолютно (*per se*), выше воли, взятой опять-таки абсолютно, однако делает оговорку, что в жизненной плоскости любовь к Богу важнее, чем богопознание. Эта оговорка отделяет его от еретического интеллектуализма Сигера Брабантского или Боеция Дакийского, порывавшего с христианским учением о любви как высшей духовной ценности.

Однако и в таком виде интеллектуализм Фома вызвал живейшую полемику со сторон поборников волюнтаризма из лагеря францисканской схоластики. Учение Фома о примате интеллекта над волей получило своеобразное преломление в мистике Мейстера Экхарта.

Этика Фома Аквинского опиралась: 1) на определение воли человека как свободной, 2) на учение о сущем как благе и о Боге как абсолютном благе, 3) на восходящее к Ареопagitикам учение о зле как лишённости (*privatio*) блага.

Согласно Фоме, зло есть лишь менее совершенное благо; оно допускается Богом ради того, чтобы во Вселенной «осуществлялись все ступени совершенства».

Важнейший раздел этики Фома — учение о блаженстве как конечной цели человека. Блаженство состоит в самой превосходной человеческой деятельности — в деятельности теоретического разума, в познании истины ради самой истины и значит, прежде всего, в познании абсолютной истины, т. е. Бога.

Интеллектуализм учения Фома о блаженстве вызвал горячие споры: ему возражали теологи, настаивавшие на примате воли и любви над разумом и познанием.

Совершенное познание Бога, совершенное блаженство, учит Фома, состоит в непосредственном созерцании сущности Бога, что возможно только в Раю, а на земле лишь как редчайшее исключение — в состоянии мистического экстаза (*in raptu*). Основу добродетельного поведения людей составляет коренящийся в сердце человека «естественный закон», требующий осуществлять благо, избегать зла. Закон *религии* как высший уровень этики не должен вступать в противоречие с фундаментом естественного закона: так, Фома осуждал крещение еврейских младенцев против воли их родителей как нарушение естественного закона.

Цель нравственности — загробное блаженство, а добродетели, особенно «сверхъестественные» (вера, надежда, любовь) суть средства, ведущие к этой цели. Без содействия божественной благодати вечное блаженство недостижимо.

В этике Фома идеи и понятия аристотелевской этики, а также отдельные элементы этики стоицизма и неоплатонизма перерабатывались в духе этического учения Нового Завета и патристики.

Система Фома Аквинского завершается учением об обществе и государстве: трактат «De regimine principum» («О правлении князей») — синтез идей аристотелевской «Политики», христианского учения о Божественном управлении Вселенной и теократических принципов римской церкви.

Необходимость государства для Фома, как и для Аристотеля, вытекает из того, что человек по своей природе есть общественное и политическое существо. Главная цель государственной власти заключается в содействии общему благу (*bonum commune*), в заботе о сохранении мира и справедливости в обществе, о том, чтобы подданные вели добродетельный образ жизни и имели необходимые для этого внешние блага.

Рассматривая те же формы государственной власти, что и Аристотель, Фома отдавал предпочтение монархии. Однако если монарх становится тираном, а его тирания — нестерпимой, народ имеет право выступить против тирана. Все виды власти, в конечном счёте, от Бога. Но церковная власть выше государственной, ибо земные правители заботятся только о предварительных целях человека, а церковь — о его конечной, сверхъестественной цели. Поэтому все государи (*reges*) народа христианского должны подчиняться римскому папе, «как самому Господу Иисусу Христу».

Разносторонняя философско-теологическая система Фома Аквинского явилась вершиной в развитии ортодоксальной схоластики.

«Ангел школы» — так прозвали Фома Аквинского его восторженные почитатели.

~ ~ ~ ~ ~

Purgatorium. Представление о чистилище, появившееся в западной церкви ещё в конце VI века, было обосновано Фомой Аквинским, поэтически воплощено великим Данте Алигьери, догматизировано Флорентийским собором (1439) и подтверждено Тридентским собором (1563).

17. Борьба в зрелой схоластике. Ереси.

В системе Фомы августино-платоновская ориентация сменилась аристотелевской.

В противоположном Фоме — материалистическом духе — интерпретировала аристотелизм влиятельная группа парижских аверроистов, выступивших против томизма: Гийом из Сент-Амура, уже не раз упомянутый Сигер Брабантский, п. Дюбуа, Иоанн Парижский.

[Теолог Guillaume de Saint-Amour (1202—1272ре), родившийся в Сент-Амуре (Франш—Конте), был ректором Парижского университета и заклятым врагом монахов, стремившихся завладеть преподаванием в его университете]. — *Томизму противостоял и поздний номинализм.*

Весь этот период наполнен борьбой августинистов и аристотеликов. Естественно-научное направление внутри схоластики связано главным образом с деятельностью оксфордской школы, во главе которой стояли Роберт Гроссетест и Роджер Бэкон, углублявшие традиции Шартрской школы. Борьба аристотеликов и августинистов к началу XIV века трансформировалась в борьбу «томистов», сосредоточенных главным образом в доминиканском ордене, и сторонников Иоанна Дунса Скота или «скотистов», связанных преимущественно с францисканским орденом. Но пока они борются, ещё раз оглянемся вокруг: что происходило в этом XIII веке?

Погасли без славы крестовые походы. С их концом связаны многочисленные неудачи французского короля Людовика IX (Святого Людовика). Узнав, что Святая Земля попала в руки султана египетского, Людовик «взял крест», высадился в дельте Нила близ Дамьетты (1249) и был разбит египтянами у местечка Мансура (1250). После этого он был взят в плен и вынужден заплатить арабам большой выкуп. Выкупившись из плена, он оставался в Палестине в 1250—1254 годах, а Францией без него правила его мать, королева Бланка Кастильская.

В 1251 году во Франции вспыхнуло «восстание Пастушков» (*Pastoureaux*). Это было второе такое восстание, так как первое восстание Пастушков опустошило страну в 1214 году. Мятежными крестьянами в 1251 руководил самозванец Maître de Hongrie. По приказу Бланки Кастильской Пастушки были жестоко истреблены.

Людовик IX вернулся во Францию лишь после смерти Бланки Кастильской. Он провёл ряд мероприятий и законов, направленных на укрепление королевской власти.

Он построил в Париже Святую Часовню (Sainte Chapelle), Сорбонну и знаменитый госпиталь Трёхсот (Quinze — Vingt).

В 1270, вопреки сопротивлению своего окружения, Людовик IX предпринял восьмой и последний крестовый поход. Со своим флотом он направился в Тунис, в надежде обратить короля этой страны, но едва сошёл на берег перед Карфагеном, как пал жертвой чумы. Этот brave король был канонизирован в 1297 году.

Весь век крестьянские восстания и ереси потрясали Европу. О некоторых уже говорилось, нужно привести ещё одну длинную и любопытную историю: это история Иоахима Флорского и его последователей.

Gioacchino de Fiore, крестьянский сын, родился около 1130/1145 года, умер в 1202. Он побывал в Византии и Палестине, был отшельником, а затем вступил в цистерцианский монастырь в Кораццо. После его избрания аббатом Иоахим сбежал в другой монастырь, а в 1191 вышел из ордена цистерцианцев и основал в горах близ Козенцы (Калабрия) монастырь Фиоре, устав которого (до нас не дошедший) разработал самолично. По монастырю его и называли Иоахим Флорский (или Калабрийский). Генеральный капитул цистерцианцев объявил Иоахима беглым, но это его как-то мало трогало.

Свои идеи Иоахим развил в ряде мистико-богословских сочинений, где три лица Троицы трактовал как три мировые эры в истории человечества, развивающегося от рабства к свободе. Мировая история распадается на три эры — Отца, Сына и Святого Духа. Первая эра была эрой страха и покорности и завершилась распятием Христа; вторая — это эра веры и сыновьего повиновения; третья должна скоро начаться и станет эрой любви и духовной свободы среди детей Божиих.

Священным Писанием первой эпохи был Ветхий Завет, второй эпохи — Новый Завет; в грядущую эпоху Духа откроется до конца истина Вечносущего Евангелия: это будет не какая-то новая книга, но Библия, духовное содержание которой будет открыто заново; вот этим новым содержанием Господь и просветит сердца людей.

В третью эру Бог будет внутри человека; следовательно, все ныне существующие формы культа, обряды, церкви, юридические и моральные ограничения отпадут за ненадобностью. Если Бог прежде являлся внешней силой по отношению к человеку, то теперь он будет силой, заключённой внутри человека; тем самым будет достигнуто полное единение Бога с человеком.

Учение знаменитого мистика содержало и требования нравственного очищения церкви. Начало эры Святого Духа Иоахим намечал на 1200—1260 годы: она должна была начаться вселенским переворотом, когда «будет установлена вечная справедливость», осуществится ПОЛНАЯ СВОБОДА и победит «царство мира и правды на земле», а церковь и её учение утратят своё значение.

Иоахим изобличал церковь в алчности, корыстолюбии, угнетении простого народа. Популярность его была огромна. Основатель и первый аббат конгрегации

Фиоре руководил ещё несколькими монастырями и дал им конституции, утверждённые папой Целестином III. Народ прозвал Иоахима «Пророком».

После его смерти церковь объявила Иоахима «блаженным». Но его учение, *иоахимизм*, в котором выразилась ненависть народа к феодалам и церкви, подверглось осуждению *полуофициально*. Секты иоахимитов оказали сильное воздействие на народную идеологию Италии, Германии, Голландии. Данте говорит об Иоахиме Флорском в XII песне «Рая». Иоахимизм прямо отразился у апостольских братьев, амальрикан, «братьев свободного духа», анабаптистов и других.

Апостольские братья (*апосто́лики*) — народная секта в Северной Италии, вторая половина XIII века; организатором движения был пармский ремесленник *Сегарелли*. Апостольские братья выступали против феодального гнета, проповедовали общность имущества и социальное равенство, считая, что следуют учению апостолов Христа. Папа запретил секту как еретическую, Сегарелли был схвачен пармским епископом и около 1300 года сожжён в Парме.

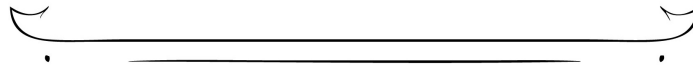
Но его преемник Дольчино около 1304 года поднял пьемонтских крестьян и городскую бедноту на восстание против феодалов и монастырей. Он призвал к истреблению богачей и попов, утверждая, что только тогда восторжествует справедливость; «проповедовал простоту первоначального христианства, общность имущества, учреждение христианской республики, свержение светских насильников и богачей во имя бедных и угнетённых» (К. Маркс). Папа Климент V (протёже Филиппа Красивого, короля Франции) организовал крестовый поход против восставших крестьян. Движение было разгромлено, а Дольчино в 1307 казнён после ужасных пыток. Секта апостольских братьев практически прекратила своё существование.

Таким образом, в недрах католицизма могли формироваться и народно-революционные программы вплоть до «евангельского» коммунизма. А теперь вернёмся к учёным.

18. Doctor admirabilis

Roger Bacon — (около 1214—1294) родился в Ilchester (Англия). Этот францисканский монах был великим учёным и мыслителем, новатором, крупнейшим естествоиспытателем, соперником Альберта Великого. Бэкона прозвали doctor admirabilis (удивительный доктор). Он был математик и алхимик, занимался поисками «философского камня». О нём рассказывали при жизни легенды, как об Альберте Великом. Говорили, что Бэкон соорудил железную муху, и она летала. Ему приписывали изобретение компаса.

Бэкон — провозвестник опытной науки нового времени, жестоко нападавший на спекулятивный метод, на схоластическое начётничество и преклонение перед

авторитетами. Он призывал к *опытному изучению природы*, к самостоятельному исследованию и к обновлению науки. Защищал метод познания, основанный на эксперименте и математике. Целью всех наук Роджер Бэкон считал увеличение власти человека над природой.

Бэкон не отрицал богословия, но пытался отделить от него философию, призывал развивать светскую культуру и науку, изучать не богословские авторитеты, а вещи и природные процессы. Он обличал феодальные нравы, идеологию и политику.

За свои взгляды великий учёный был в 1277 году отстранён от преподавания в Оксфордском университете и по приказу церковных властей заточён в монастырскую тюрьму. Он провёл в ней 14 лет.

Основные работы Роджера Бэкона: «Большой труд», «Малый труд», «Третий труд» (все на латыни). Несмотря на содержащиеся в его работах алхимические, астрологические и магические предрассудки, Бэкон высказал ряд смелых научных и технических догадок.

Известно его положение: «Простой опыт учит лучше всякого силлогизма». Но кроме внешнего опыта он допускал ещё и внутренний опыт (божественное озарение).

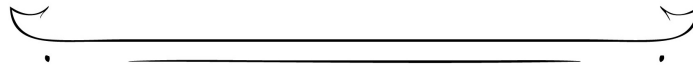
Vincent de Beauvais — французский монах — доминиканец XIII века, умер около 1264. Автор научной энциклопедии «Speculum majus». Богослов, историк, географ, астроном, натуралист, ратовал за распространение знаний. В его огромной книге верные сведения по истории, зоологии, ботанике etc. перемежаются с фантастическими рассказами или сентенциями такого типа: «Созерцание творения должно иметь целью не удовлетворение суетной и преходящей жажды знания, а приближение к бессмертному и вечному». Или: «Всякое знание должно служить божественной науке, данной нам для назидания и для веры».

Другим человеком был энциклопедист XIII века, очень даровитый с независимым умом и бурным темпераментом — Арнольд из Виллановы, Arnaud de Villeneuve (1234—1314). Он родился в Каталонии. Изучил целый ряд наук: алхимию, астрономию, физику, медицину. Арнольд с блеском преподавал медицину, собирая толпы восторженных слушателей. Его обвинили в чёрной магии и колдовстве; Арнольд был вынужден покинуть кафедру в Парижском университете, скрываться, скитаться и бедствовать.

Альберт Великий и Роджер Бэкон Roger Bacon

Этот знаменитый францисканский монах был одним из величайших умов своего времени. Родился примерно в 1214, умер в 1292 году.

При чтении его трудов по физике создаётся впечатление, что их автор был человек большого интеллекта, громадной трудопособности, имеющий подчас

независимые суждения, но остающийся всё же связанным со своим временем, со свойственными этому времени предрассудками и ограничениями.

Пятая часть его «Opus majus» представляет наибольший интерес для физики. Она полностью посвящена оптике, «украшению всей философии, через которую, а не без её участия могут быть познаны все другие науки». Примечательно, что Бэкон не только считал скорость света конечной, но полагает также, что свет — это не испускание частиц, а распространение движения. Конечно, было бы преувеличением сказать, что эта смутная догадка представляет собой первое выражение волновой теории света.

Бэкон использовал линзы во многих опытах и даже поднёс одну папе Клименту IV, прося его попробовать применить её. Он же дал первое в науке рассмотрение линз (The «Opus majus» of Roger Bacon, v. II, p. 157), но говорит о линзах как о вещах, уже хорошо известных в его время. Открытие увеличительных стёкол скорее всего было сделано стекольщиками из Мурана, простыми ремесленниками. На одной фреске 1352 года в монастыре Санто Никколо, г. Тревизо, изображён монах в очках.

Роджер Бэкон: «В старинных книгах сказано, что алмаз можно расколоть с помощью козлиной крови. Я смачивал алмаз козлиной кровью, и у меня ничего не вышло. Но способ расколоть алмаз существует, он хорошо знаком ювелирам».

По его мнению, цель науки состоит в том, чтобы изучить природу и заставить её служить людям. Учёный проводил опыты с магнитной стрелкой и увеличительными стёклами; он предвидел изобретение микроскопа и телескопа.

Сочинения Бэкона были преданы проклятию, сам он свыше 20 лет томился в тюрьме, из которой вышел дряхлым стариком.

Он родился примерно в 1214, по-видимому, в Ильчетере (графство Сомерсет), но есть также мнение, что он был французом. О его жизни и творчестве сложилась легенда, которой, быть может, способствовала ненависть схоластов к Бэкону, вызванная его отношением к Альберту Великому и Фоме Аквинскому. Легенда приписывает ему самые разнообразные изобретения: *порох, линзу, подзорную трубу, компас, паровую машину и самолёт*.

Бэкона считают прародителем экспериментального метода. И действительно, 6-я часть его «Большого труда» («Opus majus») озаглавлена «Об опытной науке» и посвящена значению эксперимента. Но у Бэкона это слово имеет гораздо более широкое значение, чем принято теперь. Он говорил:

«Опыт может быть двояким: один посредством внешних ощущений... но этот опыт недостаточен для человека, потому что он не полностью говорит о вещах телесных и ничего не говорит о духовных. Значит, необходимо, чтобы ум человеческий использовал другой опыт, и вот почему святые отцы и пророки, которые первыми принесли миру знания, испытывали внутреннее озарение, а не придерживались одних лишь ощущений».

⏏

(The «Opus majus» of Roger Bacon, ed. by J. H. Bridges, v. II, London, 1900, p. 169).

Чтобы показать, что *nulla scientia potest sciri sine mathematica* (никакую науку нельзя познать без математики), Бэкон посвятил тщательному рассмотрению явления целых 10 глав шестой части своего «Opus Majus». Бэкон точно чертит ход световых лучей и находит, что высота радуги равна 42°. Но современный читатель был бы сильно поражён, прочтя на этих страницах, что цвета радуги представляют собой субъективное явление, вызванное влажностью нашего глаза.

«Прогнозирование» Роджера Бэкона:

«Можно сделать такие приборы, с помощью которых самые большие корабли, ведомые одним человеком, будут двигаться с большей скоростью, чем суда, полные мореплавателей. Можно построить колесницы, которые будут перемещаться с невероятной быстротой без помощи животных. Можно создать летающие машины, в которых человек, спокойно сидя и размышляя над чем угодно, будет бить по воздуху своими искусственными крыльями наподобие птиц... а также машины, которые позволят человеку ходить по дну морскому».

Конечно, это не прогнозирование, а случайное угадывание, но им нельзя не восхищаться.

19. Ещё один францисканец

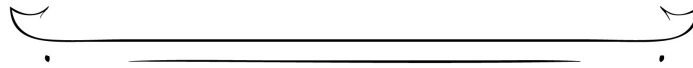
Johannes Duns Scot — шотландец, род. в 1265 (или 1266), умер в 1308. *Монах францисканского ордена*, видный представитель схоластики, «...заставлял самое теологию проповедовать материализм» (К. Маркс), выступил с резкой критикой томизма.

В противоположность Фоме Аквинскому Иоанн Дунс Скот стремился отделить философию от теологии, доказывал, невозможность рационалистического обоснования идеи творения из ничего, признавал зависимость разума от воли.

По определению Дунса Скота, Бог есть абсолютная свобода. В споре об универсалиях он придерживался номинализма. Чтобы подчеркнуть примат единичного, он изобрёл термин haecceitas (этость), в смысле индивидуального отличия.

Дунс Скот ввёл в логику понятие «интенции», «умопостигаемого вида», впервые противопоставил *конкретное значение* (это тоже его термин) — абстрактному. Он установил известное в современной математической логике положение: «Из лжи следует всё что угодно».

По мнению Дунса Скотта существуют лишь единичные вещи, они состоят из материи и формы. Материальны даже душа и ангелы, только Бог есть чистая форма, в виде абсолютной свободы.

Дунс Скотт написал комментарий к сочинениям Аристотеля по логике. Логику он называл точной наукой и делил на две части: прикладную и теоретическую. В споре об универсалиях Дунс Скот придерживался такой точки зрения: универсалии существуют до вещей в виде форм в Божественном уме; затем в единичных вещах в виде их сущности и потом в качестве понятий человеческого мышления как результат абстрагирования.

Иоанн Дунс Скот был сторонником учения о двойной истине, то есть шёл по стопам Аверроэса. Согласно концепции двойной истины наука и религия взаимно независимы и каждая имеет свою определённую сферу действия; наука не должна вмешиваться в дела религии, а религия вторгаться в область научных знаний. Аверроэс считал, что в философии имеются истины, не приемлемые для богословия, и наоборот.

Учение о двойной истине, возникшее в XIII веке под влиянием арабских и еврейских писателей, в Европе было впервые озвучено епископом Симоном де Турне: истина двойственна; то, что истинно в области знания, может быть ложно в области веры и наоборот

Спор схоластов о сущности и существовании.

Согласно Фоме Аквинскому, *essentia et existentia* реально совпадают только в Боге. Напротив, во всех созданных Богом вещах сущность отличается от существования, причём существование выше сущности, относится к ней как действительность к возможности.

Иоанн Дунс Скот отрицал различие существования от сущности. И томисты, и скотисты видели в этих терминах только противоречие, не поднимаясь до осознания диалектического единства *сущности и явления*.

Дунс Скот признавал абсолютным началом мира волю, а не разум («Бог есть абсолютная свобода»). Он утверждал безусловную свободу воли в своей образцовой формуле: «*Nihil aliud a voluntate causat actum volendi in voluntate*» = *ничто кроме самой воли не причиняет акта хотения в воле*.

Альберт Великий, Фома Аквинский, Иоанн Дунс Скот — три главных систематизатора схоластики в XIII веке.

20. Данте Алигиери.

Здесь не место давать выдержки из всемирно известной биографии гениального поэта. Здесь не будет идти речь и собственно о поэзии. Данте интересует нас как мыслитель.

Впоследствии Рафаэль в своей знаменитой «*Disputa*» объединил у алтаря четырёх основателей католицизма: Августина, Амвросия Медиоланского, Иеронима и Григория Великого; за ними поместил папу Сикста IV, а за ним — Данте Алигиери.

Амвросий Медиоланский — автор гимнов, укротитель императора Феодосия; Августин — создатель католической идеологии; Григорий Великий — аристократ из патрицианского рода Анициев, папа римский в 590—604 годах, в теологии развивал учение Августина, создатель канонического текста мессы и свода религиозных песнопений, явившегося основой католической музыки (грегорианский хорал); святой Иероним (около 342—420) — мощный апологист, автор латинского перевода Библии (*Vulgata*). Сикст IV (1414—1484) — Франческо дела Ровере, папа с 1471; при нём создана знаменитая Сикстинская капелла в Ватикане; причислен к лику святых. И шестым человеком в «Диспуте о причастии» Рафаэль изобразил великого флорентийского поэта.

Творчество Данте — вершина средневековой культуры. Поэтому наша история религиозной мысли без Данте невозможна¹².

21. Оккам

William Occam (род. около 1290/1300 — умер 1249/1350) — францисканский монах родом из города Ocham (Англия), слава английской схоластики, богослов, виднейший приверженец номинализма, предшественник эмпиризма, прозванный Doctor invincibilis.

Он преподавал в Оксфордском университете. Идеолог светских феодалов в борьбе против папских притязаний на мировое господство. Наряду с Дунсом Скотом Оккам — один из лидеров схоластической оппозиции томизму. Оккам утверждал, что бытие Бога и другие религиозные догматы не могут быть доказаны с помощью разума и основаны исключительно на вере. Поэтому философия должна освободиться от теологии.

Логика, по Оккаму, является наряду с риторикой и грамматикой подлинно познавательным руководством, управляющим интеллектом в его деятельности. Заниматься логикой должна анализом знаков.

Помимо принятых в формальной логике двух значений истинности («истинно» и «ложно»), Оккам допускал третье значение истинности — «неопределённо».

Оккам отвергал учение реалистов и называл универсалии терминами, обозначающими многие объекты и отношения. Эти термины, утверждал он, являются всего лишь условными обозначениями, и им не соответствуют никакие духовные сущности и никакие особые качества. Мир состоит из единичных вещей, и никаких «скрытых качеств» нигде не обнаружено. В этой связи он сформулировал знаменитое положение — так называемую «бриту Оккам», отрезающую *несуществующие сущности*: «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» («Сущности не следует умножать сверх необходимости»).

¹² Далее следуют три пустых листа, видимо, оставленных для раздела о Данте (прим. публикатора).

Оккаму принадлежат комментарии к некоторым книгам «Органона» Аристотеля.

22. Новые времена. Буридан.

К середине XIV века номинализм, особенно в Парижском и Оксфордском университетах, принял оппозиционную по отношению к ортодоксальной схоластике форму.

На основе объединения идей французской линии номинализма (Дюран из Сен-Пурсена, Пьер Ореоль) и английской (Иоанн Дунс Скот, преподававший в Париже, и Оккам) развернулась деятельность парижских оккамистов XIV века: Буридана, Николая Орема, Николая их Отрекура.

Оккам, Буридан, Жан из Мирекура, Николай из Отрекура, Николай Орем и другие представители поздней схоластики, сочетая номинализм с теорией двойственной истины, фактически отказались от основной догматической установки ортодоксальной (в частности томистской) схоластики, подчёркивали автономное положение философии и науки по отношению к вере, обратились к гносеологическим и естественно-научным исследованиям.

Пытаясь возродить демокритовский материализм и призывая к опытному исследованию природы, оккамисты в сущности порывали во схоластикой и подготавливали почву для появления антисхоластической философии, тесно связанной с естествознанием.

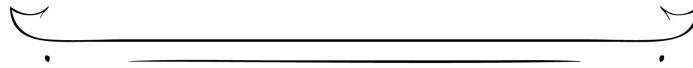
Типичной фигурой этого периода был ректор Парижского университета Жан Буридан. (*Ректором университета Парижа был дважды*).

Jean Buridan родился в Бетюне (Béthune) около 1300 года, умер после 1358. Ректор Парижского университета с 1327 года, т. е. ещё не достигнув 30 лет: это говорит о большой известности учёного.

В то же время молва рассказывает о его буиных любовных похождениях в молодости. Он был якобы чуть ли не единственным счастливецом, который остался в живых после ночи наслаждений, проведённой в знаменитой парижской башне Нель (la tour de Nesle). Эта башня стояла на левом берегу Сены, и о ней были самые странные слухи в Париже.

Слабый здоровьем дофин Людовик, сын короля Филиппа Красивого, был женат на Маргарите Бургундской, а два других королевских сына — на её кузинах Бланш и Жанне. Король и его сыновья часто отлучались из Парижа; принцессы скучали.

При дворе и в городе начали шептать, что дофина Маргарита по вечерам устраивает оргии в башне Нель, в этой трёхэтажной круглой крепости с зубцами вокруг плоской крыши, и что кавалеры (или *les manants*), разделяющие с ней удовольствия одной ночи, после этого исчезают навсегда.

Впоследствии Брантом рассказывал: «Королева¹³ пребывала в отеле Нель, где подстерегала прохожих и тех, которые ей больше нравились, какого бы звания эти люди ни были, приказывала пригласить и, по достижении от них того, чего она желала, повелевала сбросить с башни и утопить». Кузины Маргариты Бургундской участвовали в этих зловещих оргиях.

Легенда утверждает, что одной из жертв любострастных принцесс был знаменитый Буридан, молодой профессор философии из Наваррского коллежа. Приглашённый на галантное свидания и выброшенный, как все прочие, с верхней башенной площадки в Сену, он был обязан спасением тому, что по реке как раз проходила баржа с сеном, и Буридан упал на сено. Его ученики позже вспоминали, что Буридан им не раз говаривал: «Не бойтесь *убить королеву, если это необходимо*». А Франсуа Вийон ещё позже напишет в одной из своих поэм:

Semblablement ou est la reine
Qui commanda que Buridan
Fût jeté en un sac en Seine?...

Но беда в том, что в 1314 году школьнику Буридану было всего 15 лет; кажется, он был слишком молод для роли любовника королевы. Вскоре королева и её кузины оказываются героинями скандального процесса о прелюбодеянии. В 1315 году двадцатипятилетняя красавица Маргарита Бургундская, жена слабого короля Людовика Сварливого, удушена в тюрьме. Бланш, другая участница тайных оргий, отдана своему же тюремщику, «chargé de l'avilir»; затем её брак был аннулирован папой (1322 или 1323 год), и она постриглась в монахини.

Но третьей из принцесс повезло. Жанна Бургундская тоже осуждена за прелюбодеяние. Но муж её принц Филипп не хочет с ней разводиться, потому что тогда пришлось бы вернуть её приданое — Франш-Конте. В 1316 году Людовик сварливый умирает, и на французский престол восходит его брат Филипп V.

Жанна Бургундская становится королевой Франции. Её муж умирает в 1322 году; овдовев, Жанна *поселяется в башне Нель*. Может быть, именно тогда она назначала свидания Буридану, который, по рассказам, был великим соблазнителем?

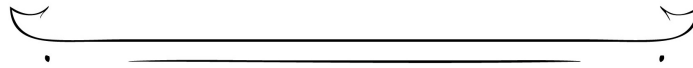
Совсем запутывают дело нелепые рассказы о его связи с Жанной Наваррской, супругой Филиппа IV Красивого: эта королева умерла в 1305 году, когда Буридан ещё пешком под стол ходил.

В биографии Буридана имеет поездка в Вену, где он участвовал в создании Венского университета.

Никто не пытался его утопить, и он умер ректором Парижского университета в возрасте 60 (или более) лет.

Буридан был номиналист; он занимался не только философией, но и логикой. Он провёл обстоятельный анализ непосредственных модальных умозаключений и построил

¹³ Филипп Красивый умер в 1314 году, дофин Людовик стал королём, а его жена Маргарита Бургундская — королевой Франции. Но Людовик уже с 1305 года был королём Наварры, а она соответственно королевой.

соответствующую мнемоническую фигуру. Представляет интерес развитая им теория элиминации семантических антиномий.

Автором ряда сочинений по логике был оккамист Жан Буридан. Ему приписывается так называемый «мост ослов» (*pons asinorum*), относящийся к искусству нахождения среднего термина силлогизма. Средний термин (*medius terminus*) рассматривается здесь как мост, связывающий два крайних термина. Это учение якобы имело целью научить и тупиц находить средний термин.

Буридану приписывается пример (наглядный аргумент) с так называемым «буридановым ослом»: осёл, находящийся между двумя совершенно одинаковыми и равноотстоящими охапками сена, умирает с голоду, ибо при наличии равных мотивов никак не может решить, какую охапку сена съесть первой.

Это пример иллюстрировал взгляд Буридана на взаимоотношение воли и разума. Когда разум приходит к выводу, что перед ним равноценные возможности, то *воля перестаёт действовать*.

Современные историки философии считают, что этот пример ошибочно приписывается Буридану, так как подобную ситуацию уже описывали Аристотель и Данте.

Сочинения Буридана: «*Sophismata*», «*Summula de dialectica*», «*Compendium logicae*».

Слава Буридана свидетельствует об успехах оккамистов во Франции. Но дальнейшим прогресс философии был задержан бедствиями Столетней войны.

«Буридановым ослом» ныне называют человека, не способного сделать выбор, принять решение: выражение это связывают со старой притчей об осле, умирающем от голода между двумя одинаковыми охапками сена. Считают, что этой притчей Буридан якобы иллюстрировал проблему свободы воли.

Единственный источник такого мнения — статья «Буридан» в «*Историческом и критическом словаре*» Пьера Бейля (1696). Артур Шопенгауэр пишет об этом:

«Бейль, который так детально излагает этот вопрос, должен был однако знать (чего, впрочем, и позже не заметили), что этот пример намного старше Буридана. Мы находим его уже у Данте, который овладел всем знанием своего времени, жил раньше Буридана, а говорил не об ослах, а о людях, следующими словами открывая IV песнь своего «Рая»: «Скорее свободный человек уморит себя голодом, чем из двух кушаний, равно дразнящих небо, положит одно в рот». Ба, мы отыскиваем этот пример уже в «Небе» Аристотеля, где читаем: «То же самое можно сказать о человеке, терзаемом сильным голодом и жаждой, который будучи равноудалён от еды и от питья, не может сдвинуться с места». Буридан, который из этих источников взял свой пример, заменил человека ослом; ибо этот бедный схоласт привык брать для своих примеров исключительно Платона, Сократа или осла».

К этим злым шуткам Шопенгауэра остаётся добавить, что Буридан, скорее всего, вообще никогда не писал и не говорил ни о каком осле...

Но Буридан действительно создал учение о свободе воли. Душа свободна, а поскольку душа совпадает с её отдельными способностями, то свободны и воля, и рассудок. Стоя перед лицом противоположностей, имеющих каждая равные условия, человек может в силу свободы воли выбрать одну из них. При этом выбор решающее слово принадлежит рассудку.

23. Издержки схоластики.

Креацианизм (*creatio* = сотворение) — направление в богословском учении о душе. Креацианисты полагают, что Бог соединяет душу с телом человека в момент рождения, каждый раз создавая её из ничего. Сторонники же противоположного учения — традукционизма (Тертуллиан, Лютер) — находят, что душа дана Богом человеку (Адаму) лишь при его Сотворении, а далее передаётся (лат. *traductio* = передача, перевод) от отца детям при зачатии. Спор креацианизма и традукционизма — образец мертвящей схоластики, далёкой от реальных проблем (хотя бы и философских).

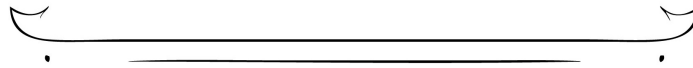
Спор об универсалиях имел большой смысл, но схоластика нередко искусственно ставила проблемы, вроде питания ангелов, половой жизни ведьм или количества чертей, могущих поместиться на ногтях у человека. Или: сколько ангелов могут уместиться на острие иглы? На эти темы устраивались серьёзные диспуты, с привлечением нешуточной эрудиции, со ссылками на авторитетных философов и Отцов церкви.

Номинализм достиг немалых успехов в деятельности Оккама, а затем его последователей в парижской школе оккамизма.

Идейная борьба шла не только внутри схоластики. Самой схоластике противостояла мистика, которая ставила авторитет церкви и её учений ниже, чем свидетельство личного чувства и субъективного сознания.

В духовной жизни феодального общества мистика нередко становилась формой оппозиции против официального и обязательного вероучения: личное отношение к Богу переходило в критику средневековой идеологии и даже в борьбу против феодальной общественной системы. Но наибольшую роль всё же играло реакционное крыло: Бернар из Клерво, Бонавентура. О Бернаре Клервосском см. выше, о Бонавентуре даю справку:

Джованни Фиданца Бонавентура (1221—1274) — родился в Баньорее (*Bagnoa*, Тоскана). Стал кардиналом, генералом ордена Святого Франциска; папский легат на Лионском соборе. Написал множество богословских трудов, за которые был прозван *Doctor seraphicus*. Бонавентура выступал против прогрессивных идей своего

времени и, как генерал францисканского ордена, преследовал монаха этого ордена — Роджера Бэкона.

В схоластическом учении Бонавентуры преобладают идеи августиновского неоплатонизма и мистики. Он принимал онтологическое доказательство бытия Бога; высшей ступенью познания считал экстатическое содержание, в котором человек сливается с Богом. В споре об универсалиях стоял на позициях реализма.

В 1482 году Бонавентура был канонизирован, в 1587 — объявлен учителем церкви. День святого Бонавентуры — 14 июля.

Мистики нередко нападали на схоластику как таковую. Но в XIII веке возникло сильное антисхоластическое движение, олицетворённое учением Аверроэса о смертности личной души и об общем для всех разуме. Его идеи мужественно развивал в Парижском университете Сигер Брабантский, злодейски убитый в 1282 году.

Учёными францисканского и доминиканского орденов был выполнен проект папы Григория IX (пontiфикат 1225—1241) — исправить в интересах Церкви учение Аристотеля. Естественно, материалистические тенденции Аристотеля при этом погашались; зато схоластика догматически усвоила его геоцентрическую систему, *принципы его физики etc.*

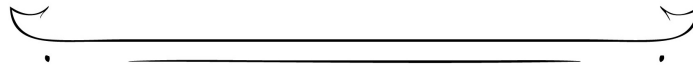
Папство. Римская курия. Ордена (Детали)

Полный титул папы римского: викарий Иисуса Христа, преемник князя апостолов (Петра), верховный священник вселенской церкви, примас Италии, монарх Ватикана и т. д. («Викарий» (*vicarius*) = заместитель, наместник. Викарием называется и заместитель епископа, и помощник священника).

Папу называли «трёхкоронный» по его тиаре — белому коническому головному убору, на который были надеты три золотых короны. Тиара символизировала «троецарствие» (*triregnum*), которое толковалось двояко: 1) царство над небом, землёю и подземельем; 2) власть над церковью страждущей, воинствующей и победоносной. Белая мантия до пят и туфли, украшенные крестом, дополняли парадное одеяние папы.

Доминиканский и францисканский монашеские ордена возникли одновременно и составили «нищенствующую братию» (*fratres mendicantes*). Святой Доминик предлагал святому Франциску слить оба ордена, но тот отказался. По одежде францисканцев называли «серыми», доминиканцев — «чёрными»; по нравам и уставу первых называли «серафической братией», вторых — «псами Господа» (*Domine canes*). Знаком доминиканского ордена была собака с факелом в зубах.

Францисканцы владели сердцем народа, были духовниками, сердобольцами и миротворцами; доминиканцы владели помыслами людей, были проповедниками и учителями. Но доминиканцы изобрели инквизицию и вскоре возбудили против себя

всеобщую ненависть; их даже убивали. Эти две главнейшие отрасли монашества оказались противоположностью друг другу и вечно враждовали между собой.

Орден святого Доминика был утверждён собором в 1215 году. Орден францисканцев утверждён папой в 1209 году.

В 1059 на Латеранском соборе папа Николай II издал декрет об избрании пап кардинальской коллегией. При Иннокентии IV кардиналы получили место выше всех епископов и красную шапку, символически обозначающую, что они, не боясь смерти, до последней капли крови будут действовать «*pro exaltatione sanctae fidei, pace et quiete populi christiani, augmento et statu Sanctae Romanae Ecclesiae*». Бонифаций VIII дал кардиналам княжескую мантию, Павел II — право иметь белую лошадь с красным покрывалом и золотыми поводьями.

Пий V в 1567 году запретил именоваться кардиналами тем, кто не получил этого сана от папы. В 1586 году Сикст V специальным декретом установил число кардиналов в 70 человек, по числу 70 старейшин израильских и 70 учеников Христовых: 6 кардинал-епископов, 14 кардинал-диаконов и 50 кардинал-священников.

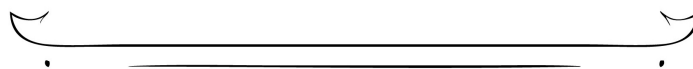
В 1630 Урбан VIII дал кардиналам титул «*Eminentissimus*», «*Eminentia*», который до того носили духовные курфюрсты. Кардинал-священники и кардинал-диаконы носят имена церквей г. Рима.

Кардиналы и папа составляют Священную Коллегию, деканом которой считается старейший кардинал-епископ. В качестве папской консистории кардиналы помогают папе в важнейших делах (*causae majores*). Один кардинал (*camerlengo*) заведует финансами и от смерти одного папы до выбора другого занимает должность блюстителя папского престола; кардинал — викарий замещает папу в римской епархии; кардинал — вице-канцлер — председатель римской канцелярии; кардинал — библиотекарь ведает Ватиканской библиотекой; и есть ещё кардинал — главный пенитенциарий.

Кардинал имеет ряд внешних отличий: красная мантия, красная шапочка, красная (во время траура и поста фиолетовая) шапка с двумя шёлковыми шнурами и с кистями на концах; эту шапку кардинал получает из рук папы в Риме. Другие признаки кардинала — кольцо, крытый красной или фиолетовой материей зонтик, герб и трон в собственной церкви кардинала.

1) Индульгенция — письменное «отпущение грехов»; торговля индульгенциями приносила папе огромный доход и вызывала насмешку и возмущение передовых людей Средних Веков (Гус, Рабле). На одной из индульгенций была надпись: «Это — ширина и длина ран на пречистых бёдрах Христа. Кто целует их, тот получает каждый раз отпущение грехов на 7 лет вперёд».

2) Римский папа считался наместником святого Петра, апостола Христа; папа имел своё знамя: треугольный флаг с изображением «ключа Святого Петра»; в Средние Века папы всегда имели под руками фальшивую святыню — связку ключей Святого

Петра; в 739 году папа просил франкского майордала Карла Мартелла «спасти римлян от гнёта лангобардов». Послы папы вручили могучему франку связку ключей от гроба святого Петра. Ключи, освящённые на гробнице апостола, якобы исцеляли людей; их папы дарили сильным государям в знак дружбы; папы в XV веке выстроили в Риме великолепный собор Святого Петра. Всё в Риме указывало на апостольскую власть папы; у Шевченко: «На апостольском престоле монах откормленный сидит». Папа носил тиару (высокую шапку, охваченную тремя золотыми коронами) и роскошную мантию до пят. Короли целовали украшенную крестом туфлю папы. Папская мантия была белого цвета.

24. Папы и соборы (фрагменты истории латинской церкви).

После коронации Карла Великого в 800 году папа Лев III повелел исполнить в Латеранском соборе (Рим) мозаику, которая изображает Христа, дающего инвеституру папе и императору. (Об инвеституре см. раздел 5). Здесь папе, изображённому в виде апостола Петра (*первый папа римский*), Христос вручает ключи от царства небесного, а императору — Константину Великому — знамя с крестом. Другая мозаика, исполненная тогда же, изображает папу не мифического, а актуального — Льва III; апостол Пётр даёт знаки власти папе Льву III и императору Карлу Великому. Смысл этих двух картин не нуждается в комментариях.

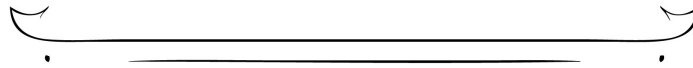
Тиара — парадный головной убор римского папы, тройная митра. Обычная митра — головной убор епископа. Три яруса тиары обозначают власть папы как верховного законодателя, судьбы и первосвященника. «Ключи святого Петра» (папская эмблема) являются символом власти на небе и на земле.

В древности патроном Рима был Юпитер Капитолийский; христиане стали считать покровителем города апостола Петра и превратили все изображения Юпитера в статуи Петра. Его пресловутые ключи были атрибутом римского бога Януса, хранителя дверей и порогов, образ которого объединялся с образом Юпитера.

Кто же такие были эти «викарии Христа», римские первосвященники? О некоторых наиболее выразительных фигурах я расскажу подробнее.

Сергий III (папа с 904 по 911) начал свою деятельность с того, что распорядился *задушить* двух своих предшественников, насильственно свергнутых с папского престола и брошенных в тюрьму, где они были должны томиться пожизненно. Сергий III перестроил Латеран — древнеримский дворец, который около 10 веков служил римской резиденцией верховных понтификов. Этот папа открыто жил с римлянкой Мароцией, которая родила от него сына, ставшего впоследствии папой под именем Иоанна XI.

Мароция, богатая и влиятельная, как и её мать Феодора, возводила на папский престол своих друзей, любовников, родственников, устраивал убийства неудобных пап.

После смерти Сергия III в 914 году три знаменитых шлюхи — Феодра и её дочери Мароция и Феодора Младшая — сделали папой архиепископа Равеннского, который при интронизации принял имя Иоанна X. Он жил с Феодорой Старшей. В 928 году Мароция организовала убийство папы Иоанна X. Эта эпоха вошла историю папства под названием порнокрации, что смягчённо переводится как «правление красивых женщин», а точнее — «власть куртизанок» (от греч. *pornê* = куртизанка).

С 931 по 935 год престол святого Петра занимал Иоанн XI, сын Сергия III и Мароции. Брат папы Альберих арестовал Иоанна XI и Мароцию...

Сын Альбериха Октавиан стал папой в 18 лет под именем Иоанна XII (955—964). «Внук развратной Мароции был столь же порочен, как и его бабка, и летописцы подробно рассказывают, как Октавиан (или Иоанн XII) превратил Латеранский дворец в публичный дом, как прятались от него добродетельные женщины, сколько он имел замужних любовниц, какие устраивал оргии, как он пил за здоровье сатаны, за процветание Венеры, как он рукоположил в конюшню своего любимца в епископский сан, сколько им было продано священнических должностей и многое другое в этом роде». (С. Г. Лозинский. История папства, т. I, Государственное антирелигиозное издательство, 1934, стр. 43).

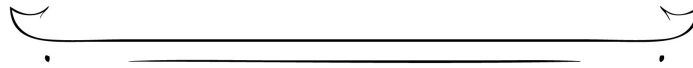
После него папой был Бенедикт V (964—966). Затем Иоанн XIII (966—972). Но потомки великой шлюхи Феодоры (или Теодоры) снова всплыли на поверхность. В 973 году папой был избран Бенедикт VI; уже в 974 году он был задушен по приказу римского трибуна Кресценция, сына Феодоры Младшей (сестры Мароции). Кресценций возвёл на папский престол своего человека Бонифация VII (974—985); этот трибун в течение нескольких месяцев правил Римом, пытаясь восстановить в нём республику. Бонифаций VII не признан церковной историей. Одновременно с ним было ещё двое пап. С 983 папой римским был избран Иоанн XIV, но в 984 году Кресценций велел убить его. Его преемник Иоанн XV находился всецело во власти Кресценция.

После смерти Иоанна XV германский император Оттон III провозгласил папой в 966 своего человека — Григория V (996—999). В ответ Кресценций «назначил» папой в 997 году своего ставленника Иоанна XVI. Тогда император Оттон явился в Рим и в 988 году обезглавил Кресценция и Иоанна XVI.

Эта борьба германских императоров с римской знатью за право распоряжаться папской тиарой сильно ослабляла римскую церковь. Так, Иоанн XII (Октавиан) был обвинён церковным собором в убийстве, святотатстве и кровосмешении. Верующие ужасались и считали, что наступают последние времена. В 1000 году ожидался конец света (при Сильвестре II, 999—1003)¹⁴.

В XI веке было не легче. В 1003 году (очень недолго) престол святого Петра занимал Иоанн XVII, с 1003 по 1009 — Иоанн XVIII, в 1024—1032 — Иоанн XIX.

¹⁴ Сильвестр II (Herbert), родом из Аквитании, заставил монархов подчиниться «*божьему перемирию*» (запрет насилия с вечера среды до утра понедельника).

За папский престол много лет боролись две партии римской знати и трое пап. Бенедикт IX (1032—1044), развратник из знатной римской фамилии, в 1044 был вынужден уступить место избранному противной партией Сильвестру III (церковь считает его «антипапой»). Вскоре Бенедикт опять возвратился, но не смог удержаться на престоле и продал папский сан Григорию VI (1044). Церковь не считает его «настоящим» папой.

Григорий VI отправился навстречу германскому императору Генриху III (царил с 1039 по 1056), который предпринял поход в Италию.

Император сместил всех трёх пап. Формально он предоставил решение церковному собору, созванному в Сутри; на этом соборе Бенедикт IX, Сильвестр III и Григорий VI были объявлены незаконными папами (1046). Папой римским по воле императора был избран один немецкий епископ под именем Климента II (1046—1047).

Итак, римские папы первоначально зависели от франкских королей, потом от римской знати; наконец, от германских императоров. К середине XI века (после похода Генриха III и собора в Сутри) установился обычай, по которому германский император назначал папу, а затем его *pro forma* избирали в Риме.

Так был избран Лев IX (святой Лев Девятый) — папа с 1048 по 1054, при котором произошло великое разделение христианство на западное и восточное.

Николай II (1058—1061) на Латеранском соборе 1059 года огласил декрет о том, что отныне папа избирается коллегией кардиналов. Это не избавило римскую курию и сам выбор папы от зависимости с отношении императоров и феодалов.

С 1073 по 1085 папский престол занимал знаменитый Григорий VII (Hildebrand), о котором см. выше — раздел 5. Это был один из крупнейших деятелей в истории папства, герой борьбы за инвеституру, одержавший кратковременную победу над германским императором Генрихом IV (унижение в Каноссе).

В 1088—1099 году папой был француз (уроженец Шампани) Урбан II, один из вдохновителей крестовых походов на знаменитом Клермонском соборе 1095 года.

Спор об инвеституре между тем продолжался (1074—1122), хотя и не так остро, как при Гильдебранде. Папа Каликст Второй (1119—1124) и император Генрих V (1106—1125) пришли к соглашению о разделении инвеститур, и знаменитый Вормсский конкордат, заключённый ими в 1122, положил конец этой затяжной борьбе. Но борьба между светскими государями и папами с усилением централизованных феодальных государств вспыхивала вновь и вновь.

Иоанн XX — антипапа (1044). Затем папой был Евгений III (1145—1153). Папа Урбан III (1185—1187) известен своей борьбой против Фридриха Барбароссы. За ним папой был Климент III (1187—1191).

В XIII веке церковь претерпела сильные изменения. В XII веке было три вселенских собора: в 1123, 1139 и 1179, все в Латеранской базилике святого Иоанна. Они занимались церковным устройством католицизма, определением отношения церкви со светскими властями и борьбой с ересями. В XIII веке было тоже три собора: IV Латеранский (1215), I Лионский (1245) и II Лионский (1274). С этого времени, кроме

высшей церковной иерархии, во вселенских соборах стали участвовать и светские государи или их послы. Но решения соборов формулировались как решения папы «при одобрении собора». Соборы XII—XIV веков решали и светские вопросы — нередко по своему значению международно-государственные. Во многих случаях эти решения становились нормами международного права: таковы постановления соборов XII—XIII веков о божьем перемирии, о божьем мире, о льготах крестоносцам и т. п.

Самым крупным собором Средних веков был IV Латеранский собор (1215), утвердивший до 70 постановлений, предложенных папой, в том числе решения о беспощадной борьбе против ересей и преследовании *катаров*, *вальденсов*, *амальрикан*.

Иннокентий III (Лотарь де Сеньи, понтификат 1198—1216) был одним из самых жестоких пап. При нём папство достигло неслыханного могущества. Он положил начало инквизиции (см. о нём выше — раздел 12).

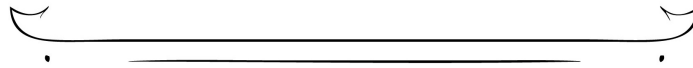
Урбан IV (1261—1264) учредил праздник Святого Причастия. С XIII века римская церковь, стремясь возвысить клир над мирянами, установила два вида причастия: миряне причащались только хлебом, духовенство — вином и хлебом, *sub utraque species* («под двумя видами»). Борьба за оба вида причастия («борьба за чашу») стала впоследствии одним из лозунгов борьбы против католицизма.

После Урбана папой был Климент IV (Gui Foulquois, 1265—1268). В 1276—1277 годах — Иоанн XXI. В 1281—1285 — Мартин IV. Святой Целестин V, избранный папой в 1294, отрёкся от тиары и был заключён в тюрьму его преемником Бонифацием VIII (1294—1303).

Бонифаций прославился своей жестокостью, властолюбием и ожесточённой борьбой против французского короля Филиппа Красивого — борьбой, в которой папа потерпел сокрушительное поражение. Между прочим, он учредил празднование «святых лет» — каждого столетнего юбилея церкви. Первый «святот год» праздновался в 1300 году: по свидетельству очевидцев, в этом году в Рим прибыло до 2 миллионов паломников, жаждавших отпущения грехов, и папские инкассаторы «загребали деньги лопатами в большие корзины и сундуки». Организуется широкая торговля индугенциями («снисхождениями»): они появились в XI веке, а в XII—XIII веках всё начали предоставляться за деньги.

В 1305 году под давление Филиппа Красивого кардиналы избрали папой француза Bertrand de Got, архиепископа города Бордо. Он принял имя Климента V (1305—1314). Подчиняясь воле короля Филиппа, он перенес Святейший престол из Рима в Авиньон и упразднил орден тамплиеров. Авиньонское пленение пап знаменовало глубокий УПАДОК ПАПСТВА в XIV веке.

XV вселенский собор, созванный Климентом V во французском городе Вьенне, 1311—1312, свидетельствовал о начавшемся падении престижа папской власти и росте королевского авторитета в связи с образованием и развитием национальных государств. Вьеннский собор известен также суровыми решениями о преследовании вальденсов, *спиритуалов*, *беггардов* и других еретиков.

В течение ста лет вселенские соборы не созывались, так как авиньонское пленение пап и связанных с ним «великий раскол» очень сильно подорвали значение и влияние папства.

25. Спиритуалы.

Спиритуалы (от лат. *spiritualis* = духовный) — члены францисканского ордена в XIII—XIV веках, стремившиеся в противовес возобладавшему в ордене иерархическим и стяжательным тенденциям сохранить первоначальные принципы его организации и деятельности.

Сам святой Бонавентура, генерал ордена, заявил: «Деньги, этот смертельный враг нашего ордена, вымогаются с такой жадностью нашими братьями, что прохожие боятся встречи с ними и бегут от них, как от грабителей на большой дороге. Наша бедность — вопиющая неправда, мы просим милостыню как нищие, а сами купаемся в изобилии». Бонавентура, doctor seraphicus, умер в 1274 году, почти за 40 лет до Вьеннского собора.

Спиритуалы выступали против богатств и светских притязаний церкви. Особенно они настаивали на необходимости для членов ордена вести жизнь странствующих монахов — бессеребренников. Спиритуалы были активными проповедниками мистицизма.

Из-за оппозиционных к официальной церкви настроений, отражавших народное недовольство церковью, спиритуалы были неоднократно осуждены в папских буллах как еретики и преследовались инквизицией.

Одни из видных спиритуалов был Уильям Оккам.

26. Ещё о ересях.

В конце XII века в Южной Франции, Южной Германии, Швейцарии, Италии распространилось широкое движение, сторонники которого получили название «лионских бедняков» или вальденсов (франц. les vaudois). Последнее имя (более распространённое) они получили от имени своего вождя, знаменитого ересиарха Пьера из Во (Pierre de Vaux), родившегося в местности Vaux (французская провинция Дофинэ). В латинской форме имя его было Petrus Valdo: отсюда «вальденсы», позднелатинское *valdenses*.

Они же paupers de Lugduno, франц. les povres de Lyon. Лионский купец Пьер из Во, Пьер Вальдо, в 1176 создал общину совершенных, давших обет не владеть собственностью, не иметь семьи и НЕ ДУМАТЬ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ. Позднее наряду с «совершенными» образовались группы «верующих», сохранявших семью и

собственность. Но в принципе все вальденсы проповедовали греховность собственности, выступали против общественного неравенства и славили бедность. Они отвергали монополию священников на совершение религиозных таинств. Фридрих Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» пишет, что движение вальденсов явилось выражением «реакции патриархальных альпийских пастухов против проникающего к ним феодализма».

Действительно, в горных местностях Савойи и Юго-Западной Швейцарии ересь вальденсов явилась идеологическим обоснованием общинных пережитков и патриархальных отношений, протестом против феодализации. Вальденсы, в учении которых было много общего с учением катаров (особенно альбигойцев), считали существующий мир порождением зла, называли папу наместником Сатаны, отвергали крещение детей, призывали к восстановлению первоначального (евангельского) христианства с его равенством между членами общин, вели проповедь на родном языке. Распространение доктрины Петра Вальда о греховности мира и собственности, проповедь бедности и покаяния угрожали и римской церкви, и феодализму вообще. Церковь объявила это движение еретическим. Папа Люций III в 1184 году отлучил вальденсов от церкви. Были организованы жесточайшие преследования вальденсов. Сам Пётр Вальдо был казнён в конце XII века.

Вальденсы упорно сопротивлялись. Они имели выборное духовенство, своего верховного руководителя («майоралиса»), свои соборы. Их учение было осуждено в 1215 году Латеранским вселенским собором. Террор инквизиции и деятельность ордена доминиканцев резко сократили район распространения ереси. В XIV веке, с новым подъёмом борьбы крестьян против феодалов, влияние вальденсов падает. Но всё же в XV веке папа Сикст 4 предпринял крестовый поход против вальденсов. В 1545 французские войска учинили над ними массовую расправу в Дофинэ. кровавые массовые избиения вальденсов имели место в 1655 и 1685 годах, и всё же в настоящее время немногочисленные группы вальсов существует в Швейцарии, Савойе и Пьемонте.

Быть может, ещё радикальнее вальденсов были беггарды — секта XIII—XIV веков, которая возникла во Фландрии и получила распространение во Франции, Германии, Италии. Наименование «беггарды» объясняется по-разному. В состав секты входили преимущественно ремесленники, городская беднота.

Беггарды проповедовали бедность, общность имущества, безбрачие, отвергали ВСЯКУЮ ВЛАСТЬ — церковную и светскую. Церковь, ненавидя беггардов, обвиняла их между прочим в свальном грехе: семей у них не было, но дети были. Жесточайшие преследования властей привели к ликвидации секты беггардов в конце XIV века.

Типичным явлением Средних веков была флагелляция (самобичевание). Самобичеванию фанатики подвергали себя как особому виду религиозного аскетизма в

некоторых монашеских орденах, братствах, монастырях. Инструментом флагаелляции была специальная плетъ, которую монахи называли disciplina.

С середины XIII века число призывавших к самобичеванию в знак покаяния и «крещения кровью», якобы дающего искупление грехов, значительно увеличилось и полусектантское движение флагеллантов (бичующихся) приобрело характер массового психоза. В Италии, Франции, Германии, Чехии, Польше и других странах Западной Европы толпы флагеллантов, страшных, полуголых, окровавленных, ходили из города в город, предвещая скорый конец света и оставляя за собой кровавый след.

Нередко флагелланты выступали против церкви и её установлений: праздников, культа святых, индульгенций. В 1261 году папа запретил процессии флагеллантов. Однако во время чёрной смерти — вспышки чумы в 1346—1350 годах — и в связи с землетрясением в Италии (1348) движение флагеллантов снова оживилось и в короткое время охватило почти всю Западную Европу, включая Англию, Данию и Швецию. Папа Климент VI в 1349 осудил это движение, потребовав его прекращения. Но ещё в течение столетия процессии флагеллантов время от времени устраивались в различных местах, главных образом, в Альпах, Провансе и Северной Италии.

27. Алхимия

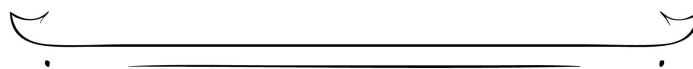
Позднелатинское alchimia образовано от арабского ал-химия. Это средневековое направление в химии основывалось на иллюзии, что можно превращать неблагородные металлы в золото с помощью фантастического вещества — философского камня. Кроме того алхимики искали панацею (греч. *panakeia* = лекарство против всех болезней).

Идея превращения одних металлов в другие возникла и раньше у культурных народов древности (Китай, Индия, Ассирия, Египет). Фридрих Энгельс пишет: «... существует очень тесная связь между алхимией и религией. Философский камень обладает многими богоподобными свойствами, и египетско-греческие алхимики первых двух столетий нашего летосчисления тоже приложили свою руку при выработке христианского учения...»

Алхимия развивалась у арабов, потом перешла в европейскую науку. Она привлекала даже самые лучшие умы. Наиболее широкое распространение и мистический характер алхимия приобрела в Европе XII—XIV веков. Алхимиками были Альберт Великий, Роджер Бэкон, Раймонд Луллий.

О первых двух выше уже говорилось. Нужно сказать о Раймонде Луллии (Raimundus Lillius). Это был поистине великий человек.

Испанский философ, логик, богослов, алхимик, Луллий родился около 1236 года, умер в 1315 году. Собственно, он был каталонец, родился в городе Пальма. Его прозвали Illuminatus (озарённый). Его книга «Ars magna» («Великое искусство») —

одна из самых любопытных творений средневековой схоластики. Оно было впервые напечатано в 1480 году.

Логикой он считал искусство и науку отделять с помощью разума истину от лжи: это и есть *ars magna*. «Великое искусство» Луллия сводилось к идее механического комбинирования понятий с помощью логической машины. Луллий построил такую машину, состоявшую из семи кругов, вращавшихся вокруг одного центра. На каждом из кругов были написаны слова, обозначающие различные понятия («человек», «знание», «истина», «слава», «благое», «количество» etc.) и логические операции (различие, согласие, противоречие, равенство etc.) Вращая эти концентрические круги, можно было получить всевозможные сочетания понятий: это были силлогистического типа выводы из заданных посылок.

При жизни Луллия его идеи были встречены с недоверием. Но уже в XVII веке его предложения о механизации умозаключения, умственных процессов оказало большое влияние на Лейбница, основоположника математической логики. В XIX веке идею логической машины пытался осуществить английский логик Дживонс.

Луллий исследовал как силлогизм, так и индукцию. Он положил начало разработке формальной импликации, которая является одной из основных операций современной математической логики. Учение Луллия позже повлияло на логику Пор-Рояля.

И этот умнейший человек был в то же время знаменитым алхимиком.

Алхимия — это магическая химия; её основа — одухотворение стихий, планет и металлов. Под влиянием церкви алхимическая символика все более переплеталась с христианской. В основание алхимии была положена догма об эвхаристии (пресуществлении). Пророк Моисей и царь Соломон бен Давид были объявлены основателями алхимии. Поиски философского камня христианские алхимики обосновывали текстом из «Откровения Иоанна»: «Тому, кто победит, я дам белый камень».

Алхимия была особенно популярна среди монахов бенедиктинского ордена. Бенедиктинский монах Валентин, живший согласно легенде, в XV веке, был объявлен руководителем христианских алхимиков. [*Василий Валентин*].

Согласно учению алхимиков, для получения философского камня нужно было добыть «душу мира», рассеянную в воздухе, в дожде и росе. Ею, этой «душой мира», питаются змеи, совы и крокодилы. Трупы этих животных подвергались перегонке, чтобы получить «душу мира».

Алхимики не нашли ни философского камня, ни панацеи, ни эликсира вечной жизни. Зато они изобрели порох, открыли фосфор, а бенедиктинские монахи изобрели ликёр из ароматных трав — знаменитый бенедиктин (рецепт его сохранялся в секрете, а продажа приносила большой доход).

По мере накопления научных фактов алхимия утрачивала своё значение. Её экспериментальный опыт был усвоен научной химией, а изготовлением золота стали заниматься только шарлатаны и авантюристы.

<Фрагмент о Каббале>

Каббала — древнееврейское мистическое учение, близкое к теософии; каббала интерпретирует мир как эманацию божества и предлагает символическое истолкование священных книг; по этому учению человеческая душа способна к совершенствованию и очищению путём перевоплощения двух родов: «круговорота» (*гильгуль*), т. е. прохождения всех сфер бытия в новых телах до полного очищения, и «прививки» (*иббур*) — особого соединения отжившей души с живым человеком; при этом осуществляется провиденциальная цель. Каббала допускала существование души. Главная книга — «*Зогар*» («Сияние», около XIII века). По каббалистическим выкладкам производились гадания и предсказания; каббала использовалась для магии. Некоторое влияние каббала оказала на мыслителей Ренессанса — Рейхлина, Парацельса и других.

Учение Каббалы сильно отличалось от правоверного иудаизма и, может быть, сохраняло реликты древнееврейских верований, уничтоженных официальной религией Моисея. Некоторые учёные считали, что Каббала тайно следовала вавилонской религии. У Каббалы не было личного бога — грозного Йеговы (*Яхве*), а был Эйн-Соф — бесконечное и беспредельное бытие. Откровение Истины даётся в виде *нагой* женщины — Сефиры. Эта Сефира вместе с мудростью (Хохма), мужским началом, и женским разумом (Бина) составляют троицу, или корону Кэтер, голову Истины. Запрета женщинам в святилищах нет. Девушки Кадешим священны в своей наготы, посвящены богу, подобно храмовым танцовщицам Финикии и Вавилона.

Древние евреи верили во многих богов; в древнееврейско Ветхом Завете есть термин «элохим», который переводят как «бог», но это неверно. Эл́хим — это множественное число от слова «элоха». Это слово происходит от общесемитского корня «эл», которым обозначалась сверхестественная сила, *дух, бог* (сравни: *Эл*, арабское *Аллах*). Эл́хим = боги. Первоначально Яхве был племенным богом лишь одного племени (колена Иуды) и изображался в образе льва. Даже в Ветхом Завете Яхве — уже бог стихий (грозы, огня, воды), «огненный столп» на вершине Синая, но не единственный бог: в Псалтыре он назван «царь великий над всеми богами». Там же: «Поклонитесь пред ним, все боги». В 621 году до н. э. царь Иошия запретил приносить жертвы в иных местах, кроме Иерусалимского храма, и упразднил культы всех богов, кроме Яхве. Древний политеизм евреев сквозит в Каббале, тайной и оппозиционной попутчице иудаизма.

28. Каббалистика.

Каббала (по-древнееврейски «предание») — средневековое религиозно-мистическое учение, имевшее широкое распространение среди приверженцев *иудаизма*. Первой книгой, в которой примерно в VIII веке произведена запись учения Каббалы, была «Сефер Иецира» («Книга творений»). Её анонимный автор учил, что основой всего сущего является единый Бог, что мироздание зиждется на 10 цифрах и 22 буквах еврейского алфавита.

Каббала — мистическое толкование Библии, которое, как утверждали каббалисты, передавалось от Авраама (или даже от праотца Адама) непрерывной цепью посвящённых.

Каббалистическая мистика получила дальнейшее развитие в анонимной книге «Зогар» («Сияние»), появившейся около XIII века. Утверждая, что Бог лишён каких бы то ни было атрибутов, «Зогар» рассматривает божество как бесконечное, а мир вещей как эманацию божественных сил. В противоречии с самим собой «Зогар» говорит о 10 сеферотах — творящих атрибутах божества, посредством которых оно открывается и познаётся. Каббала допускает переселение душ. По каббалистическим выкладкам производились гадания и предсказания, каббала использовалась для магии. Еврейские книжники в Средние века были (в глазах христиан) окружены мрачным ореолом таинственного могущества и *преступного, греховного, демонического всезнания*; их ненавидели и боялись, им завидовали, у них *учились*. Христианские адепты каббалы, изучив древнееврейский язык, штудировали «чёрные книги» каббалы и извлекали из них химерическое искусство общения с духами.

Каббалисты пользовались особым авторитетом в Европе на исходе Средневековья, но об это ещё будет сказано далее.

29. Папа — философ.

Пётр Испанский (около 1210—1277) — медик, философ и логик, автор известного труда «Суммулы» («*Summulae logicales*»), в котором изложено учение о суждении, силлогизме, ложных умозаключениях, суппозициях (подстановках), терминах и других логических объектах.

В продолжении полувека после изобретения книгопечатания «Суммулы» издавались почти 50 раз. По этой книге логика преподавалась в школах Западной Европы более чем три века. Из трактата видно, что автор его фактически предвосхищал изучение операций логики высказываний.

Пётр Испанский разрабатывал мнемонические средства, облегчающие запоминание логических правил.

Под именем Иоанна XXI этот учёный в 1276—1277 занимал папский престол.

⏏

Пётр Испанский разрабатывал вопросы силлогистики и теории суппозиции (допустимых подстановок значений терминов).

30. Проблемы схоластики.

В решении теологической проблематики схоластика придерживалась выработанных уже в эпоху патристики представлений о Боге как о вневременном и бесконечном абсолюте, духовном первоначале, внеприродной личности, создавшей мир природы и человека и управляющей ими (креационизм, провиденциализм). При этом ортодоксальная схоластика должна была бороться как против попыток растворения и даже приближения Бога к природе (пантеизм), так и против тенденций отдаления Бога от природы и человека, которые становятся благодаря этому в значительной степени независимыми от него (аверроизм). Обе эти тенденции подвели к натуралистическим выводам, к взгляду на природу как самосущную реальность. Стремясь преодолеть их, Фома Аквинский развил учение о Боге как необходимой и личной первопричине, действующей, однако, в природе и мире человека посредством «вторичных причин».

Важным аспектом теологической проблемы был вопрос о том, совершается ли божественная деятельность на основе свободы воли Бога, как это вытекало из монотеистического креационизма, или в основе этой деятельности лежит божественный разум, которому подчинена и его воля. Первая точка зрения, приписывающая Богу свойства иррационалистически истолкованной личности, была сформулирована Августином. Правда, его концепция Бога, опиравшаяся на платонизм, сохраняла и известные элементы рационализма — учение об идеальных родах и видах, заключённых в божественном уме и являющихся прототипами всех творимых Им вещей и существ. Более рационалистичен был сформулированный латинскими аверроистами взгляд, согласно которому божественная деятельность подчиняется не произволу, а необходимости, вытекающей из божественного разума. Отсюда следовало, что действительность как результат божественной деятельности доступна человеческому пониманию.

Крайне иррационалистическое истолкование божественной деятельности было развито Иоанном Дунсом Скотом, а за ним и Оккамом, которые отрицали наличие в божественном интеллекте каких бы то ни было общих идей и утверждали его абсолютную свободу. Примирить эти точки зрения — креационистское представление о божественной деятельности и идею возможности для человека познавать её результаты — стремился Фома Аквинский.

В противоположность мистикам типа Бернара де Клерво, схоластика подчёркивала связь между верой и разумом, теологией и философией.

~ ~ ~ ~ ~

Большое значение для развития теологического рационализма имела диалектика — одно из семи свободных искусств¹⁵, служивших подготовительными дисциплинами к изучению теологии. Диалектика понималась как совокупность логико-рациональных приёмов; занятия ею приводили некоторых схоластиков к мысли о рациональной доказуемости догматов христианского вероучения. Наиболее последовательно эта точка зрения была развита Абеляром. Она присуща и Роджеру Бэкону, утверждавшему, что глубина истины была первоначально открыта Богом пророкам в Откровении и зафиксирована в Библии, а философия должна полностью раскрыть эту истину, выраженную в символической форме.

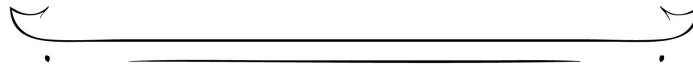
Из рационалистических устремлений оппозиционной схоластики, пытавшихся защищать научное познание природы от посягательств теологии, родилась и теория двойственной истины. Согласно варианту её у Сигера Брабантского и других европейских аверроистов, философия с естественной необходимостью приходит в своих утверждениях в противоречие с догматами религии. Согласно другому варианту этой теории (у крупнейшего представителя Шартрской школы Иоанна Солсберийского), философия и теология не могут противоречить друг другу, так как имеют разные предметы: предмет философии — опытное познание природы, осуществляемое логико-рациональными способами; предмет теологии — сфера человеческого спасения, имеющая сверхъестественное происхождение. Из этого варианта исходили Оккам и другие номиналисты XIV века, стремившиеся к полной иррационализации христианской религии и независимости от неё научно-философского знания.

Для ортодоксальной схоластики была неприемлема ни мистическая, ни рационалистическая позиция, как и ни один из вариантов теории двойственной истины. Фома Аквинский, считая доказуемыми одни догматы вероучения и недоказуемыми другие (более важные), объявил последние не противоразумными (как это сделал Оккам по отношению ко всем догматам), а сверхразумными, доступными лишь божественному разуму. С точки зрения ортодоксальной схоластики, теология, допуская относительную независимость в развитии научно-философского знания, должна руководить им, указывая ему его высшие цели.

Проблема общего и единичного, проходя через всю историю схоластики, приняла в ней форму учения об универсалиях, в истолковании которых и выделились реализм и номинализм, а также близкий к последнему концептуализм. В русле рассмотрения проблемы универсалий развивалась формальная логика, на почве которой схоластика достигла значительных результатов.

Схоластическая логика прошла три фазы: 1) «древняя логика» (vetus logica) опиралась на «Категории» Аристотеля, на Порфирия и Боэция; существовала до середины XII века; 2) logica nova образовалась около середины XII века после знакомства с аристотелевскими трудами «Аналитики», «Топики» и «О софистических опровержениях»; logica modernorum началась с трактата «О свойствах терминов» («De

¹⁵ Грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка.

terminorum proprietatibus» и заняла XIII—XIV века. Среди различных «Суммул», в которых излагалась логика третьей фазы, наиболее известны «Суммулы» Петра Испанского.

Схоластическую логику 2-й и 3-й фазы можно рассматривать с точки зрения зарождения в ней некоторых элементов математической логики (теория семантических парадоксов Альберта Саксонского), особенно в трудах Альберта Великого, Иоанна Дунса Скота, Луллия, Оккама, Жана Буридана и других.

Уже во 2-й фазе схоластической логики появился «*Tractatus syncategorematicus*» (трактат о синкатегоремах — логических категориях), в котором анализировались простые и сложные функторы, относящиеся к формальной структуре предложений. К этому трактату в XIV веке присоединяются раздел «*Sophismata*» (о наиболее типичных ошибках в рассуждениях) и целый класс проблематических высказываний.

Интересны также произведения И. Дунса Скота, логическую сторону которых высоко оценил Карл Маркс. Иоанн Дунс Скот разрабатывал теорию логического следования, идеи которой способствовали появлению ряда трактатов «*De obligatoriis*» (об обязательствах).

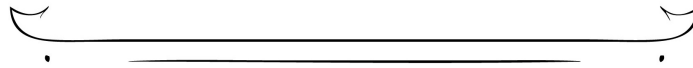
Основное внимание логиков — номиналистов переносится на трактаты «*de consequentiis*» и «*de insolubilibus*», которые рассматриваются в качестве существенного дополнения не только к логике Аристотеля, но и к компендиуму Петра Испанского. Истоки тематики «*de consequentiis*» сами схоластики искали в 3-й книге «Топики», где Аристотель обращает внимание на существование таких условных заключений, в которых от утверждения об одном предмете приходят к утверждению обо всех других предметах того же рода.

Если у Аристотеля они заимствовали идею формальной импликации¹⁶, то с начатками теории материальной импликации они знакомились в основном по трудам Ибн Синны (Авиценны), Фараби, Газали, Ибн Рошда (Аверроэса).

Примечательны широкий размах логических исследований в Средние века и огромные размеры логических компендиумов: труд венецианца Николетты «*Logica Magna*» (XIV век) содержал около 3.650.000 знаков, т. е. около 90 авторских листов.

В эпоху Возрождения отсутствие плодотворных связей схоластиков с естествознанием привело к теоретической дискредитации схоластической логики. Многим гуманистам казалось, что она неразрывно связана со всем схоластическим мировоззрением в целом.

¹⁶ Импликация — логическая операция, связывающая два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связи, которой в обычном языке в значительной мере соответствует союз «если... то»: «Если А, то В». В математической логике эта формула записывается « $A \rightarrow B$ », т. е. «А влечёт В». А есть антецедент (основание условного высказывания), В — консеквент (следствие). Иначе: А — посылка, В — следствие, а высказывание « $A \rightarrow B$ » — следование. Импликация считается ложной только в том случае, если антецедент истинен, а консеквент ложен. Если оба (истинны или оба ложны, если А ложен, а В истинен, то импликация истинна (например, если $2 \times 2 = 5$, то снег чёрён). Ложная: если $2 \times 2 = 4$, то снег чёрён.

К концу Средних веков существовали три основных логических школы: 1) *перипатетики* (школа, берущая начало от Петра Испанского), 2) *рамисты* — последователи Раме¹⁷, 3) *луллисты* — последователи Раймунда Луллия. Джордано Бруно полностью разделял логические идеи Луллия.

В отличие от предшествовавших ей систем логики, схоластика сделала попытку выявить логические закономерности на базе общих законов и правил латинского языка и учесть всё богатство семантических и синтаксических функций естественного языка. При этом схоластики отдавали приоритет семантике, под углом зрения которой исследовались проблемы синтаксического характера. От современной формальной логики схолистическая логика отличалась тем, что не имела ещё точного представления о формальной логической системе и её специфических проблемах (например, о разрешимости, полноте etc.).

Логические достижения Средних веков оказались забытыми в новое время, так как схолистическая логика не смогла перешагнуть рубеж, достигнутый с появлением «*Logica Magna*» Николетты: она не смогла найти обобщающий *алгоритм*, который дал бы возможность закрепить достигнутое и идти дальше.

Для *схолистической этики* характерны трансцендентное истолкование моральных норм как исходящих от Бога (к натуралистическому истолкованию их отчасти приближался Абельяр), а также *аскетизм*.

Одной из определяющих черт схоластики был *авторитаризм*, отражавший абсолютную силу религиозной догматики и церковной традиции. Философскими авторитетами стали и античные философии, особенно Аристотель (в томизме).

Авторитаризму схоластики соответствовала её *умозрительность*, слабые связи с опытно-экспериментальным исследованием природы, которое почти отсутствовало в Средние века, её *формализм*, связанный с тем, что схоластика занималась лишь систематизацией теологических истин. Но это же способствовало развитию логики, питало стремление к систематичности и доказательности мышления.

Схоластика занималась также вопросами *природы души* (в особенности её бессмертия и её связи с телом), способностей души и их роли в познании, *свободы человеческой воли* и её отношения к божественному Промыслу. Предметом постоянного обсуждения в схолистике были такие догматы христианского вероучения, как *Троица, предопределение, сотворение мира из ничего, Первородных грех и воздаяния*, часто перераставшие в *проблему свободы воли* и решавшиеся в противоречии с догматическим учением, *Воскресение, Пресуществление* и др.

Со второй половины XVI века схоластика уже влачила жалкое существование — в виде *неосхоластики*, о которой речь пойдёт впоследствии.

¹⁷ *Pierre la Ramée (Petrus Ramus, 1515—1572)* — французский философ, противник схоластики. В своих трудах подверг критике искажённое схоластами учение Аристотеля, но сделал ошибочный вывод: «Всё сказанное Аристотелем является ложным». В процессе познания главное состоит не в бесплодной силлогистике, а в умении наблюдать и экспериментировать; логики должны изучать природу. Рамус обратился в протестантизм и был убит с другими гугенотами в Варфоломеевскую ночь.

31. Уиклиф и лолларды.

John Wycliffe (Wyclif, Wiclif) родился около 1320, умер 3 декабря 1384. Английский религиозный реформатор, учился и преподавал в Оксфордском университете, доктор богословия, с 1261 — приходский священник.

Как философ Уиклиф склонялся к идеализму Платона и средневековому реализму (в варианте, который выработали скотисты). Но его деятельность как религиозного идеолога имела большое значение. Он оспаривал принцип непогрешимости пап, считал, что главой церкви должен быть не папа, а король, отвергал культ святых, торговлю индульгенциями и отрицал Пресуществление.

Проповедуя возврат к «простоте апостольской церкви», Уиклиф решительно восставал против монастырского землевладения и роскоши духовенства. По Уиклифу, в гражданских делах церковь подчинена светской власти, поэтому государство вправе лишить церковь её владений и не платить церковных налогов.

Революционное требование отказа церкви от земельной собственности отвечало интересам всех слоёв английского общества кроме духовенства. Поэтому Уиклиф пользовался поддержкой Оксфордского университета и королевской власти, ограждавших его от суда епископов до тех пор, пока учение Уиклифа не было подхвачено лоллардами.

Высшим авторитетом для верующих является Священное писание; поэтому Уиклиф принял участие в переводе Библии на английский язык, рационалистически толковал таинства, выступал против почитания святых, икон и др. Энгельс назвал Уиклифа в числе типичных представителей средневековых бюргерских ересей.

Программой Уиклифа была церковная реформа. Гораздо радикальнее были антифеодальные выступления его последователей из числа «бедных священников», или лоллардов.

The lollards (этимология неясна), они же «бедные священники», — это типично революционная ересь. Используя ряд идей и аргументов Уиклифа, лолларды критиковали духовенство (особенно высшее), требовали ликвидировать монастыри, упразднить епископский сан, добивались секуляризации церковных имуществ и земель, отмены церковной десятины.

Лолларды выступали и против помещиков, призывая крестьян бороться за свободу. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, — где был в то время английский джентльмен?» — иронически спрашивал лоллард Джон Болл, сподвижник Уота Тайлера — вождя мощного крестьянского восстания 1381 года.

За участие в этом восстании многие лолларды были казнены, в том числе и Джон Болл. Особенно усилились гонения на лоллардов в XV веке, когда сотни их были сожжены инквизиторами.

После подавления восстания Уота Тайлера собор английских епископов осудил учение Уиклифа как еретическое.

Это учение рано распространилось в Чехии и оказало сильное влияние на Яна Гуса. Констанцский вселенский собор (1415) постановил предать сожжению сочинения Уиклифа и его останки. Учение Уиклифа повлияло не только на Гуса, но и на самого Лютера, а также на подготовку реформации в Англии.

32. Майстер Экхарт.

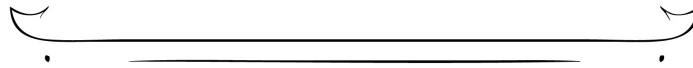
Немецкая философия Средних веков начинается с так называемой «женской мистики», с писем и нравоучительных произведений Рейна и Фландрии. Затем появился майстер Экхарт.

Johannes Eckhart (около 1260—1327), известный под именем *Meister Eckhart*, был знаменитый немецкий мистик, доминиканский монах. До 1310—1311 годов он занимал высокие посты в региональной системе доминиканского ордена, затем преподавал в Парижском университете и высших школах доминиканцев в Страсбурге и Кёльне. Общегерманской известностью и влиянием пользовались проповеди майстера Экхарта на народном немецком языке.

В последние годы его жизни (с 1325) выдвигались обвинения в еретическом характере его проповедей. По настоянию францисканцев, уже после смерти Экхарта, в 1320 году, 28 пунктов его учения (двадцать восемь тезисов Экхарта) были осуждены папской буллой.

Экхарт опирался на учение Фомы Аквинского, Дионисия Ареопагита и Иоанна Скота Эриугены (учение последнего было *уже осуждено* в 1225 году буллой Гонория III).

Схоласт по складу мышления, *Meister Eckhart* обладал мистическим мироощущением. С его точки зрения, вера должна преобразовать сверхестественное знание в знание логическое. Высшей силой души является разум, который Экхарт называет *искрой*, *крепостью души*, синтерезисом (греч. *synteresis* = сохранение) — т. е. сохранением естественного стремления к добру, несмотря на грехопадение. Деятельность разума есть деяние Божие внутри нас. Разум, память и волю Экхарт соотносит с Сыном, Духом и Отцом христианской Троицы. Душа стоит между Богом и сотворённой сущностью (телесной природой). *Бог есть чистое бытие, первоединство*. Сущность Бога состоит из идей. Смысл жизни — в познании Бога и возвращении к Богу, эту возможность даёт добродетельная жизнь, аскетизм, отрешённость от всего телесного и прежде всего добрые дела на благо ближних; пассивного созерцания недостаточно. Через милосердие Божие может быть достигнуто мистическое единение с Богом — *unio mystica*.

Эту цель преследовали ещё древнегреческие мистерии и тайные фаллические культы Востока. Но Платон и неоплатонизм, а ещё больше средневековые мистики внесли в «*мистический брак*» *одухотворённость*.

Вот ещё одно изложение доктрины Экхарта:

Спекулятивная мистика Экхарта содержит оригинальное философское учение об Абсолютном и о человеке. Краеугольным камнем этого учения является резкое разграничение модусов Абсолютного в его отношениях к себе и к и)ному.

В первом отношении Абсолютное есть чистая божественная сущность уже как таковая, без разделяющих выявлений. Это понятие, которое Экхарт называет Божеством (*gotheit*), соответствует понятию Божественного *ничто* в традиции апофатического¹⁸ богословия, и в его разработке Экхарт достигает существенного онтологического углубления данной традиции.

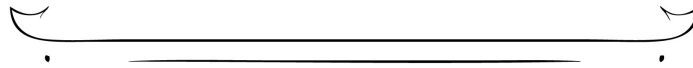
Если ранее «путь отрицания» атрибутов Абсолютного полагали тождественным «пути восславления» — бесконечному обладанию всеми атрибутами, то Экхарт утверждает актуальное отсутствие у Абсолютного любых атрибутов, вскрывая тем оологическое отличие бытия Абсолютного от бытия сущего. Для передачи этого отличия вводится специальная категория «основа» (*grunt*). Абсолютное — основа сущего, которая чужда всему, ею основанному, а по отношению к себе самой является *без-основной*, *бездной* (*abgrunt*). Божественного Ничто раскрывается в категории основы как единство пра-основы (*urgrunt*) и бездны.

В противоположность «безмолвной пустыне» божественного Ничто, Абсолютное в его отношении к иному выступает как деятельная природа, как начало творения. За этим модусом абсолютного, который есть «первое обособление божества», Экхарт сохраняет термин Бог (*got*), поскольку находит, что именно к нему принадлежат лица Святой Троицы. Для него же Экхарт принимает тезис схоластики *Deus est esse* (Бог есть бытие), однако смысл этого тезиса трансформируется, поскольку высший модус Абсолютного Экхарт считает превосходящим всякое бытие.

Как рождающая природа, Бог есть творческий принцип мирового процесса, и на этой основе учение Экхарта о мире, продолжая диалектику отношения Бога и божества (*Deus et Deitas*), соединяется с ней в единую теорию божественно-мирового процесса. Последний, как и в неоплатонизме, мыслится в виде полагания иерархии модусов, завершающим из которых является *тварный мир*, а промежуточные связаны с различением лиц в Боге.

Однако, в отличие от неоплатонизма, становление очередного модуса Абсолютного понимается Экхартом не как эманация, а диалектически — как «внутренне самопостижение», самодвижение природы предшествующего модуса. Здесь Экхарт предвосхищает многое из самой сущности гегелевской диалектики.

¹⁸ Апофасис (греч.) — отрицание.

Утверждение неотделимости Бога от мира, перенесение акта творения мира из времени в вечность придают учению Экхарта пантеистические черты, которые ещё более присущи его антропологии.

Её ведущий принцип — тождество природ человека и Божества, присутствие в природе души несотворённого начала, единосущного Божеству («искорка»). Это начало есть безосновная основа души, как Божество — безосновная основа Бога. Подобно Божеству, «искорка» есть исходный принцип некоторого диалектического процесса. Это процесс воссоединения души с Божеством, являющийся онтологически обратным божественно-мировому процессу. В нём душа проходит путь отрешённости, предполагающий последовательное освобождение её от всех сил, образов и определений и завершаемый актуальным слиянием с безосновным.

«Душевная искорка» как единосущность с Основой, прорыв души к погружению в божественное Ничто — основные темы творчества Экхарта, пафос его учения. В них антропология Экхарта сливается воедино с его онтологией в экзистенциально-теософической диалектике Бога становящегося (божественно-мировой процесс) и Бога преходящего (экзистенциальный процесс).

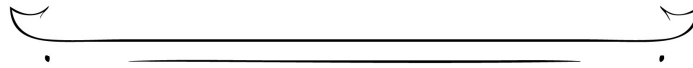
В учении о познании Экхарт необычайно высоко ставит начало разума. Путь познания для Экхарта — гносеологический аспект пути отрешённости, воссоединения с Абсолютным. Это определяет и иерархию видов познания: низший из них — чувствительное познание, обыденный рассудок, который «принимает вещи за нечто действительное»; от него надлежит восходить к «божественному неведению» (что близко к позднейшей концепции «учёного незнания» Николая Кузанского). На высшем уровне в полноте отрешённости, осуществляется тождество субъекта и объекта: «Душа — равно и познающее, и познаваемое» в созерцании единства себя и Основы.

[Нет ли здесь сходства с философией индуизма? *Атман* и *Брахман*. См. приложение к I части]

В этике майстер Экхарт утверждает, что внешнее делание, следование заповедям и даже религиозное подвижничество принадлежат лишь начальной стадии пути к Божеству и несущественны на высших ступенях — «добродетель только середина между пороком и совершенством». Здесь Экхарт радикальнее, чем в других моментах своего учения, отклоняется от схоластики и выступает предшественником Реформации и учения Лютера об «оправдании верой».

Идеи Экхарта оказали сильное воздействие на весь немецкий идеализм. Экхарт — родоначальник немецкой апофатической мистики XIV—XVI веков, к которой, кроме его учеников Паулера и Сузо, в той или иной мере принадлежат Рейсбрук, Бёме, Шефлер.

Особо следует отметить влияние Экхарта на Николая Кузанского и Мартина Лютера. Углублённый интерес к Экхарту характерен для Фихте, Шеллинга, Гегеля. В XIX веке близость к Экхарту обнаруживают многие построения так называемой

фундаментальной онтологии Хайдеггера (ничто, учение об «экстатическом пребывании в элементе бытия» и др.)

Майстер Экхарт писал: «Самое быстроногое животное, несущее нас по пути совершенствования, это страдание».

Биографический отдел

Б. В. Орехов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,

С. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

Очерк научной биографии
Р. Г. Назирова

0. Источники. Круг источников, на которые мы можем опереться при составлении биографии Назирова, не очень широк, но довольно разнообразен. Прежде всего, это автобиографические свидетельства. Часть из них уже опубликована в различных номерах «Назирова архива»:

1) автобиография Р. Г. Назирова, написанная в 1998 году как часть заявки на университетский travel grant¹.

2) дневниковые записи с 1951 по 1971.

3) история семьи, написанная сестрой Ромэна Гафановича Диной Гафановной и включающая в себя важные сведения о нем².

4) некоторые художественные тексты Р. Г. Назирова, имеющие явный автобиографический претекст.

Есть в нашем распоряжении имеются и некоторые официальные документы:

1) выписка из трудовой книжки Р. Г. Назирова³.

2) личный листок по учету кадров⁴.

Архив Назирова также включает в себя довольно богатый эпистолярный. Важны для реконструкции биографии многие адресованные ему письма, а также немногочисленные черновики его ответов своим корреспондентам.

Кроме того, некоторую пользу могут принести и личные, к сожалению, как правило, устные свидетельства Д. Г. Назировой, Т. Н. Барышниковой, А. П. Филиппова, А. А. Илюшина⁵, Р. Х. Якубовой, В. В. Борисовой, С. А. Саловой, В. Н. Захарова, Б. Н. Тихомирова, А. Л. Осповата⁶ и др. (в том числе и авторов этих строк).

Кроме того, в открытых источниках содержится ряд документов, проливающих свет на историю семьи Назириных, и трудов историков и краеведов.

1. **Родительская среда.** «Гафан⁷ Шамгунович Назиров, мой отец, родился в 1899 году в семье крестьянина в Уральской (ныне Курганской) области, в селе Дубровна, которое по-татарски называется Магди́». Дина Гафановна в своих воспоминаниях указывает другое название малой родины отца — Большие Дубровны. Официальное современное наименование этого села — *Большие Дубровное* Усть-Уйского района Челябинской (ныне Курганской) области.

¹ НА. 2013. № 1. С. 137—139.

² НА. 2013. № 1. С. 140—142.

³ НА. 2013. № 2. С. 113—114.

⁴ НА. 2014. № 1. С. 119—122.

⁵ Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирове // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 42. С. 146—150.

⁶ НА. 2014. № 2.

⁷ Так у Назирова. Д. Г. Назирова вспоминала, что в отчестве Ромэна вторую «ф» из имени «Гаффан» потеряли при составлении свидетельства о рождении.

Большое Дубровное, расположенные рядом Малое Дубровное и Трёхозёрки представляют собой район компактного проживания так называемых ичкинских татар. В то же время (в конце XIX века) вокруг этих сел и в них самих жило значительное число уральских казаков. То есть отец Ромэна Гафанович вырос в ситуации фактического двуязычия, что, конечно, облегчило ему дальнейшее образование и карьеру. В воспоминаниях одного из жителей Большого Дубровного это село предстает относительно благополучным: «То было большое село в три улицы, опрятное, благопристойное, с зелеными палисадниками почти у каждого дома. Не все люди жили в одинаковом достатке. Были хоромы, были пятистенные домики и кое-где землянки, но все содержалось в полном порядке»⁸.

«С раннего детства он остался калекой, т. к., оставленный без присмотра во время полевых работ, он получил сильный ожог, повредивший ему ногу. С тех пор он хромотал всю жизнь, хотя мог ходить довольно быстро и хорошо плавал, это я помню (я помню, как летом 1937 года мы приехали в автомобиле на Дёму, отец плавал и звал шофера искупаться)». Важно, что Назиров сохранил личные воспоминания об отце, помимо прочего свидетельствующие, что уровень жизни члена правительства автономной республики был относительно высок (в частности, он имел служебную машину и личного шофера). В дальнейшем детям Гаффана Шамгуновича пришлось познакомиться с гораздо менее комфортным бытом.

Старший Назиров был убежденным большевиком первого послереволюционного призыва и сделал закономерную карьеру: «Во время гражданской войны отец помогал скрываться дезертирам из армии Колчака. С 1919 года отец стал членом РКП(б). Позже он учился в Москве, в ИПК, (“и-пэ-ка”, институт красной профессуры)». По воспоминаниям сестры Дины Гафановны поездка в ИПК была судьбоносной для семьи: Гаффан Шамгунович и Эсфирь Исааковна познакомились в поезде на Москву⁹.

Целью знаменитого «института красной профессуры» было формирование культурной и управленческой элиты советского государства. Кандидаты проходили многоступенчатый отбор, включавший в себя не только несколько идеологических фильтров, но и проверку интеллектуального багажа и способностей (возможно, выборочную и вариативную). Назиров поступил в это заведение в тот момент, когда одним из критериев пригодности стал значительный партийный стаж (не менее 8 лет)¹⁰. Нам неизвестны подробности его профессиональной и партийной деятельности в промежутке от 1919 до поступления в ИПК, которое, по всей вероятности, состоялось в конце 1920-х годов, однако известно, что основной контингент поступающих уже имел за плечами высшее образование, полученное,

⁸ Подкорытова Л. Г. Из писем отца // Зауральская генеалогия I. Курган, 2000. http://www.kurgangen.org/about/ZGO_Trudy/ZGO_I/

⁹ НА 2013. № 1. С. 141.

¹⁰ См.: Козлова Л. Г. Институт красной профессуры (1921—1938). Историографический очерк // Социологический журнал. 1994, № 1. С. 104. (всего С. 96—112).

например, в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Желателен был и опыт руководящей партийной работы. Большинство выпускников ИПК в дальнейшем заняли высокие посты в системе управления страной. Не было исключением и Гаффан Шамгунович: «Не знаю, окончил ли отец ИПК. В то время партия объявила призыв в политотделы (известные семнадцать тысяч политотдельцев), и отец поехал в Башкирию. В 1933 — 1935 годах отец был начальником политотдела совхоза “Лагерный”: тогда он назывался совхоз имени Быкина и числился в Кигинском районе, а ныне в Салаватском районе». Современные историки считают так называемый «политотдельский период» ключевым этапом коллективизации, политотделы создавались как «чрезвычайные органы Коммунистической партии, наделенные полномочиями политических, хозяйственных и карательных органов»¹¹. У нас нет данных, позволяющих строить заключения о характере деятельности старшего Назирова на посту начальника политотдела, однако, судя по его дальнейшей карьере, она была достаточно эффективной: «После упразднения политотделов мы поселились в Уфе, и я начинаю помнить себя. Сначала мы жили в больших деревянных корпусах на улице Сталина рядом с тем зданием, где теперь помещается пединститут и где я учусь (тогда это не было здание пединститута). Отец стал членом башкирского правительства, он возглавлял¹² управление по делам искусств при Совнарком БАССР». Дина Гафановна пишет об этом так: «В 1935 году отца перевели на работу в Уфу, он преподавал в совпартшколе, затем был назначен начальником управления по делам искусств при Совнарком Башкирии»¹³. С современной точки зрения эта карьера выглядит этически неоднозначной. В ситуации, когда в стране шли массовые репрессии, любая управленческая позиция требовала, как минимум, автоматического одобрения происходящего.

Эсфирь Исааковна Волович родилась в городке с литературным названием Миргород, в религиозной еврейской семье. В этом же городе она закончила финансов-экономический техникум, после чего отправилась в Москву, где начала трудовую биографию в артели «Красный галантерейщик». Очень скоро устроилась и в первую в ее жизни газету — многотиражку завода «Красная Пресня»¹⁴. Видимо, ее представления о жизненных целях рано разошлись с заложенными в традиционно патриархальную культуру иудаизма. В какой-то момент возник даже внутрисемейный конфликт, связанный в том числе и с ее браком. В своем дневнике Ромэн Гафанович, описывая приезд бабушки и тети после ареста родителей, пишет: «До этого они к нам не приезжали, и дедушки Исаака я не видел никогда, т. к. они были религиозные евреи, а мама вышла за татарина, и в родне запретили произносить её имя, и дядя её Глушкин проклинал свою любимую племянницу». Тем не менее из этой записи видно, что в сложный жизненный момент родство было восстановлено и в дальнейшем уже не

¹¹ Зеленин И. Е. Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история, 1992, № 6. С. 42. (всего С. 42 - 63).

¹² Двойное чтение рукописи: «возглавил».

¹³ НА 2013. № 1. С. 141.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 2, 4.

прерывалось (так, в дневнике Назиров не раз переписывает письма своих двоюродных братьев). Связь с еврейской культурой и еврейской этничностью, очевидно, также стала одним из факторов, стимулировавших интерес Назирова к проблеме тирании и насилия в истории. Дед Назирова Исак-Арон Волович был расстрелян во время Шоа (Холокоста) в 1941 году¹⁵, видимо, не успев эвакуироваться. Без сомнения, внуки знали о судьбе деда.

По воспоминаниям Рашиды Красновой, младшей коллеги Эсфири Исааковны из редакции «Советской Башкирии», в ранней молодости она успела пожить в послереволюционной Москве: «Она училась и работала на какой-то фабрике в Москве. Здесь у нее было полно родственников по фамилии Гутнер. Один из двоюродных братьев, Герц Гутнер, был журналистом. Родной брат Александр — собкором "Красной звезды" в Харькове. Жила Эсфирь у Герца и его жены, красавицы Жени Свердловой, которой, по семейной легенде, сам Михаил Булгаков делал предложение руки и сердца, но она ему отказала. У Гутнеров бывали Есенин, Маяковский, известные музыканты и артисты»¹⁶. Эти мемуары, разумеется, опираются не на собственные впечатления автора, а, скорее всего, на рассказы самой Э. И. Волович. Тем не менее необходимо зафиксировать несколько любопытных соображений.

Судьба молодой Эсфири Исааковны поразительным образом следует заданной еще в конце XIX века культурной модели. Типаж молодой, интеллектуально и материально самостоятельной девушки в ее случае подкрепляется первоначально избранной профессией: «В юности, еще не ведая о том, что станет журналистом, в совершенстве овладела стенографией»¹⁷. Примеров в разной степени эмансипированных стенографисток в русской истории более чем достаточно. Однако говоря о семье Назирова, лучше всего вспомнить самую знаменитую — Анну Григорьевну Достоевскую. Эта культурно-поведенческая модель не забыта и до сих пор, хотя, разумеется, тривиализована массовой культурой. Так, героиня романа «Турецкий гамбит» Б. Акунина Варвара Суворова встроена в хорошо узнаваемый шаблон свободной и независимой «идеальной» женщины: «...Варя выучилась на стенографистку и зарабатывала до ста рублей в месяц»¹⁸.

Логичным решением для молодой энтузиастки 1920-х годов выглядит участие в строительстве Магнитогорского металлургического комбината, куда она приехала в 1933 году¹⁹. Здесь она поступила на работу в газету «Магнитогорский рабочий», где быстро стала заведующей отделом информации²⁰. В дальнейшем именно на этой должности она работала в

¹⁵ Лист свидетельских показаний.
<http://db.yadvashem.org/names/nameDetails.html?itemId=9538702>

¹⁶ Краснова Р. Старый день печати // Уфа, № 5 (90) 2009.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Акунин Б. Турецкий гамбит. М, 2004. С. 12.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 2, 4.

²⁰ Она работает в «Магнитогорском рабочем» примерно в то же время, когда там начинает печататься известный поэт Борис Ручьев. В 1963 году Назиров напишет в дневнике: «На днях отметили 50-летие талантливого поэта Бориса Ручьева, живущего в Челябинске. Лет 17

уфимских газетах «Ленинец» (в наше время «Молодежная газета») и «Советская Башкирия» (сейчас «Республика Башкортостан»). Коллегам запомнился ее волевой и требовательный характер: «Считаю, что мне здорово повезло: после Казанского университета я попал в “Советскую Башкирию” к Волович, — рассказывает журналист Амир Валитов. — Работал с ней три года. Обо мне она как-то сказала: “Ну этого еще можно читать”. В ее устах фраза прозвучала как высшая похвала. Поражала скрупулезность Эсфири Исааковны. Ошибок у нас никогда не было. Перед сдачей материала в секретариат текст вычитывали вдвоем: Волович и тот, кто готовил его. А еще она требовала добросовестно и в срок отвечать на письма читателей»²¹. Кроме того, должность заведующего отделом информации, тем более, в советское время, предполагала не только колоссальную работоспособность сотрудника, но и умение эффективно и изобретательно взаимодействовать одновременно с коллективом и с контролирующими инстанциями. Если прибавить к этому соображение, что Эсфирь Исааковна сумела без мужа вырастить двоих детей и дать им образование, то психологический образ матери как фактор, определивший развитие личности Ромэна Гафановича, становится яснее.

В одной из глав своей последней монографии «Становление мифов и их историческая жизнь» Назиров пишет: «Несмотря на суровую патриархальность иудаизма, он горделиво славит в веках самоотверженность еврейской женщины»²². По всей видимости, в его творческом сознании существовала житейская параллель к этой мысли. Сам он в молодости в дневнике, сравнивая свою судьбу с судьбой матери, формулировал это так: «Она замечательный человек, а я слабак. Мне не хватило в жизни испытаний»²³. За юношеским максимализмом здесь, однако, можно разглядеть ту определяющую и направляющую роль, которую она играла в жизни сына.

Отметим, что даже сама возможность личного знакомства матери с такими фигурами Серебряного века, как Есенин и Маяковский, радикальным образом сокращает ощущение исторической дистанции между эпохой легендарной классики и современностью²⁴. Ромэн Гафанович удивлял своих студентов и даже коллег по науке своеобразным “своим”

или около того он провёл в концлагере; за что посадил его Сталин, я не знаю. Ручьёв написал когда-то известную песню “Спят курганы тёмные” из I серии кинофильма “Большая жизнь” <...>. Песню пел весь Союз, когда в товарном поезде Ручьёв направлялся на восток, далеко от Москвы... Сейчас он, по слухам, крепко пьёт. Жизнь его загублена» (оп. 4, д. 6, лю 156). Как видим, никаких упоминаний о личном знакомстве матери с поэтом нет.

²¹ Цит. по: Краснова Р. Старый день печати.

²² Становление мифов. С. 97.

²³ 1964, 0047

²⁴ Ср. у принадлежащего к тому же поколению М. Л. Гаспарова: «Я позволю себе сказать, что для меня и моих сверстников живое ощущение прошлого начинается с Серебряного века <...> А тогда, в 1900 году, оно также естественно начиналось с Карамзина и Жуковского <...>. Пушкин тогда был достаточно живым явлением, чтобы футуристы именно его, а не Ломоносова, сбрасывали с парохода современности» *Гаспаров М. Л. Столетие как мера, или Классика на фоне современности* // НЛЮ. 2003. № 62.

отношением к классике. Он любил подчеркивать, что знает XIX век настолько хорошо, что мог бы в нем жить. Может быть, это ощущение близости к легендарной классике позаимствовано им у матери. Позднее это ощущение укрепилось в пору его учебы в аспирантуре МГУ.

В целом, влияние матери на Ромэна Гафановича несомненно. Она поначалу направляла ход его карьеры, однако, его собственное интеллектуальное развитие, судя по дневникам, шло в самостоятельном режиме. В них нет следов ее активного и авторитарного влияния на круг чтения и культурных интересов Назирова. Так, в своей первой дневниковой тетради 1951 года он пишет, что начал изучать французский самостоятельно — чтобы читать французских историков: «Я специализируюсь на Французской революции, как Тарле — на Наполеоне и Лозинский — на итальянском Возрождении. <...> Специально для этого взялся за изучение французского языка»²⁵.

В то же время именно Эсфирь Исааковна, по всей видимости, была для молодого Назирова арбитром в области изящной словесности. Именно она должна была решить судьбу одного из ранних художественных опытов, рассказа «Грубая ошибка»: «Завтра <...> перепишу рассказ набело и пошлю маме в Уфу. Если она найдёт, что рассказ сто`ющий, то пусть даст отбить на машинке и пристроит куда-нибудь (может быть, в “Учительскую газету”»²⁶. Живая эмоциональная связь с матерью сохранялась до самой ее смерти, которая, очевидно, стала сильнейшим потрясением для Назирова, заставившим бросить двадцатилетнюю привычку вести дневник: «Мама умерла 12 ноября 1970 года. Не буду больше вести дневник. Думаю, никогда. Октябрь 1971»²⁷.

2. Провинциальные «дети Арбата». Ромэн Гафанович Назиров родился 4 февраля 1934 года. По всей видимости, первые три года его жизни были благополучными. Но на рубеже 1937—1938 башкирское правительство, по выражению самого Р. Г. Назирова, было «разгромлено» А. А. Ждановым²⁸, лично инспирировавшим процесс репрессий в БАССР. На III пленуме Башкирского Обкома ВКП(б) 4—6 октября 1937 Жданов «обрушился» на местных «националистов», якобы являвшихся агентами А.-З. Валидова, деятеля башкирской антисоветской эмиграции. Представление о скорости развития событий того времени можно получить, вчитавшись в дневниковое свидетельство Ромэна Гафановича: «Мы переехали на улицу Гоголя, 24²⁹, поблизости от этого места, где жил Мажит Гафури. Наша новая квартира была унаследована от арестованного перед этим Булашева. На этой злополучной новой квартире, 12 января 1938 года был арестован мой отец» (56-58, 1, 791). Зинатулла Гизятович

²⁵ АРГН, оп. 4, д. 1, л. 8.

²⁶ 1957 231

²⁷ 1966-1971, вл. папка, 0030. Дневниковых записей между 12 ноября 1970 и октябрём 1971 в архиве Назирова не обнаружено.

²⁸ НА. 2013. № 1. С. 138.

²⁹ Дом сохранился до настоящего времени.

Булашев (1894—1938) был не кем иным как Председателем Совета народных комиссаров Башкирской АССР, то есть руководителем автономной республики. Его арест состоялся 4 октября 1937 года³⁰. По всей видимости, Назиров-старший успел пожить в квартире своего бывшего начальника всего несколько месяцев. 11 января 1938 г.³¹ отец Ромэна Гафановича³² также был арестован.

Воспоминания о жизни перед арестом отца, возможно, отразились в небольшом рассказе «Пролог», помещённом в дневнике за 1957 год. Фактически это зарисовка быта семьи высокопоставленного чиновника в период массовых репрессий. Этот быт подчинён страху (родители тайком жгут книги опальных авторов), приводящему порой к сделкам с совестью (отец пишет статью против «врагов народа», мать её правит). Сложность этической проблематики рассказа обнаруживается в контрасте с естественным взглядом ребёнка: «А что папа опять летит на самолёте? — раздался детский голос. Муж и жена вздрогнули и обернулись. На пороге спальни стоял шестилетний мальчик в ночной рубашке, зевал и тёр кулаком глаза»³³. Есть серьёзное искушение прямо соотнести этого мальчика с автором.

10 июля следующего года Гаффана Шамгуновича расстреляли одновременно с еще 42 (по другим данным 32) наиболее заметными башкирскими интеллигентами: Даутом Юлтым, Тухватом Янаби, Габдуллой Амантаем и др. Современные краеведы и журналисты называют этот день «башкирским кровавым воскресеньем»³⁴. «Семье его было объявлено, что он приговорён к “десяти годам без права переписки”»³⁵. Предыдущего жильца «злополучной» квартиры расстреляли на следующий день.

Однако в полученном в 1956 год Назировым свидетельстве «о смерти на отца» значилось, что он «умер 29 октября 1941 года». Таким образом, Назиров имел ошибочное представление о дате смерти Гаффана Шамгуновича и считал, что тот «прожил <...> 42 года». Официально не были прояснены и обстоятельства смерти: «Графы “причина смерти” и “место смерти” не заполнены» (56-58, 1, 844-845). Официальная дата реабилитации Назирова-старшего — 8 декабря 1956 года.

3 января 1957 года Эсфирь Исааковне выдали «официальный документ о посмертной реабилитации Гаффана Шамгуновича Назирова. Приговор от 10 июля 1938 года ввиду открытия новых обстоятельств пересмотрен и дело Назирова прекращено за отсутствием состава преступления» Назиров резюмирует это скупым «Хорошо». (56-58, 2, 036).

³⁰ См.: «Проявите гуманность и убейте сразу...» : Письмо М. А. Спиридоновой / публ. В. Виноградова, А. Литвина, В. Сафонова // Источник. — 1998. — № 1, — С. 64-84. С. 77. Книга памяти Башкортостана.

³¹ Д. Г. Назирова пишет, что ее отец был арестован в конце 1937 года.

³² Саламатова Г. Кровавое воскресенье кровавого года // Ватандаш 2013. № 7.

³³ 1956-1958, 2, 087.

³⁴ Воронцова Ю. С. Национальная политика и гуманитарная интеллигенция Башкирской АССР В 30-е годы // Российский электронный научный журнал.

³⁵ НА. 2013. № 1. С. 138.

По всей видимости, оставшись в самых ранних воспоминаниях сына, отец и его образ не оказали значительного влияния на формирование личности Ромэна Гафановича, зато старший Назиров стал для своих детей символической, в каком-то смысле даже «мифологической» фигурой. Память о нем отзывалась в их дальнейшей жизни, тревожа воображение и сознание. Так, в 1962 году после посещения выставки современной живописи Назиров пишет: «Я никогда не забуду, что мой отец в молодости был простым пахарем. Я внук земли, и поэтому Аркадий Пластов мне дорог: в лучших своих вещах он правдив и честен» (1962 л. 11).

Судьбу мужа едва не разделила Эсфирь Исааковна, подобно тому, как в октябре 1937 вслед за мужем была арестована Мукарама Булашева, супруга бывшего председателя республиканского Совнаркома. Назиров пишет об этом так: «22 июля 1938 года арестовали маму»³⁶. Однако Эсфирь Исааковне повезло: «В конце ноября 1938 года рано утром мама вернулась домой»³⁷. Ромэну Гафановичу в этот момент было четыре с половиной года. В его дневниках встречаются воспоминания об этом периоде.

В автобиографии Назиров указывает причиной освобождения матери мартовский пленум 1938 года, увязывая его со смещением Н. И. Ежова с поста наркома НКВД. Ежов лишился своего поста в ноябре 1938 года, что действительно совпадает с датой возвращения Эсфири Исааковны из-под ареста. В истории партии остался февральско-мартовский пленум, но 1937 года, официально запустивший волну «большого террора». В памяти Ромэна Гафановича дата возвращения матери могла сместиться. Может быть, впрочем, ошибка была намеренной: Назиров как бы проверял память своих поздних современников.

После освобождения матери заключения не закончились. Сам Ромэн Гафанович в дневнике за 1964 год вспоминал об этом так: «Когда мама осталась одна, мне было три года и 11 месяцев, а Дине — 1 год и 3 месяца. Пока мама сидела в тюрьме, к нам спешно приехала с Украины бабушка Муся. <...> Мама после тюрьмы долгое время не работала, продавала вещи. Её не брали на работу, с ней боялись здороваться. Она поступила на работу в радиокомитет. Лишь когда началась война, её снова приняли в “Красную Башкирию”: журналисты пошли на фронт. Мама очень много работала»³⁸.

Ромэну Гафановичу вторит в своих мемуарах его сестра: «Мама решила уехать в Харьков, где в это время жили её сестра и брат. Брат мамы Александр Волович был корреспондентом газеты “Красная Звезда”»³⁹. Д. Г. Назирова пишет также о «ссылке», к которой была приговорена Эсфирь Исааковна после освобождения, однако в других биографических материалах это не находит подтверждения. Кроме того, в документах, которые Э. И. Волович

³⁶ НА. 2013. № 1. С. 141.

³⁷ НА. 2013. № 1. С. 142.

³⁸ 1964, 0047

³⁹ НА. 2013. № 1. С. 142.

собирала для получения персональной пенсии, указано, что уже в январе 1939 года она была принята на работу в Башрадиокомитет⁴⁰.

Очевидно, впрочем, что память 38-го года осталась в семье навсегда. Показательно, что в своей официальной биографии Эсфирь Исааковна полностью обошла этот эпизод: «С мая 1935 и по сей день работаю в газете “Красная Башкирия” — “Советская Башкирия”»⁴¹.

Это ощущение страха, должно быть, сильно повлияло и на воспитание детей. Ромэн Гафанович, судя по дневникам, был искренне лоялен советской власти и, видимо, испытывал предписанный этикетом эпохи священный трепет перед личностью отца народов: «Но когда великие люди трудятся, мыслят, сражаются или горят в великих бурях жизни, им некогда изощряться в остроумии на лощёной бумаге. Их дневник — скрижали истории.

<...> Маленький, сторбленный Ленин в своём скромном кабинете в Смольном подписывает первые декреты.

И Сталин, непостижимый и простой в одно и то же время, управляет жизнью народов. Им ли писать дневники?»⁴²

Позднее, в конце 1950 — 1960-х, фигура Сталина подверглась в сознании Назирова переосмыслению в рамках общего процесса оттепельной «десталинизации».

3. **Война и школа.** Великая отечественная война также должна была сильно повлиять на становление и развитие характера Назирова⁴³. Не совсем понятно, где начало войны застало семью. По воспоминания Д. Г. Назировой Эсфирь Исааковна с детьми в ноябре 1940 года уехала с детьми в Харьков, «где в это время жили ее сестра и брат <...>. Вскоре началась война. Уезжать нужно было немедленно, начиналась паника. Так мы вернулись в Уфу <...> жили мы на улице Аксакова в частном доме, где нам выделили комнату как эвакуированным <...> В 1943 году мы переехали в 12-метровую комнату в 2-х этажном бараке на улице Зенцова 14, корпус 2 квартира 3, здесь нас было 6 человек: мама, её сестра Мария (тётя Мэра), бабушка (мать пропавшего без вести мужа тёти Мэры), Рома, двоюродный брат Витя и Дина»⁴⁴. Однако в документах Эсфири Исааковны в ГАРФ этот эпизод никак не отражен, напротив, по данным личного листка члена КПСС, Э. И. Волович имеет после освобождения непрерывный трудовой стаж с января 1939 года, а в начале 1941 вернулась в редакцию газеты «Красная Башкирия».

В 1941 году Назирову было уже семь лет. По воспоминаниям сестры (1936 г.р.) он читал с четырех лет⁴⁵. Дневниковых или эпистолярных источников, из которых можно было бы почерпнуть информацию о том, как Назиров эмоционально пережил войну, нет. На военное

⁴⁰ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 4.

⁴¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 487. Л. 5.

⁴² 1950-1951, 005.

⁴³ В архиве сохранилось несколько дел с вырезками Назирова, посвящёнными Великой отечественной войне: АРГН оп. 1, д. 19, оп. 3, д. 56, 57

⁴⁴ НА. 2013 № 1. С. 142.

⁴⁵ НА. 2013 № 1. С. 142.

время пришлось первые школьные годы Назирова (школа № 18). Бесспорно, оно оставило в его памяти глубокий след. В дневнике 1962 года, рассказывая о запуске в космос второго космонавта, он замечает, что голос Левитана, всю войну озвучивавшего сводки с фронтов, вызывает у него безотчетный страх: «Вчера <...> я услышал тревожащий душу знакомый голос Юрия Левитана» (оп. 4, д. 5, л. 9).

Имеющиеся в нашем распоряжении ученические тетради Назирова (8 «В» класс) демонстрируют вполне здоровое школьное прочтение литературных произведений, с необходимым в то время идеологическим минимумом: «Рылеев — поэт-патриот, поэт-гражданин. Для него жить — это значит бороться; писать стихотворение — значит призывать к борьбе <...> В своем творчестве Рылеев выражал гражданские чувства декабристов» (АРГН, оп. 3, д. 37, л. 199)

По первым страницам дневника, относящимся к старшей школе действительно виден юноша, вкус которого представлял смесь влияния советской идеологической системы и результатов интенсивного самостоятельного освоения мирового культурного наследия. Так, на вершину литературной иерархии он ожидаемо ставит советского классика Горького, но одновременно с этим читает Бальзака, Стендаля, Верхарна и многих других русских и зарубежных классиков, старательно фиксируя в дневниках юношеские литературные впечатления и пристрастия: «Сегодня я дочёл “Красное и чёрное”, Стендаля. Недаром Стендаля так любил мой Бальзак.

“Мой”! Мой Бальзак! Пусть возмущаются, но я ставлю его на 2-е место после Горького. Меня не переубедить»⁴⁶.

Однако было бы ошибкой считать, что он ориентировался исключительно на классику. Наоборот, в этот период его интересы чрезвычайно широки: «За последнее время я перечитывал Гоголя, прочел “Остров пингвинов”, раскопал один старый сборник былин, прочел “Страдания молодого Вертера” (замечательная книга, я почувствовал дух эпохи), перечитал “Фауста”, прочел у Нарика мимоходом “На всякого мудреца довольно простоты”, сейчас читаю новую “Молодую гвардию”. Молодчина Фадеев! Не считая Шолохова, лучший наш писатель. Есть страницы совершенной красоты! Тянет перечитать “Пармскую обитель”. Что-то во мне зреет (так сказать, творческая беременность, по И. Эренбургу)».

Назирова читал очень активно. В 11 классе он знакомится с опубликованным в «Новом мире» за 1946 г. и анализирует прочитанное (оп. 4, д. 1, л. 191). Новые тексты не просто встраивались в представления о мировой культуре, они подвергались независимому осмыслению и порой резкой эстетической оценке: «Я сейчас читаю “Гений” Драйзера. Вообще Драйзер не слишком мне нравится. Слоновья стиль, мерная поступь бога американской реалистической литературы. Его “Трагедия” — великая трагедия, но нельзя же

⁴⁶ 1950-1951, 006

так растягивать трагедию! Ведь это пытка: мрачный американский пессимизм, философия унылая и неутешительная».

Многое из зарубежной литературы Назиров осваивает в оригинале: в конце школы на французском и немецком. Так, 17 июля 1950 года он записывает: «Мои успехи во французском языке хороши. Занимаюсь им 7 месяцев и уже свободно перевожу с французского. Я перевел на русский язык целый рассказ Бальзак “El Verdugo”, из ранних романтических рассказов его, сейчас перевожу “La Berezina”». В дальнейшем он также занимался переводами. В дневниках постоянно встречаются самостоятельно переведённые тексты из польской и английской прессы. Известны его опыты переложения поэзии французских сюрреалистов⁴⁷. В устной беседе Назиров уже в 2000-х годах сообщил одному из авторов этих строк: «Знаете, почему культура XIX века в России была великой, а в XX веке такой ничтожной? Потому что в XIX веке много переводили, а в XX веке бросили это делать». Начало этой переводческой деятельности было положено еще в старшей школе. Тогда же началась его «галломания», интерес и внимание к французской культуре, сопровождавшие его до конца жизни⁴⁸. Его первый «научный» замысел — многотомная история французской революции. Ради чтения источников он и принялся за самостоятельное изучение французского: «Я специализируюсь на Французской революции, как Тарле — на Наполеоне и Лозинский — на итальянском Возрождении. <...> Специально для этого взялся за изучение французского языка. Parlez vous français? Je ne parle pas; да, пока ещё не парлю` по-французски, но мне лишь бы переводить отрывки из исторических книг»⁴⁹. Судя по этому отрывку французский (как позднее немецкий и итальянский) был изучен им самостоятельно.

Но желание быть историком конкурирует с жизненными планами, предполагавшими карьеру писателя. Даже свой дневник он изначально рассматривает как творческую лабораторию, записывая на первых его страницах: «Если не умру, я опубликую многотомный дневник в 2000-м году. Это будет “Исповедь” человека двадцатого века. А сколько повестей, рассказов и романов (sic!) можно наделать из этого» (оп. 4, д. 1, л. 2). В 1956 году Назиров подводит промежуточный итог своей жизни, отмечая, что писать начал с 10 лет (1944 год)⁵⁰.

В то же время Назирову был свойствен интерес к самым разнообразным явлениям культуры (от классических произведений искусства до выразительных бытовых мелочей).

⁴⁷ Назиров Р.Г. <Переводы из сюрреалистов> // НА. 2014, № 1. С. 68—72.

⁴⁸ Так, в личных разговорах он подчеркивал особое значение французской культуры в России, обнаруживал знакомство с французскими писателями второго и третьего ряда. В его архиве есть два страноведческих дела (АРГН оп. 1. д. 91, 92), посвященных Франции. Наконец, своим ученикам он давал темы, связанные с русско-французскими культурными взаимодействиями, среди которых самой заметной стала тема кандидатской диссертации для аспиранта М. С. Рыбиной о стихотворениях в прозе А. Бертрана и И. С. Тургенева. А. А. Илюшин подчёркивает, что Назирова называли «галломаном».

⁴⁹ 1950-1951, 008.

⁵⁰ 1956 1 832

Этот вездливое внимание одновременно к большому и малому в истории — одна из констант его творческого мышления, очевидное даже по структуре его архива⁵¹.

Так, в одной из первых дневниковых тетрадей зафиксированы устные воспоминания знакомой старухи о Шаляпине. Примечательно, что сразу вслед за тем он "наводит" на разговор о Шаляпине еще одного своего знакомого, а сразу после этих воспоминаний он помещает своего рода словарную справку о певце⁵². Подобный способ обращения с материалом был свойствен ему и позднее. Уже на первых страницах дневника школьник Назиров демонстрирует «энциклопедический» подход к историческому факту. Ему важен контекст, важны системные связи фактов, хотя, конечно, трактуется и то, и другое исключительно в естественной для того времени идеологической парадигме.

Судя по дневникам, Назирову свойствен крайний моральный максимализм (прежде всего, выражающийся в требовательности к женскому поведению), интерес к исторически и географически далеким фактам и текстам, стремление к творческой самореализации. Этот комплекс четко соотносится с романтическим культурным кодом. Вряд ли правильно искать конкретного героя, которому мог бы подражать Назиров, но круг типологически близких персонажей очертить возможно: это ряд гофмановских героев (студент Ансельм, Иоганнес Крейслер), социокультурные типы пушкинского Ленского, декабристов и воспитанников Царскосельского Лицея. Неосознанная саморомантизация должна была выделять его из среды сверстников, по крайней мере, в его собственных глазах.

Этот поведенческий комплекс дополнялся естественной для поколения Назирова идеей социального служения, требованием полезности гражданина своей стране, что подтачивалось подчеркнутой культуроцентричностью мировоззрения и физическим недостатками (сутулость, слабое зрение), болезненно переживаемыми на фоне советской пропаганды физического здоровья и готовности защитить Родину.

Идея общественного служения уже в юности Назирова подверглась серьезным испытаниям. Первый удар по ней нанесла неудачная попытка поступить в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена⁵³.

4. **«Ленинградская тетрадь».** После окончания школы в 1952 году Назиров едет Ленинград, чтобы стать историком. К поступлению он готовился заранее: заканчивая 8-й класс, Назиров с уверенностью пишет: «когда я буду учиться в Ленинграде». О событиях того лета рассказывает специально посвящённая этому дневниковая тетрадь. «Ленинградская тетрадь» стоит несколько особняком в ряду остальных частей дневника. Она оставляет

⁵¹ О равноправном сосуществовании в назировском архивном наследии масштабных историко-культурных обобщений и мнемонических записей о мельчайших бытовых деталях далеких эпох см. нашу статью: Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система // НА. 2014. № 1.

⁵² 1950-1951, 013-016.

⁵³ Дневник, описывающий эти события, частично опубликован в журнале «Нева», 2014, № 6. С. 168—188.

впечатление художественной обработки, композиционной цельности и отчётливых литературных ассоциаций. Так, М. С. Рыбина, не давая этому специального аналитического обоснования, проводит параллель с романом карьеры. Возможны и другие историко-литературные ассоциации. Не будет фантастическим, на наш взгляд, предположить, что «Ленинградская тетрадь» в какой-то степени представляет собой результат литературной обработки Назировым реальных событий своей биографии. В истории культуры известны подобные явления. Так, Франц Кафка, которого Назиров впоследствии весьма ценил, относился к своим дневникам как к конструируемому по литературным законам тексту, а не как к максимально правдивой исповеди. Цитаты из дневников Кафки встречаются в последней монографии Назирова «Становление мифов».

Тем не менее, благодаря ленинградскому дневнику мы знаем о последовательности событий. Назиров подаёт документы для поступления именно в ЛГПИ им А. И. Герцена, потому что в советские времена существовал негласный лимит на приём в ЛГУ им. А. А. Жданова лиц еврейского происхождения⁵⁴. По всей видимости, в семье Назировых знали об этом правиле, что следует из слов Д. Г. Назировой: «Поступать на исторический факультет в университет было бесполезно»⁵⁵. Сдав все вступительные экзамены на «отлично», Назиров, тем не менее, не был зачислен ни в один институт. В ЛГПИ его не приняли под формальным предлогом (не сданный после ответа экзаменационный билет, который абитуриент взял себе в качестве сувенира), а в ЛПИ им М. Н. Покровского откровенно сообщили об истинной причине отказа: «Сегодня был у декана. “Не помните ли, по какой статье?” Глупая! Как я могу помнить! <...> 28 авг. В Покровский не зачислен. Подлое, грязное дело! Из-за отца». Последнее средство, которое мог вообразить себе лояльный советский юноша, не возымело действия: «В ответ на его письмо Сталину пришел иронично-издевательский ответ из Министерства образования: а зачем вам учиться в Москве или Ленинграде, зачем вам быть историком, есть и другие вузы и другие специальности у вас там, в Уфе».

В «сюжете» «Ленинградской тетради» есть тёмные места. Так, из неё не совсем понятен расчёт Назирова, прямо указавшего в анкете судьбу отца⁵⁶. Трудно представить, чем было обусловлено столь легкомысленное отношение к информации о репрессированном родственнике и самого Р. Г. Назирова, и Эсфири Исааковны, сопровождавшей сына в Ленинград.

⁵⁴ «„Выталкивание” евреев из престижных и особо важных для правящей группы сфер производства, управления, культурной и идеологической деятельности, ограничение или полное закрытие доступа в ряд вузов приняло невиданный размах в 1948–53 гг.» КЕЭ, том 6, кол. 851–859.

⁵⁵ НА. 2013. № 1. С. 142.

⁵⁶ Об анкете говорится в воспоминаниях Д. Г. Назировой и в набросках замысла романа, трактующего этот эпизод.

Эта неудача фактически определила дальнейшую жизнь Назирова. В результате он в 1953 году поступает на историко-филологический факультет БГПИ им К. А. Тимирязева. Это событие нашло свое отражение и в его литературном творчестве: в задуманном им в 1957 году романе аналогичное фиаско молодого героя является отправной точкой сюжета⁵⁷.

Очевидно также, что столь серьезный «провал» должен был оказать влияние на характер молодого Назирова. Развивая описанную выше аналогию с романтическим героем, мы можем добавить, что сформированный образ обогащается мотивом разочарования в окружающем мире, также укладываемым в исходный код.

Видимо, с этого момента начинается долгий процесс переосмысления советской действительности и своего места в ней, приведший Назирова от наивного сталинизма к трезвой критике советского строя и к исключению себя из господствующей идеологической парадигмы. Перемены не произошли мгновенно. Ещё 4 марта 1953 года Назиров пишет в дневнике: «2-го, ночью, у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Тяжёлое состояние. Что будет? Только бы жил» (302).

Нужно заметить, что это типичный путь развития мыслящего представителя этого поколения. Ср. последнюю строфу самого раннего из известных нам стихотворений В. С. Высоцкого (1938 г.р.), посвященного смерти Сталина:

Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землёй,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.

Контрапунктом к этому «одическому» восклицанию может служить позднее стихотворение «Я никогда не верил в миражи...» (1979):

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана, —
Учителей сожрало море лжи —
И выплюнуло возле Магадана
<...>
И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

5. **Учёба в институте.** 24 июня 1953 года Назиров подал документы в Башкирский государственный педагогический институт им. К. А. Тимирязева. Примечательно, что в этот момент он настолько поглощен идеей писательства, что даже в дневнике называет свой будущий историко-филологический факультет «литфаком» (запись от 25 июня 1953 года);

⁵⁷ НА. 2014 № 2.

новогодняя запись в дневнике за полгода до этого посвящена отнюдь не перспективам учёбы, а именно публикационным мечтам: «Ох, когда исполнятся мои мечты? Будет ли что-нибудь моё напечатано в этом 1953 году?»⁵⁸). Год, прошедший между поступлениями, был употреблён Назировым на пополнение своего культурного багажа. В 1952 — 1953 годах его дневник наполнен литературными ассоциациями и рассуждениями на литературные темы, в которых упоминаются Бальзак, Марк Твен, аббат Прево, Вольтер, Анатоль Франс, Жан Жак Руссо, Пиксерекур (у Назирова — Пиксерикур), Байрон, Леопарди, Гюго, Гофман, Лев Толстой, Алексей Толстой, Драйзер, Пушкин, Гомер, «Давид Сасунский», Шекспир, Сервантес, Майн-Рид, Степняк-Кравчинский, Верхарн, Конан-Дойль, Золя, Чехов, Мамин-Сибиряк, Шкловский, Флобер, Достоевский, Тургенев, Рабле, Диккенс, Грин, Мильтон, Верлен.

Типичные записи этого времени: «Много читаю.

Кончаю “Education sentimentale” на французском языке. Прочёл первую треть Лесажевского “Жиль Бласа”. Прочёл книжечку стихов Брюсова, “Избранное” Есенина и вот читаю Эмиля Верхарна; в Ленинграде читывал Гейне и Блока» (запись от 6 ноября 1952); «...вот сегодня я дочитал “Манон Леско”» (запись от 25 декабря 1952); «Читаю Достоевского, “Пр. и нак.”» (запись от 13 февраля 1953); «Ещё прежде прочёл я “Бедные люди” <...> На-днях же я прочёл “Дым” Тургенева» (запись от 16 февраля 1953); «За два дня я в каком-то исступлении прочёл “Братья Карамазовы” и “Большие надежды”» (14 апреля 1953); «Перечитал “Бегущую по волнам” Грина» (20 апреля 1953) «Прочёл недавно “Творчество” Золя <...> Дочитываю “Потерянный и возвращённый рай” Джона Мильтона, прозаический перевод П. Каншина» (26 апреля 1953); «Читаю в подлиннике Верлена» (13 мая 1953)⁵⁹.

Очевидно, ещё до поступления в институт Назиров формирует самостоятельные представления о литературе: «Достоинства прозы заключаются в простоте и лаконизме. Поэты испортили прозу.

Писать просто умел Лев Толстой; он только слишком вдавался в подробности» (запись от 25 декабря 1952)⁶⁰.

Учеба в БГПИИ занимает мало места в его дневниковых записях. Есть основания полагать, что Назиров не посвящал ей все свои силы. Его читательский опыт к тому времени мог соперничать с программой любого филологического факультета. Привычка к рефлексии, внимание к историческому контексту, стремление к обобщениям давала ему очевидные преимущества перед сокурсниками. Однако учебные достижения не впечатляли. Так, фиксируя результат одной из сессий 10 февраля 1956 он делает запись: «Сессия кончена. Я получил две пятёрки и тройку»⁶¹. (1956-1958, 1, 731)

⁵⁸ АРГН. Оп. 4, д. 2, л. 291.

⁵⁹ АРГН. Оп. 4, д. 2, лл. 287, 288, 300, 301, 305, 307, 319.

⁶⁰ АРГН. Оп. 4, д. 2, л. 290.

⁶¹ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 731.

Факультет БГПИ, на котором учился Назиров, в то время не был отчаянно плох. С 1951 года там работает незаурядный советский филолог Л. Г. Бараг (1911—1994), в первую очередь известный как фольклорист, автор приобретшей мировую известность в науке монографии «Belorussische Volksmärchen» («Белорусские сказки»), один из составителей фундаментального «Сравнительного указателя сюжетов», редактор трехтомного собрания сказок А. Н. Афанасьева⁶², посвятивший также ряд работ и творчеству Д. И. Фонвизина⁶³. Заведующим кафедрой русской литературы в пору учебы Назирова был В. Г. Прокшин, известный в советское время специалист по творчеству Н. А. Некрасова⁶⁴. В это же время на факультете работал в будущем заметный лингвист И. П. Распопов (1925 — 1982).

Сам Назиров критически оценивал продуманность учебного процесса: «Программа у нас перегружена <...> Программа заставляет разбрасывать силы на всякую ерунду» (16 января 1956)⁶⁵. Эти слова, конечно, могут относиться не только к собственно филологическим предметам, но и к обязательным в советское время дисциплинам идеологического блока. С другой стороны, и историко-литературные курсы в это время, разумеется, укладывались в парадигму господствующей идеологии. Сохранившиеся в архиве Назирова конспекты лекций В. Г. Прокшина наглядно демонстрируют характер филологического образования того времени: ««Пролетарская культура — на базе критически переработанного культурного наследия прошлого <...> Борьба с защитниками реакционных, антинародных направлений в искусстве. Например, критич. реализм развивался в борьбе с реакционными романтиками и позже — с натурализмом <...> Два направления: прогрессивное, реалистическое, народное и враждебное ему охранительное направление, служившее интересам самодержавия. Развитие русской литературы шло в непрерывной борьбе»⁶⁶.

Запись об окончании института 29 июня 1957 г. хотя и свидетельствует о естественной усталости, сопровождавшей подготовку к экзаменам, но все же демонстрирует и психологическую будничность самого события: «Сегодня я сдал последний госэкзамен — педагогику. Три “отлично” и одна “хорошо” (по русскому языку). Но это неважно. Главное, я окончил институт. Это крупное событие проходит незаметно»⁶⁷.

⁶² См. Список основных работ доктора исторических наук Льва Григорьевича Барага (к 75-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1987. № 2.

⁶³ Бараг Л. Г. Комедия Фонвизина «Недоросль» и русская литература конца XVIII века // Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.—Л., 1940. С. 68—120; Бараг Л. Г. О реалистических тенденциях комедии «Бригадир» // XVIII. Т. 7. М.—Л., 1966. С. 150—156.

⁶⁴ Прокшин В. Г. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Уч. пособие. М.: Высшая школа, 1986; Прокшин В. Г. «Где ж ты, тайна довольства народного?..». М.: Наука, 1990.

⁶⁵ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 723.

⁶⁶ АРГН, оп. 3, д. 37, л. 180-181.

⁶⁷ АРГН оп. 4, д. 3б, л. 115.

Впечатления Назирова от учебы в БГПИ и студенческой жизни отразились в «Институтских рассказах»⁶⁸, свидетельствующих о его участии в общественной активности факультета и вполне типичном для своего поколения оттепельном мироощущении.

Еще до XX съезда партии Назиров иронически относился к фигуре «отца народов». Фиксируя в дневнике за 1956 год споры с «другом-сталинистом», он пишет следующее: «Он оплакивает конец сильной великодержавной дипломатии и вообще поклоняется суровому покойнику. Тому с усами <...> Я обзываю его “бонапартистом”, а он меня “хрущёвцем”»⁶⁹. В связи с известным пленумом, разоблачившим «антипартийную группу» Маленкова и Молотова, Назиров пишет: «Умом я понимаю, что Молотов неправ, что он консерватор, что он молится тени Иосифа. Но я не могу уважать Хрущёва больше Молотова»⁷⁰.

Нужно констатировать, что оттепель середины 1950-х стала для Назирова уникальным временем полного совпадения личного и общественного дискурса, временем психологического комфорта и единства с эпохой. К этому же времени относится долго вспоминавшийся анекдотический случай 1955 года, когда Назиров, ехавший в Москву в компании А. П. Филиппова, отстал от поезда в Рязани.

6. **Бишкаин.** Еще в студенчестве Назиров начал печататься в газетах⁷¹. По окончании университета он рассчитывал продолжить журналистскую карьеру, в чём можно усмотреть также влияние матери. Э. П. Фенина пишет: «его мама, работавшая в те годы в газ. “Советская Башкирия” в секретариате редакции, очевидно, очень хотела, чтобы сын писал как журналист»⁷². Однако советская система распределения выпускников сработала вопреки его планам. Назиров в августе 1957 года был направлен на работу в качестве школьного учителя в с. Бишкаин Аургазинского района БАССР. Предпринимавшиеся им попытки повлиять на это решение не дали результатов.

Настроившийся на журналистскую карьеру Назиров относительно легко воспринял произошедшее: эпоха стала динамичнее и положение сельского учителя уже не воспринималось как фатальное для интеллектуальной и профессиональной самореализации. При этом село Бишкаин находится не так далеко от Уфы, и у Назирова оставалась возможность регулярно приезжать домой. К этому времени относятся первые газетные публикации художественных произведений. На новый уровень выходят и писательские амбиции, отражающиеся в замысле большого романа о современниках.

⁶⁸ Назиров Р. Г. Институтские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 11. С. 9—27.

⁶⁹ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 808, 809.

⁷⁰ АРГН. Оп. 4, д. 3б, л. 123.

⁷¹ Первая известная нам газетная рецензия на спектакль выходит в «Ленинце» 27 декабря 1955 г., см. републикацию: Спектакль о ленинской мечте // Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа, 2011. С. 5—6.

⁷² Фенина Э. <Реальный комментарий к рассказу Р. Г. Назирова «После выставки»> // Назировский архив. 2013. № 1. С. 114.

Лейтмотив дневниковых записей этого времени — одиночество реальное и психологическое. Большинство его школьных друзей уже обзавелись семьями, а сельская жизнь не удовлетворяла интеллектуальным потребностям. При этом, судя по дневнику, Назиров относительно неплохо социализован: он обладает широким кругом общения и легко заводит новые знакомства, которые однако остаются поверхностными.

Отмечаемый ещё в школе идеализм Назирова продолжает сопутствовать ему и в бишкаинский период. При этом его идеализм и «пуританизм» литературоцентричен. Рассуждая об аморальности своего поколения (поводом послужил случай поножовщины в Уфе), он пишет: «напрашивается мысль, что это — мировое поветрие. Дети войны, поколение без отцов и без идеалов. <...> Чувства человечности, гуманизма совершенно чужды молодёжи. Во всяком случае многим её представителям. А вот культ силы невероятно разросся.

Сейчас для юнцов *Ремарк значит больше, чем Николай Островский*. Разве это нормально?»⁷³ Николай Островский как моральный идеал при взгляде из нашего времени представляется несколько несообразным. Назиров в это время демонстрирует экзотическое на современный вкус сочетание качеств: он знает несколько языков, литературную классику и при этом обладает совершенно «кондово» советскими представлениями о культуре.

3 апреля 1958 года в Уфе открывается второй пленум оргкомитета союза писателей РСФСР. Это время весенних каникул в школе, постоянного присутствия в Бишкеине не требуется, и Назиров, для которого приезд больших писателей — значительное событие, ходит на заседания пленума, пытается знакомиться с писателями, среди которых Сергей Михалков, Ярослав Смеляков, Валентин Катаев. Последнему Назиров вручил рукопись своего произведения: «...я с замиранием сердца подошёл к Валентину Катаеву. Он стоял одиноко, погружённый в свои мысли, весь ушедший в себя, очень усталый, очень печальный. Рослый, с несколько обрюзгшим лицом, с орлиным носом и маленькими тёмно-кариими глазами. Он выслушал с мрачной деловитостью моё вступление, коротко отмёл всё лишнее, взял рассказ (“Перемены в Красногоре”), велел написать адрес — я подписал уфимский мой адрес на последней странице. Он сказал, что пришлёт ответ из Москвы. Всё. Я ушёл, сохранив навсегда мгновенно вспыхнувшее чувство уважения, которое вызвал во мне этот усталый, в морщинках, тёмно-карий взгляд. Он не был со мной любезен, но что мне до его любезности, наплевать! Какая мощная трагическая фигура, какое умное человеческое лицо! Я сразу узнал его, мне никто не указывал. Валентин Петрович Катаев, большой утасяющий писатель, живой обломок двадцатых годов! Где, когда упустил он свой шанс на бессмертие?» (запись от 5 апреля 1958)⁷⁴. Эта история не имела продолжения. Несмотря на ожидание, ответ из Москвы так и не поступил: «Рассказ “Перемены в Красногоре” Валентин Катаев, по всей видимости, потерял. Я на этой неделе послал ему напоминание. Не знаю, получу ли я что-нибудь от

⁷³ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 0046.

⁷⁴ АРГН. Оп. 4, д. 36, л. 421.

Катаева. Ведь вот послал же я зимой Михаилу Светлову 3—4 своих стихотворения, даже, кажется, в конце 1957 года, а ответа нет как нет. Москва не может думать о нас, провинциалах» (16 мая 1958)⁷⁵. Позднее «Перемены в Красногоре» были напечатаны в 12-м выпуске альманаха «Литературная Башкирия» за 1959 год, есть сведения и о публикации этого рассказа по-башкирски⁷⁶.

Кроме В. Катаева Назиров общался с поэтами Лукониным и Смеляковым: «Вечером 3-го апреля я разговаривал в “кулуарах”, т. е. за столиком в фойе, с поэтом Ярославом Смеляковым <...> Я сказал, что я сельский учитель, что мне скоро уезжать, и я не смогу прийти на встречу Смелякова и Луконина с молодыми. Он ответил: “Приходите в гостиницу “Башкирия”, одиннадцатый номер”.

4-го утром я застал их уже в пальто. Мои четыре стихотворения они прочли в автомобиле, а потом пять минут дружно ругали меня в вестибюле Совета Министров. И всё же у меня осталось впечатление, что они славные ребята. Быстро, точно и образно они показали мне мою собственную сущность, и по временам я хохотал вместе с ними над их остротами. <...> Они говорили в общем, что у меня есть способности, но я не сумел их применить. Дополняя сравнения друг друга, они говорили: “Есть перо в руках, но нечего писать. Понимаете, паровоза нет. Есть дым и есть подножки, а паровоза ещё нет”. <...> И в заключение Луконин первый сказал: “Но писать вам нужно”. Смеляков подтвердил: “Да, пишите”. И хотя они меня изругали, я почувствовал бодрость»⁷⁷.

В то же время Назиров пытается сформировать своё если не писательское кредо, то эстетическую программу, также соотносящуюся с идеалами эпохи: «...надо приложить ухо к земной груди и слушать, как бьётся сердце человечества. Писать лишь о том, что волнует сотню миллионов человек, не меньше. Писать для сотни миллионов человек, не меньше. С яростным упорством изучать жизнь во всех её проявлениях. Изучение искусства — полезная школа, но основа основ — знание жизни»⁷⁸ (оп. 4, д. 36, л. 402)

7. **Газета.** Впервые в «Ленинце», газете башкирского отделения ВЛКСМ, Назиров появился еще до окончания учебы. 6 июля 1956 года он устроился туда на временную (на период каникул) работу⁷⁹. Уволился в августе: «В газете “Ленинец” я больше не работаю. Скоро сентябрь, опять в колхоз, на работу»⁸⁰. Но после года, проведённого в бишкаинской школе, в августе 1958 года Назиров возвращается в Уфу и устраивается в «Ленинец» уже на постоянной основе в должности заведующего отделом литературы и искусства⁸¹. В воспоминаниях уфимского журналиста Юрия Шуганова, начинавшего тогда свою карьеру,

⁷⁵ АРГН. Оп. 4, д. 36, л. 512-513.

⁷⁶ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 727.

⁷⁷ АРГН. Оп. 4, д. 36, л. 423-424.

⁷⁸ АРГН. Оп. 4, д. 36, л. 402.

⁷⁹ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 825.

⁸⁰ АРГН. Оп. 4, д. 3а, л. 861.

⁸¹ НА. 2014. № 1. С. 120.

Назирова изображён центром литературной жизни, деятельным авторитетом и организатором: «Вокруг Назирова, который считался корифеем в поэзии, литературе, искусстве, крутилось множество талантов <...> В редакции газеты Ленинец, в ее коридорах вечно толпился молодой народ. За консультацией к Ромэну Гафановичу приходили молодые поэты и прозаики...»⁸². Надо сказать, что такая жизненная позиция не была свойственна Назирову в поздние годы, когда он предпочитал совершенно иную линию поведения, фактически исключая себя из общественной жизни.

В то же время отношения Назирова с начальством, по всей видимости, не были безоблачными: «Особенно не сложились отношения у Назирова с заместителем редактора Давидом Гальпериним и ответственным секретарем, и поэтом Марселем Гафуровым»⁸³. Назиров пишет об этом так: «я дал, наконец, выход своему раздражению против всевластия Д. С. Гальперина, человека активного, энергичного, ловкого, но очень ограниченного и упрямого» (29 мая 1960⁸⁴). «Очевидно, скоро я уйду из “Ленинца”. Давид Самойлович Гальперин проявляет всю свою подлость приспособленца» (3 января 1961⁸⁵). Неприятие было стойким и для эмоционального Назирова значило много. Ю. Шуганов вспоминает о событиях 1966 года: «Кстати, руководителем моего диплома считался Давид Самойлович Гальперин, а рецензентом — Роман Гафанович Назиров. Правда, когда Роман узнал, кто у меня руководитель, то наотрез отказался быть рецензентом. Пришлось долго его уговаривать. Уговорил»⁸⁶.

Подобные характеристики Назиров выдает и другим сослуживцам: «Работаю. Трудно. Редактор Рамиль Дашкин — грубый, некультурный человек, крикун, глупый хитрец. Рамиль Хакимов, благодаря которому я попал в “Ленинец”, постепенно подлеет. Много нервов уходит на редакторат» (запись от 12 декабря 1958⁸⁷). По всей видимости, Назиров получает довольно много нареканий по профессиональной линии: «На другой день после возвращения редактор вызвал меня. Привычным жестом я одёрнул пиджак, приводя себя в готовность номер один. Однако канонады не последовало»⁸⁸. Позднее характеристики становятся ещё более хлесткими: «Мне надоел этот отвратительный коллектив, где хороших людей в основном преследуют, где верховодит триумвират: ограниченный Гафуров, беспринципный Дашкин и виртуозный каузист Гальперин» (20 ноября 1970)⁸⁹.

Писательство Назиров по-прежнему мыслит главным делом своей жизни, которым он предпочитает мерить и свой быт, и свое психологическое состояние. Так, говоря в дневнике о своем талантливом друге-поэте, он замечает: «...может быть, колотушки судьбы как раз и

⁸² Шуганов Ю. М. Две исповеди. Уфа, 2013. С. 6—7.

⁸³ Там же.

⁸⁴ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 812.

⁸⁵ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 890.

⁸⁶ Там же. С. 16.

⁸⁷ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 646.

⁸⁸ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 706.

⁸⁹ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 857.

спасают его от гниения и застоя, в котором очутился я? Мне ведь просто не о чем писать: всё посредственно-благополучно, ни любви, ни радости, ни горя. Ни больших врагов, ни настоящих друзей. Надо бы далеко уехать или бросить писать года на два»⁹⁰. Работа поглощает все время Назирова, но не забывает он и про «...ненапечатанные рассказы, которые занимают лучшие часы мои досуга»⁹¹. Назначенный ответственным секретарём редакции «Ленинца» в феврале 1959 года, он беспокоится, что времени на творчество совсем не останется: «Однако писательство моё отдаляется за недостатком времени. Я мог писать, будучи учителем, но как писать на посту ответсекретаря (по идее самый занятой человек в газете)?»⁹². И позднее: «Ничего не пишу. Надо будет через годик уйти из газеты» (1 июня 1959)⁹³. При этом литературоведение как наука и институция в дневнике (и, скорее всего, в жизни) Назирова не присутствует вовсе — ни в это время, ни раньше. Все размышления на литературные темы, которые можно встретить в этот период, так или иначе касаются собственных поисков стиля и формы, рассмотрение своего прозаического (реже — поэтического) творчества на фоне классики: «В юности моими любимцами были Бальзак и Рубенс. Потом Уолт Уитмен и Роден. Далее Шарль Бодлер и Гойя (чёрный период). Теперь — Достоевский, Хемингуэй, Пикассо.

И всё же по стилю я ученик Бальзака. Ну, достоевщина примешалась» (11 апреля 1960)⁹⁴.

Газетная работа соответствовала жизненным запросам Назирова лишь частично: «Я работаю, дело идёт не очень хорошо. Требуют проблемных статей, очерков, критических материалов, а я не люблю их писать» (7 января 1959)⁹⁵. Известно, что из всего спектра газетных жанров наибольший интерес Назирова вызывают очерки о литературе и искусстве. В то же время на страницах дневника можно встретить лиричные признания в любви строкомеру и другим производственным инструментам газетчика. И всё же под конец журналистской карьеры интерес к этому виду деятельности у Назирова спадает: «Газета уже перестала меня тянуть» (запись от 5 июля 1962)⁹⁶.

Гораздо меньше места Назиров теперь посвящает в дневнике своим читательским впечатлениям, и это сознательная установка автора. Вот одно из редких суждений по литературному поводу: «Прочёл роман Гонкура “Актриса”. Прекрасно, но как это устарело! Рядом с Хемингуэем это выглядит другим миром, другой исторической эпохой. Впрочем, так оно и есть»⁹⁷.

Высокие стандарты нравственности не покинули Назирова вместе с юношеским максимализмом: «Как должно быть им легко и забавно жить без всяких остатков морали! Это

⁹⁰ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 642.

⁹¹ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 645.

⁹² АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 707.

⁹³ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 710.

⁹⁴ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 808.

⁹⁵ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 650.

⁹⁶ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 82.

⁹⁷ АРГН. Оп. 4, д. 4, л. 752.

кипит и резвится нарождающийся новый класс. Пляшут молодые паразиты!» (26 августа 1961)⁹⁸.

8. **Окончание карьеры журналиста.** Однако ни «через годик», ни через два Назиров по собственной воле из газеты не уходит. В дело вмешиваются неподвластные ему силы. В конце 1990-х он напишет об этом так: «Журналистом был около 4-х лет, но после того, как из-за меня редактор газеты получил выговор ЦК ВЛКСМ, я оставил газету по собственному желанию»⁹⁹.

Дневник раскрывает подробности этого поворотного эпизода: «Совершенно дикая неожиданность случилась в моей жизни. Редактора Дашкина вызвали в Москву, в ЦК комсомола. Причиной тревоги оказалась моя статья от 19 августа “Об этом говорит программа”. Я писал её с самыми лучшими чувствами. Правда, кое-какие ошибки в ней проскочили, но самое интересное — как их расценили товарищи из ЦК: вульгаризация марксизма, буржуазный объективизм и т.д. Ну, а в целом: “Удивительно, что эту статью до сих пор не перепечатали на Западе!” А что касается “фантастической новеллы” “Утро в городе Солнца”¹⁰⁰, то Карпинский (“самый умный человек в комсомоле”) сказал, что “не мог читать её без отвращения”. Словом, всю полосу под шапкой “Мечта мобилизует на подвиг и песню”, которую делал я, в ЦК комсомола разгромили вдребезги.

Ещё не знаю, чем это кончится: может быть, меня уволят с работы. <...> А вот выговор по партийной линии мне гарантирован. <...> Опять меня сделали “антисоветским элементом”, а между тем я за Советский Союз, за коммунизм, за Хрущёва. Только я плохо укладываюсь в строгие линии диктатуры: фантазирую, рассуждаю, а рассуждать-то не положено» (19 сентября 1961)¹⁰¹. Примечательна здесь оговорка «опять», видимо, суммирующая многочисленные неприятности, которые Назиров навлекал на себя своими печатными материалами.

Помимо того, что речь идёт о действительно значимом событии, запись демонстрирует важные жизненные установки Назирова. Его восприятие происходящего согласуется с модельными взглядами социалиста-романтика, то есть типичного шестидесятника, вступающего в конфликт с реакционными чиновниками: такая фабульная коллизия проявляет себя едва ли не во всех отечественных фильмах «оттепели», популярна она и в оттепельной литературе. Но концовка приводимой записи демонстрирует неоттепелый пессимизм: «Ладно. Не возражаю. Наказывайте. Рассуждения буду оставлять при себе» (Там же). Не исключено, что в этот момент образцовые социалистические взгляды Назирова уже дали трещину, через некоторое время приведшую к разочарованию в советском проекте.

⁹⁸ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 16.

⁹⁹ НА. 2013. № 1. С. 138.

¹⁰⁰ НА. 2013. № 2. С. 94—96.

¹⁰¹ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 44-45.

Любопытно, что опубликовав утопическую новеллу и оставшись непонятым, Назиров, тем не менее, был в русле тенденций своего времени. Вайль и Генис подмечали, что «обсуждения Программы <КПСС, опубликованной 30 июля 1961 г. — Б. О., С. Ш.> в советской периодике практически не обходилось без этого слова — “утопия”, — хотя оно прежде носило явно негативный оттенок. Теперь слово и само понятие были реабилитированы <...>. Вовсю мелькали имена Томаса Мора и Кампанеллы»¹⁰².

К профессиональным вопросам примешиваются личные отношения: «В четверг на открытом партсобрании разбирали меня за полосу. Ну, что ж, правильно всыпали. Не возражаю. Только грязный человек Гальперин решил свести счёты и внёс в чистую атмосферу коммунистической ругани, товарищеского суда, свою личную злобишку и мелкие выпады <...> Он живёт интересами своего “текущего момента”, а я работаю на коммунизм» (30 сентября 1961)¹⁰³.

8 января 1962 года дневник фиксирует конец этой истории: «Произошли большие изменения. Я уволился из “Ленинца” (Д. С. Гальперин добился своего) и поступил на работу в уфимскую районную газету “Колхозная правда” — ответственным секретарём»¹⁰⁴. Действительно, с декабря 1961-го года Назиров не работает в «Ленинце» и переходит на должность секретаря редакции газеты «Колхозная правда». Учитывая, что с момента публикации злополучной полосы прошло около трёх месяцев, а уволился сотрудник по собственному желанию, есть основания предположить, что неприятности в ЦК ВЛКСМ стали лишь косвенной (или, по меньшей мере, не единственной) причиной ухода Назирова.

Но участь журналистской специальности Назирова уже предreshена: «...в Москве собрался знаменитый пленум ЦК партии. Сельское хозяйство. Было решено создать территориальные производственные колхозно-совхозные управления. В связи с этим районные газеты по всему Союзу преобразованы в межрайонные, при управлениях. Это явилось, по сути дела, гигантским сокращением кадров в низовой прессе. <...> В Уфе была создана новая сельская газета, “К коммунизму” — для девяти прилегающих районов. В ней мне предложили место спецкора. Это означает непрерывные разъезды и командировки»¹⁰⁵ (оп. 4, д. 5, л. 81). Газетная работа в любом её виде всё меньше соответствует жизненным ориентирам Назирова. Впрочем, у него уже сформировались другие планы.

9 апреля 1962 года Назиров познакомился, а 16 мая зарегистрировал брак с Тamarой Николаевной Барышниковой 1941 года рождения. «Привыкаю к супружеской жизни. С женой мы, видимо, будем счастливы» (5 июля 1962)¹⁰⁶.

Зафиксированные в дневнике литературные открытия этого времени: Ю. Тувим и Г. Мелвилл. Одновременно Назиров признается в снижении своей творческой активности как

¹⁰² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2013. С. 23.

¹⁰³ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 51.

¹⁰⁴ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 76.

¹⁰⁵ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 81.

¹⁰⁶ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 82.

поэта: «Удивительно, как быстро меняется моя жизнь. Переход количества в качество. Видимо, поэтому я сейчас совсем не могу писать стихов. Всякая рифма — ложь»¹⁰⁷. Однако создание прозы по-прежнему остаётся для него приоритетным: «Законченная недавно повесть “Записки пессимиста” — нечто вроде сегодняшнего Клим Самгина, только в миниатюре. Её не видел ещё никто!»¹⁰⁸. Позже про эту повесть Назиров скажет: «Я совсем не нахожу жизнь такой страшной, такой чёрной, хотя написал “Записки пессимиста”, где герой проклинает жизнь и боится её. Но мне в этой маленькой повести пришлось здорово натягивать, т.к. я люблю жизнь и в общем считаю её не такой уж глупой» (26 января 1962)¹⁰⁹.

9. **Аспирантура.** Аспирантура на филологическом факультете МГУ с нынешней точки зрения была важнейшей вехой биографии Назирова. Однако для него самого поступление в МГУ первоначально было лишь возможностью «пристроиться», а несколько лет в Москве планировалось посвятить не науке, а литературному творчеству: «Три года аспирантуры могут мне много дать. И главное — три года Москвы. Буду раз в месяц ходить в Музей имени Пушкина. Зайду к Станиславу Рассадину в “Юность”. Буду писать и печататься. Познакомлюсь со всеми молодыми поэтами. Нужно пробиться. Нужно очень здорово работать»¹¹⁰.

В то же время именно период подготовки к аспирантуре (судя по дневнику впервые) дал Назирову почувствовать вкус к литературоведческим занятиям¹¹¹: «Готовлюсь в аспирантуру. Буду работать по Достоевскому. Реферат будет, видимо, называться “К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”»¹¹². «Пишу реферат, а он всё расплывается. Наступила весна, стоят чудесные деньки, девочки — просто прелесть! А я роюсь в книгах, кусаю ручку, размышляю над Достоевским. Хорошее занятия, но отдых нужен. А у меня — работа! Макеты, вёрстка, а вечером приходишь, вернее, приезжаешь с неотмытыми от краски руками, измотанный автобусной давкой, поел — и снова за Фёдора Михайловича»¹¹³.

Выбор Достоевского в качестве основного объекта исследования, таким образом, был сделан до поступления и продолжал субъективный литературный интерес (ср. приведенную

¹⁰⁷ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 150.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 63.

¹¹⁰ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 0076.

¹¹¹ К подготовке Назиров отнёсся более чем серьёзно: «...мне предложили место спецкора. Это означает непрерывные разъезды и командировки. Я решил уйти из газеты, чтобы готовиться к аспирантуре <...> взял академический отпуск. Без содержания. С 1 мая по 31 июля. Три месяца» (АРГН, оп. 4, д. 5, л. 0081).

¹¹² АРГН, оп. 4., д. 5, л. 0076. «Реферат» по роману «Игрок» опубликован в первом номере журнала «Назировский архив» и, несмотря на архаичность методологии и очевидную неполноту научных источников, представляет собой не реферативную, а вполне исследовательскую работу, сохраняющую некоторое значение и по сей день. См.: Назиров Р. Г. К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского «Игрок» // НА. 2013. № 1. С. 8—93.

¹¹³ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 79.

выше запись от 11 апреля 1960 г. о влиянии Достоевского на собственное творчество Назирова).

Рекомендацию в аспирантуру Назирову дали его бывшие преподаватели В. Г. Прокшин (он же дал Назирову рекомендацию как кандидату в члены КПСС в 1958 году) и Л. Г. Бараг. Реферат о Достоевском был «положительно» (положительно-отрицательно) оценён Г. Н. Поспеловым¹¹⁴, чего было достаточно для допуска к экзаменам. «Чувствую себя весьма неуверенно. Ведь это же МГУ! У меня в голове больше фактов по истории литературы, чем теоретических её обобщений. Ненавижу теорию!» (там же). Из трёх экзаменов (по русской литературе, истории КПСС и французскому языку) Назиров в сентябре сдал на «отлично» два, получив «хорошо» по истории партии, и с октября 1962 года был зачислен в аспирантуру. Его научным руководителем был назначен А. Н. Соколов.

Назиров поселяется в общежитии на Ленинских горах, комната 740 сектора «Г» (левая комната), в правой живёт финн Пертти Валтакари, ныне известный финский переводчик с русского и болгарского¹¹⁵.

Следует упомянуть о возможном эпистолярном знакомстве Назирова с Бахтиным. Во всяком случае, Тамара Николаевна Барышникова, вдовы ученого, утверждает, что такая переписка существовала. В архиве ее следы пока не обнаружены, хотя некоторое документальное подтверждение такой возможности имеется¹¹⁶.

Круг его занятий и интересов трансформируется. Он всё больше времени посвящает научной деятельности, рецензируя книгу о Достоевском А. Труайя¹¹⁷, работая над докладом о фрейдизме¹¹⁸. Сопутствующая политическая обстановка (главным образом, внешнеполитическая), всегда занимавшая в дневнике бо́льшую часть места, отходит на второй план. Назиров пишет, главным образом о живописи, об актуальных событиях литературной жизни, хотя собственные писательские амбиции его не оставляют: «В научном зале есть молоденькая библиотекарьша <...> Только что пришло в голову дать сходное лицо героине моей повести» (11 января 1963)¹¹⁹. Что естественно для аспирантских лет, всё больше места в жизни Назирова занимает интеллектуальное развитие, ориентированное на

¹¹⁴ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 146.

¹¹⁵ Воспоминания П. Валтакари о Р. Г. Назирове опубликованы в НА.

¹¹⁶ См. об этом в рецензии С. Ю. Данилина на «Назировский сборник» (Уфа, 2011), помещенную в настоящем номере.

¹¹⁷ Рецензия не обнаружена.

¹¹⁸ Опубликовано в НА. 2014. № 1. С. 9—66. Дневник сообщает подробности: «Вчера на аспирантском семинаре по философии мой доклад “Критика фрейдистских теорий и их влияния на современную литературу”, который я готовил 2 месяца (72 страницы на машинке), вызвал общее одобрение. Руководитель семинара Олег Владимирович Лармин предлагал мне поработать над ним, чтобы довести до печати, но это, мне кажется, невозможно, т.к. надвигаются экзамены. Кроме того, я взялся изучать Канта, это мне нужнее (проблема свободы воли у Достоевского)» (запись от 8 марта 1963 г.; оп. 4, д. 6, л. 105).

¹¹⁹ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 40.

литературоведение: «Прочёл книжку Голосовкера “Достоевский и Кант”. Ярко, оригинально, спорно. Наделает шуму! Это уже хорошо!»¹²⁰.

Будучи аспирантом Назиров застал на кафедре Н. К. Гудзия, который позитивно отозвался о его диссертационной работе: «15 октября <1965 г.> кафедра приняла к защите мою диссертацию. На этом заседании в последний раз появился Николай Калининович Гудзий. Он в перерыве пожал мне руку и поздравил с успехом. В конце октября, буквально дней пять назад, профессор Гудзий умер от рака печени»¹²¹.

Интеграция в научную среду проходит не всегда гладко: «Мой план утвердили на кафедре после бурного обсуждения. Глаголев выступил с громовой речью, обвинил меня в гнилом либерализме и чуть ли не в измене марксизму. Меня поддержал шеф, золотой старик. Кафедра дала отпор Глаголеву и решила принять план, но доработать в рабочем порядке» (26 марта 1964)¹²².

На аспирантские годы приходится первая научная публикация Назирова: «Написал статью “Бодлер, Диккенс, Достоевский” (к истории одного литературного мотива). Кажется, Льву Григорьевичу Барагу она понравилась. В Москве я пойду с ней к старому Леониду Петровичу Гроссману, с приветом от Барага, и попытаюсь взять у него рецензию на статью. Если всё будет в порядке, я пошлю статью и рецензию в Уфу Барагу, на адрес БГУ, заказной бандеролью. Тогда в 1964 г. статья (печатный лист) выйдет в сборнике БГУ “Традиции и новаторство”»¹²³. Статья вышла¹²⁴ и, возможно, рецензия Гроссмана на неё действительно была получена, хотя принимавший решение о публикации Бараг при своей симпатии к тексту, возможно, обошёлся и без нее.

Вместе с тем, Назиров продолжает быть активным и социально, и даже политически: 15 марта 1963, например, участвует в митинге около иракского посольства. После низложения Хрущёва, к которому Назиров в период его правления относился с симпатией, в дневнике звучат раздражённые слова об излишней болтливости бывшего Первого секретаря ЦК. Но к коммунистической идее аспирант МГУ по-прежнему относится с воодушевлением, хотя продовольственные и другие хозяйственные проблемы (отсутствие в стране не только хлеба, но и стали, резины, пластика) заставляют его усомниться в достойном продолжении ленинского курса: «Я недоволен правительством как марксист и материалист. Они не материалисты» (сентябрь 1965)¹²⁵. Собственно, здесь, как кажется, нет ничего оригинального, и проговаривая это, мы снова убеждаемся в параллельных курсах эволюции политических

¹²⁰ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 118.

¹²¹ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 175.

¹²² АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 15.

¹²³ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 0022.

¹²⁴ Назиров Р. Г. Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива) // Ученые записки Башкирского государственного университета. Серия филологических наук. Вып. XVIII. О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1964. № 7 (11). С. 169—183.

¹²⁵ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 164.

взглядов Назирова и его эпохи. Впрочем, идеологический синтез в его сознании уже становится не вполне тривиальным: «Карл Маркс и Фёдор Достоевский — вот два моих маяка. В последние годы я ещё почему-то полюбил Канта»¹²⁶. Отставку Хрущёва в 1964 году Назиров называет ожидаемой¹²⁷.

В 1960-х годах Назиров ведёт переписку с Михаилом Николаевичем Михайловым, филологом, преподавателем Задарского университета, будущим югославским диссидентом. По всей видимости, их знакомство состоялось в МГУ и было первоначально подкреплено интересом к творчеству Достоевского. В 1965 году был Михайлов арестован. Посвящённая этому запись в дневнике Назирова: «Теперь я жду визита КГБ. Пусть приходят. Мне кажется, что было бы даже красиво продолжить семейную традицию»¹²⁸. Однако представители компетентных органов за Назировым так и не пришли.

Переписка двух молодых достоевсковедов касалась исторического контекста современной политики: «Заметьте я не анализирую все последующую историю <после 1917 г.>. Кровь моего отца не остынет, я помню всё. Но для начала я считаю революцию и Ленина величайшими положительными явлениями в истории этой страны. Да, это была трагедия. Да, многие тогда погибли безвинно, многие были выброшены вон из своего дома. Расстреливали заложников, судили ускоренным судом и т.д. А когда в России не убивали, когда не расстреливали? В историях великих стран (всех!) скользко от крови. Может, права Марина Цветаева, что ещё Пётр Алексеевич, ревнитель ассамблей, было родоначальником Советов? <...> Я считаю, что он был положительным явлением»¹²⁹. Можно отметить, что эта цитата уже демонстрирует не вполне советский взгляд на исторические события. Назиров оправдывает революцию не Марксом и классовой борьбой, а по сути, *только* исторической необходимостью и исторической (причем, весьма отдаленной) пользой. Возможно, в середине шестидесятых Назиров пытается согласовывать свое мировоззрение (уже *не* советское) с окружающей действительностью и одновременно испытывает давление сразу по нескольким направлениям: «либеральная» московская интеллигенция (включая и иностранцев), личные убеждения («кровь отца», с одной стороны, и воспитание матери, школьное воспитание, с другой) и читательские впечатления (в том же письме Михайлову он говорит о чтении Соловьева, Розанова, Шестова, Бердяева).

В сферу интересов Назирова попадает и неофициальная культура 1960-х. В дневниках того времени встречаются выписанные стихотворения Бродского¹³⁰ (оп. 4, д. 7, л. 45—53), есть пересказ «Палаты № 7» Тарсиса, во множестве попадают образцы антисоветского фольклора (анекдоты, частушки, городские легенды, слухи и пр.). Он следит за политикой в сфере культуры, не упускает из внимания дела Синявского и Даниэля, сдержанно хвалит

¹²⁶ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 178.

¹²⁷ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 103.

¹²⁸ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 70.

¹²⁹ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0135.

¹³⁰ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 45-53.

В. Аксенова и более откровенно — Б. Окуджаву (особенно ему нравится песня «Тьмою здесь все занавешено...»). Ругает Евтушенко (прямо называя его «пошляком» и «проходимцем», д. 6, л. 65) и Вознесенского, иронизируя над обстоятельствами его принятия во французскую компартию. О Высоцком Назиров молчит, что не столь типично для его современника, следящего за актуальными событиями в культуре. С большей вероятностью можно было бы ожидать негативной реакции (как, к примеру, фильм «Человек-амфибия» низко оценён как эстетически слабое высказывание, рассчитанное на массового зрителя), но не полного игнорирования.

Читательские впечатления этого времени относятся к «Постороннему» и «Чуме» А. Камю, рассказам М. Хласко, романам Т. Готье, К. Рошфор, А. Мальро, У. Фолкнера, Я. Флеминга (последнего Назиров признаёт не лишённым таланта, но отвергает из-за ненависти к русским). Большая часть этих текстов прочитана в оригинале (какие-то просто ещё недоступны в русском переводе). В дневнике есть несколько выписанных стихотворений К. И. Галчинского. «Моим любимым прозаиком стал Альбер Камю. Это был блестящий писатель. Правда, после перевода на русский язык “The Mansion” (“Особняк”) я полюбил интеллектуальную игру, которую называют чтением Фолкнера. Но всё же Камю, его манера, мне гораздо ближе.

Но был ли в XX веке писатель, равный Достоевскому? Если бы я свободно читал по-немецки... Франц Кафка остаётся для меня неизвестной величиной»¹³¹.

Разумеется, как и всякого молодого человека, его тянет запретное: «Кстати, до сего дня меня жжёт соблазн достать и прочитать романы маркиза де Сада и знаменитый анонимный роман “Thérèse la Philosophe”»¹³² (оп. 4, д. 6, л. 0063-0064).

Самоопределение Назирова в тогдашнем культурном пространстве конкретизируется в следующей записи: «Экстремизм в эстетике — демонстративное восхваление абстрактной живописи, Кандинского, Бюффе (впрочем, его не очень знают), Миро, Клее. Целый культ Сальвадора Дали, которого я терпеть не могу. Люблю Пикассо, а здешние эстеты говорят о нём с презрением. Не схожусь во взглядах с москвичами.

Впрочем, здешние авангардисты разделяют моё презрение к нынешнему Евтушенко. О поэзии с ними говорить трудно. Сейчас я выше всех поэтов ставлю Лорку и Тувима. Снова начал любить Бодлера. Очень люблю Марину Цветаеву. Из наших — Луговской, Заболоцкий, Слуцкий, Мартынов. Несколько интересуется Гумилёв»¹³³. Назиров щедро раздаёт характеристики и другим авторам, называя Виктора Некрасова лучшим советским писателем, а Шолохова «старым идиотом»¹³⁴.

13 марта 1963 года Назиров на «отлично» сдаёт кандидатский экзамен по французскому языку, 30 мая с тем же результатом — философию. 15 октября выдерживает экзамен по

¹³¹ АРГН. Оп. 4, д. 5, л. 20.

¹³² АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 0063-0064.

¹³³ АРГН. Оп. 5, д. 5, л. 20.

¹³⁴ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 105.

специальности. 25 марта того же года в семье Назировых появился сын: «Хотел назвать его Эрнстом, в честь Тельмана и Хемингуэя, но мать сказала, что не потерпит немцев в своём доме. Возникла такая драма, что я махнул рукой и записал его Эдуардом. Пусть будет Эдик»¹³⁵.

23 февраля 1964 года походя Назиров записывает: «Сейчас прочёл книжку “Россия” на итальянском языке»¹³⁶, таким образом, к английскому, французскому и польскому как основным языкам, на которых Назиров мог читать, добавился и итальянский. В личном листке по учёту кадров в 1995 г. эти языки фигурируют вместе с немецким¹³⁷.

10. Семидесятые годы. С января 1966 года Назиров поступает на работу в Башкирский государственный университет, в октябре того же года в Москве защищает кандидатскую диссертацию «Социальная и эстетическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859—1866 годов», после чего переводится с должности преподавателя на должность старшего преподавателя кафедры русской (зарубежной) литературы, а также по декабрь 1967 года исполняет обязанности декана. Дневник перестает систематически писаться после возвращения в Уфу, так что у нас есть только самые отрывочные сведения о самоощущении Назирова в этот период. Редкое исключение — запись от 4 июня 1966 года: «Я избран в партбюро факультета и даже стал заместителем секретаря. Добросовестно выполняю свои обязанности». По всей видимости, Назиров на хорошем счету на факультете, так как быстро продвигается по карьерной лестнице. Теоретически другой причиной этого движения может быть и кадровый голод в БашГУ этих лет. Впрочем, достоверно установить все обстоятельства начала работы Назирова в БашГУ затруднительно, немногочисленные мемуарные (причем, в основном, устные) свидетельства оставляют противоречивую картину. Подводя очередные промежуточные итоги Назиров записывает: «Сам я не нашёл пока удовлетворения в работе. Две научные статьи опубликованы. Мне 32 года»¹³⁸. Тогда же у Назирова появляется второй сын Станислав, будущий актёр и режиссёр¹³⁹.

Совокупность косвенных фактов, которая имеется в распоряжении биографов, свидетельствует, что в начале 1970-х годов в мировоззрении Назирова происходит коренной перелом. Дневник к этому моменту завершён окончательно, и не может этот перелом зафиксировать, но, с другой стороны, само нежелание продолжать дневник (изначально мыслившийся именно как дневник писателя) можно счесть одним из следствий произошедших изменений, связанных прежде всего с отказом от писательских амбиций (или,

¹³⁵ АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 115.

¹³⁶ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 2.

¹³⁷ НА. 2014. № 1. С. 120.

¹³⁸ АРГН. Оп. 4, д. 7, л. 17.

¹³⁹ Нам приходилось слышать устные свидетельства, что Назиров мог всерьёз повздорить с уже взрослым сыном, разойдясь с ним в трактовке образа Гамлета. Культура и ответственное восприятие ее вершин занимали в жизни семьи очень важное место.

по крайней мере, от той формы реализации этих амбиций, которая предполагалась автором в начале 1960-х) и сменой приоритетов в пользу литературоведения.

Чаще всего, имеющиеся в нашем распоряжении основания для датировки рукописей косвенные и не слишком надёжные, оставляющие достаточно большое временное окно, однако поддающиеся датировке рассказы, повести и романы, относятся к более раннему времени, то есть написаны до 1973 года. Именно в начале 1970-х, по свидетельству А. П. Филиппова, Назиров отказывается от возобновления своего участия в литературной жизни «Ленинца», объясняя это своей поглощённостью литературоведческими занятиями (прежде всего, творчеством Достоевского).

Это жизненный поворот, как водится, происходил не одномоментно, и поначалу Назиров пытался совместить писательскую деятельность и литературоведческие занятия. Следствием этого синтеза явился ряд небольших рассказов о русских писателях¹⁴⁰ и большой роман о Пушкине «Конец александровой эры. Хроника»¹⁴¹, который был закончен, судя по всему, в 1973 году. Особое место в этой эволюции занимает незаконченный роман «Звезда и совесть», представляющий собой попытку художественно-исторической реконструкции биографии Иисуса Христа. Работа над дошедшим до нас текстом была оставлена не ранее 1975. С одной стороны, это может свидетельствовать о сохранении писательских амбиций Назирова по крайней мере до середины семидесятых. С другой же, «Звезда и совесть» может быть проявлением первоначального интереса к мифу и широким историко-культурным обобщениям, к темам, появившимся в его научных трудах с начала 1980-х годов. Так или иначе она, безусловно, находится в тесной связи с маршрутом его научной мысли. Видимо, последний тезис относится к всем (или, по крайней мере, к подавляющему большинству) его поздних (написанных после середины 1970 годов) литературных текстов, которые, судя по первичному обозрению, относятся к различным жанровым вариантам исторической прозы.

По всей видимости, тогда же, в первой половине и середине 1970 годов начинается процесс самоустранения Назирова из общественной и политической жизни и сосредоточения на исследованиях в области истории культуры. Таким образом, его реальная биография с этого времени все больше совпадает с интеллектуальной.

С окончанием дневника круг источников, на которые можно опираться в построении биографии Р. Г. Назирова, существенно сужается. По сути дела, его биография становится историей научных текстов — публикуемых и складываемых в архив. И эта история интенсифицируется. Прибегая к образному языку справедливо будет сказать, что десятилетие от начала 1970-х до начала 1980-х стало своего рода «золотым» для творческой активности Назирова. В его бумагах этого времени есть целая серия записей, подводящих итог

140

С. 88—93.

141

См., например, Назиров Р. Г. Закат Батюшкова // НА. 2013. № 2.

АРГН оп. 1, д. 79, 80.

опубликованному и содержащих планы на будущее, большей частью осуществлённые, но не все результаты работы при этом были доведены до печати.

К декабрю 1973 года в печати вышли 8 статей Назирова, при этом 3 из них приходится на 1960-е годы (по одной в 1964, 1965 и 1967 годах), а публикационная активность 1970-х годов гораздо значительнее: одна статья в 1970, два в 1971 и по одной в 1972 и 1973. Одного взгляда на эту хронологию достаточно, чтобы сделать вывод о нарастающей для Назирова значимости науки, которая просто неизбежно должна была вытеснять писательство или, как минимум, трансформировать творческие принципы Назирова-прозаика.

В это время Назирова интересуют, в основном, различные аспекты творчества Достоевского в широком спектре от компаративного исследования мотивов («Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива)», «Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)», «Гоголевская традиция и “Скверный анекдот” Достоевского») до идеологических штудий («О противоречиях в отношении Достоевского к социализму»). Особенное место занимает проблема прототипов, нашедшая воплощение в нескольких исследовательских сюжетах («Герои романа “Идиот” и их прототипы», позднее — «О прототипах некоторых персонажей Достоевского», «К вопросу о прототипе Ставрогина»). В эти же годы Назиров, видимо, в попытке расширения методологической парадигмы увлекается идеями М. М. Бахтина, что видно и по опубликованным работам и по воспоминаниям А. Л. Осповата¹⁴².

Дальнейшие годы демонстрируют сохранение, а. порой и усиление публикационной активности: 3 статьи в 1974 году (все они были готовы уже в 1973), 2 статьи в 1975, 3 статьи в 1976.

В записи об итогах и планах научной работы, датированной декабрём 1973 года¹⁴³ значатся написанные и подготовленные к печати 5 работ, а также 3 замысла. К числу готовых отнесены

1. «Пособие для заочников “Творчество Достоевского (проблематика и поэтика)”». На машинописи рукописная помета «Выходит». Как мы теперь знаем, она не соответствовала действительности. Пособие издано посмертно в 2014 году. Интересны также причины появления уточнения — «для заочников». Назиров в ту пору уже один из самых любимых студентами преподавателей филологического факультета¹⁴⁴, однако на очном отделении у него не было не только спецкурса, но и нагрузки по его базовому курсу — истории русской литературы XIX века. Некоторые из его бывших студентов (В. В. Борисова, А. В. Денисова) прямо говорят, что Назирова «тормозили».

2. «Статья “Друг Пушкина в “Отцах и детях”» (о прототипе Павла Петровича Кирсанова, героя романа Тургенева)». Статья не обнаружена. Скорее всего, она была написана в период

¹⁴² См.: НА. 2014. № 2.

¹⁴³ АРГН оп. 1, д. 39, л. 39-44.

¹⁴⁴ По устным воспоминаниям В.В. Борисовой и А.В. Денисовой.

увлечения Назировым проблемой поиска прототипов, но не была вовремя отдана в печать. Впоследствии Назиров потерял интерес к проблеме и не стал хлопотать о публикации.

3. «Классические реминисценции в Преступлении и наказании». Статья вышла в 1976 году под заглавием «Реминисценция и парафраза в “Преступлении и наказании”».

4. «К генезису образа ростовщика в портрете Гоголя». Ещё одна статья о прототипе. Текст не был опубликован при жизни Назирова и вышел только посмертно как архивная публикация¹⁴⁵.

5. «К вопросу о прототипе Ставрогина». Статья вышла в 1976 году.

Итак, как мы видим, из пяти полностью готовых текстов были опубликованы только 2. Можно отметить, что возможностей для издания в 1970-х годов у филологов было значительно меньше, чем в наши дни. Однако в поздние годы Назиров, безусловно, имел широкий спектр предложений, но не посчитал нужным возвращаться к некогда написанным статьям. Это простое сравнение демонстрирует главную загадку архива: по каким-то причинам Назировым было написано очень много — не считая черновиков и подготовительных материалов, много того, что было уже практически готово к публикации — но доведена до печати лишь малая доля.

В записи, подводящей итог научной работе и датированной августом 1973 года значится: «<автореферат кандидатской диссертации> цитировался в научной литературе (в комментариях к академическому Полному собранию сочинений Достоевского).

Отзывы на мои работы в печати, в основном отрицательные, появлялись в журнале “Искусство кино” (1971, статья Билинкиса) и “Вопросы литературы” (1973, № 8, статья Ю. Селезнёва)»¹⁴⁶.

В университете Назиров читает спецкурс (по указанию в записи — «для заочников») по творчеству Достоевского, который воплощается в печати в виде опубликованной программы «Реализм Достоевского» (Уфа, 1972). Кроме того, уже не работая в газете, он время от времени публикует там рецензии на спектакли и кинофильмы: «Революция без легенды» (1970), «Зимняя сказка» (1971), «Разнообразие — это тоже лицо», «Легенда о Паганини» (1972), «Ищи свою дорогу...» (1973) и др.¹⁴⁷.

Несмотря на очевидную неполноту представления его исследовательской работы в печати, опубликованные им в 1970-х годах научные и методические труды дают относительно целостное представление о его интеллектуальных интересах и приоритетах. В них четко выделяются три основных концептуальных направления.

Первое представляет собой дальнейшее развитие той методологической платформы, которая выработана Назировым в 60-х годах и воплотилась в его кандидатской диссертации.

¹⁴⁵ Назиров Р. Г. Ростовщик из «Портрета» // Северо-Восточный научный журнал. 2011. № 1. С. 26—27.

¹⁴⁶ АРГН оп. 1, д. 39, л. 39-48.

¹⁴⁷ См. Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа, 2011.

В центре внимания здесь стоит Достоевский, чьё наследие исследуется Назировым в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Прежде всего, это диалогические отношения между реальностью и ее художественным воплощением. Ключевая проблема штудий на эту тему — проблема прототипов. В каком-то смысле эта проблема представляет собой точку входа Назирова в науку: первый известный нам научный труд Назирова «К вопросу об автобиографичности романа “Игрок”»¹⁴⁸. При этом в статьях 1970-х годов Назиров расширяет хронологические рамки своих штудий, его внимание переключается на «Великое пятикнижие» Достоевского и прежде всего роман «Бесы».

Как теперь известно из архивных изысканий, все статьи о «Бесах», вышедшие в 1970-х годах представляют собой извлечения из задуманной и в значительной степени осуществлённой в рукописи монографии об этом романе¹⁴⁹. Эту монографию, судя по сохранившимся и посмертно опубликованным материалам отличала особая публицистичность. От политического контекста «Бесов» Назиров протягивал нить в XX век, видя в Достоевском «пророка ядерной эпохи». Эта публицистичность на наш взгляд — оборотная сторона размышлений Назирова над указанной выше проблемой соотношения реальности и художественного текста. Вопрос об этическом значении художественного текста может возникнуть только в результате соотнесения этого текста с реальностью, в которой он существует. Публицистический смысл классического текста возникает как производная от соотнесения этого текста не с контекстом создания, а с контекстом чтения. С этой точки зрения, совершенно органично обращение Назирова наряду с прототипическими связями к нравственным конфликтам в творчестве Достоевского — в первую очередь к тем, из них, что рождаются на стыке реальности и художественной стратегии. Статья «Об этической проблематике повести “Записки из подполья”» оказывается логически связанной со статьёй «Пётр Верховенский как эстет».

С другой стороны, и у современных читателей, и в свое время у Назирова должен возникать вопрос, почему именно Достоевский становится ключевой фигурой подобной нравственно-публицистической реактуализации классики. Отсюда заметное в 1970 годах стремление сопоставить Достоевского с историко-литературным контекстом. Иначе говоря, сравнивая Достоевского то с Бальзаком и Лермонтовым, то с Одоевским, то с Гоголем, то с другими классиками, Назиров стремится определить вектор уникальности Достоевского. В целом это тематическое направление отмечено стремлением к целостному осмыслению Достоевского. Важным этапом этого осмысления явилась опубликованная в 1972 году методичка «Реализм Достоевского», заслужившая высокую оценку Г. М. Фридлендера. Очевидно, что материалы этого пособия были связаны с авторским специальным курсом Назирова, полные материалы которого были опубликованы только уже после смерти учёного.

148 См.: НА. 2013. № 1.

149 См.: НА, 2013. № 2.

Это же стремление к синтезированию интерпретаций заметно в статьях конца 1970-х «Юмор Достоевского» и пр. Конечным результатом работы в этом направлении стала классическая для достоевсковедения монография «Творческие принципы Ф. М. Достоевского».

11. Знакомство и дружба с Г. М. Фридлендер. Ещё в период обучения в аспирантуре (1964) у Назирова завязывается переписка с доктором филологических наук Г. М. Фридлендером, едва ли не главным достоевсковедом того времени. Нужно подчеркнуть, что эта переписка, перешедшая в дружбу, которая в свою очередь пережила охлаждение во второй половине 1970-х и практически прервалась в 1980-х годах, была по-своему исключительной. Будущий академик, один из инициаторов и заместитель главного редактора полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского, научный сотрудник ИРЛИ уже в то время был весьма авторитетным учёным. По его собственному признанию, «случайно» прочтя первую статью Назирова «Диккенс, Бодлер, Достоевский», «на которой лежит печать живой художественной впечатлительности, ума и больших знаний» (письмо от 10 декабря 1964), Фридлендер пишет молодому исследователю письмо, в котором предлагает свою помощь и дружбу. На протяжении почти десяти лет общения сотрудник Пушкинского Дома предоставляет кандидату наук из Уфы широкие возможности для публикации, большинство которых не было реализовано, по всей видимости, по вине самого Назирова: «нет ли у Вас какой-нибудь копии главы о “Записках”? — пришлите, если есть» (письмо от 16 сентября 1968); «могу помочь Вам получить заказы на статьи для “Литерат. энциклопедии” или на рецензию для “Вопр. литературы”» (письмо от 17 марта 1965). Сохранившаяся в памяти вдовы Ромэна Гафановича Тамары Николаевны Барышниковой легенда гласит, что в какой-то момент Г. М. Фридлендер рассматривал его чуть ли не как своего преемника в группе Достоевского в ИРЛИ. Однако практическое следствие из этой дружбы стало другим: все статьи Назирова в авторитетных изданиях, как минимум, до середины 1970-х годов появлялись в печати при поддержке Фридлендера.

Тем не менее, в автобиографии 1998 года Назиров пишет: «В Москве моим научным руководителем был профессор МГУ А. Н. Соколов, в Ленинграде я дружил с Г. А. Бялым и Б. Ф. Егоровым»¹⁵⁰. То есть Фридлендер, несмотря на тёплую многолетнюю переписку (к моменту охлаждения отношений адресаты перешли в обращении друг к другу на «ты»), даже не упоминается.

Эта биографическая коллизия содержит несколько требующих комментария аспектов.

Во-первых, как вышло, что уважаемый столичный учёный с настойчивостью (порой не находящей благодарного отклика) предлагает дружбу молодому провинциалу? Возможно, это наименьшая загадка из всех. Воспоминания свидетельствуют, что Фридлендер был увлекающимся человеком, и действительно мог «полюбить» человека за единственный доклад

¹⁵⁰ НА. 2013. № 1. С. 139.

на конференции: «Георгий Михайлович мог привязываться к разным людям. <...> Он же такой русский немец, и была в нём в хорошем смысле сентиментальность. Могла быть и по отношению к Ромэну. Скорее всего он и привлёк Ромэна к участию в сборниках “Достоевский. Материалы и исследования”, поскольку был тогда главный достоевсковед. Вполне возможно»¹⁵¹. Кроме того, мы вправе предполагать, что информационная насыщенность научного поля в тот момент была иной, чем в наши дни, и ценность сделанных Назировым наблюдений могла оказаться достаточной для того, чтобы впечатлить маститого специалиста.

Во-вторых, была ли теплота со стороны Фридлендера обычной для его отношений с другими людьми? Так, одно из посланий сотрудник ИРЛИ начинает словами «О, наизануднейший из достоевистов!» Насколько об этом можно судить, тон писем Фридлендера всё же контрастирует с утвердившимся о нём мнением о нем: в них нет попыток давления авторитетом, резкости и категоричности. Старший выбирает тон обращения с младшим как с *равным*, хотя и позволяет себе давать советы вроде «не подражать Альтману» и заниматься значимыми темами.

В-третьих, что послужило причиной прекращения дружбы? Очевидцы говорят, что Назиров сам отдалился от старшего коллеги, почувствовав, что тот хочет сузить его творческую свободу. Весьма вероятно, что это было не единственной причиной: при разборе части архива, которую Назиров предпринял в последний год жизни, пригласив себе в помощь авторов этих строк, он неожиданно для нас с чувством отправил в мусор одну из поздравительных почтовых карточек Фридлендера. За этим жестом как минимум должно крыться воспоминание о нанесённой обиде. Тогда же Назиров вспоминал, как Фридлендер объяснял сокращения статей при публикации: «Знаете, как мне говорил Фридлендер? “Оставьте это для тома своего собрания сочинений”». Действительно, в письме Фридлендера от 7 февраля 1970 года обнаружился источник этой цитаты: «Что касается статьи в “Р. лит.”»¹⁵², то я целый год вел упорную борьбу за ее публикацию. Этим и объясняется сокращение и характер редактуры. Сейчас, наконец, как Вы уже знаете, дело решено в Вашу пользу. Со временем Вы восстановите купюры в собрании Ваших сочинений, а я прошу простить редактору его ошибки». Не исключено, что одной из причин разрыва отношений стало накопившееся у Назирова раздражение отношением старшего коллеги к его статьям.

Ни один из авторов этих строк не был лично знаком с Г. М. Фридлендером, поэтому не можем строить психологических суждений о его реакциях и поступках. Наш опыт касается, естественно, только «назировской» части этого эпизода. Нам, как, вероятно, всем знакомым, Ромэна Гафановича, был хорошо знаком его страстная увлеченность делом, которым он занимался, бескомпромиссность и не всегда оправданная резкость суждений (особенно,

¹⁵¹ НА. 2014. № 2. С. 153.

¹⁵² Речь идёт о следующей статье: Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Рус. литература. 1970. № 2. С. 114—121.

спонтанных и полемических), а также — мнительность, способность иногда «оценить» ситуацию более неприглядной, чем она есть.

В переписке с Фридлендером сохранились тексты, представляющие конкретный пример к высказанному суждению. Помещаем два этих документа целиком, поскольку пересказ их был бы менее выразителен.

1. Р. Г. Назиров — Г. М. Фридлендеру.¹⁵³

Дорогие Георгий Михайлович
и Нина Николаевна!

Прибегаю к Вашему совету. Как мне поступить в ответ на удивительную выходку NN¹⁵⁴, который в «Русской литературе», № 1 за этот год, с. 87—88, использовал без сноски часть моей статьи трёхлетней давности? (Это «Пётр Верховенский как эстет», 1979, № 10 в «Вопросах литературы»).

Он прислал мне оскорбительно-любезное письмо, где уверяет, что сам пришёл к этому сопоставлению, а мою статью прочёл лишь недавно, но я-то знаю, что это не так.

Мы бы не хотелось поднимать скандала, но я должен как-то реагировать. Что Вы посоветуете?

Заодно ещё вопрос: я запомнил имя и отчество М. Д. Кондратьева — как его зовут и величают?

Здоровы ли Вы?

Книжка моя выйдет в этом году, а я пока пишу третью. Хотелось бы повидать Вас, но это слишком трудно. Жду ответа.

Ваш Р. Г. Назиров.

7 июня 1982.

2. Г. М. Фридлендер — Р. Г. Назирову

15/VI [1982]

Дорогой Рома!

NN — инвалид войны, человек, жизнь которого есть подвиг. Подумаешь, какая беда, что он не прочел в свое время Твою статью и повторил Твое наблюдение (к тому же частное) без ссылки! Как я узнал в редакции, он сам был страшно этим огорчен и написал Тебе сам о своем промахе. Он сообщил об этом тотчас же и в редакцию, которая напечатает его извинение. А вот твое письмо, с нашей общей точки зрения, непростительно и очень скверно Тебя характеризует. Не забудь, что именно Пушкинский Дом и журнал «Русская литература»

¹⁵³

Копия или черновик (?) письма Назирова были вложены в конверт с ответным письмом Фридлендера.

¹⁵⁴

Авторы по этическим соображениям решили не открывать имя фигуранта этой истории.

впервые вывели Тебя из неизвестности и создали Тебе всесоюзный авторитет. В. В. Тимофеева просит Тебе передать, что она возмущена Твоими письмами. А я огорчен!
Жму руку и жду в Питере.
С приветом от нас с Ниной!
Твой Г. Ф.

В архиве сохранилось еще одно письмо Фридлендера, посвященное этому эпизоду («Извинение журнала — по просьбе NN — уже печатается»). Видимо, вскоре после этого переписка была прервана. Последнее сохранившееся в архиве Назирова письмо Фридлендера написано через пять лет (18 декабря 1987 года) и начинается словами: «Дорогой Рома! Уже давно связь между нами прервалась. Причины этого для меня загадочны...» Тон послания очень теплый и примирительный, однако ответа, по всей видимости, не последовало.

Финал научной дружбы с Г. М. Фридлендером маркирует более серьезные жизненные процессы. С начала 1980-х годов Назиров начинает все меньше публиковаться в столичных научных изданиях (хотя возможностей для этого постепенно становится больше), тогда же откладывается защита уже написанной докторской, тогда же Назиров погружается в исследования истории мифологических сюжетов (причем, публикует едва ли десятую часть того, что пишет). Словом, этот период явно представляет собой некий поворотный пункт биографии, сравнимый с тем, что случается с Назировым десятилетием раньше¹⁵⁵.

12. Докторская диссертация. В середине 1970-х годов у Назирова рождается замысел докторской диссертации, «большой» или «главной» работы. Большой она должна была получиться не столько в силу объёма, сколько масштабности обобщений. Назиров несомненно сам чувствовал необходимость выхода на такой уровень теоретизации, но, может быть, это в какой-то мере было и следствием рекомендаций Фридлендера, однажды написавшего Назирову, до того создавшему ряд работ о прототипах у Достоевского, что не следует мельчить при выборе темы, уподобляясь в этом Альтману: «Одна статья-две — хорошо, но при Твоих способностях, — право, надо заниматься чем-то более широким и общечеловечески важным! Не сердись на меня, но я бы предпочел, чтобы Ты взялся за что-то большее, а не за подобные мелочи!» (2 апреля 1972).

Темой становится сравнительная история фабул. К началу 1980 годов текст диссертации был готов. Об этом главным образом свидетельствуют прошедшие в это время его обсуждения¹⁵⁶ в БашГУ (19 сентября 1980 г.) и в ЛГУ (15 мая предположительно 1981 г.), а также прочие косвенно указывающие на это факты, вроде следующего обращения ректора БашГУ Ш. Х. Чанбарисова к директору издательства Саратовского университета, в котором

¹⁵⁵ Косвенно это подтверждается и библиографическими данными. См. предисловие к библиографии Р. Г. Назирова, публикуемой в этом номере.

¹⁵⁶ См.: НА. 2014. № 2.

должна была выйти монография Назирова «Творческие принципы Ф. М. Достоевского»: «Обращаюсь к Вам с просьбой по возможности ускорить в свет монографии Р. Г. Назирова «Творческие принципы Достоевского», которая была давно принята Вами. Р. Г. Назиров завершает докторскую диссертацию. Его работы по истории русской классической литературы неоднократно публиковались в академических сборниках и журналах, апробированы научной общественностью.

Очень просил бы Вас, чтобы его монография была издана не позднее 1-го квартала 1981 года» (9 июня 1980). Таким образом, здесь издание единственной прижизненной монографии¹⁵⁷ Назирова увязано с завершаемой докторской.

Однако Назиров поразительным образом не предпринимает никаких шагов к защите готового текста работы. Всё десятилетие 1980-х годов текст докторской лежит в его архиве, возможно, дорабатывается и шлифуется, но защиты так и не происходит. Более того, Назиров увлекается новой темой — историей фольклорных сюжетов и раз в год публикует по статье, реконструирующей архаические истоки и эволюцию древних фабул. Параллельно с этим в его творческой лаборатории зреет замысел большой книги об истории сюжетов («Превращения сюжетов»), в которую вошли бы все написанные статьи и необходимые исторические обобщения¹⁵⁸.

Лично знавшие Назирова предлагают несколько гипотез, объясняющих произошедшее:

1. Резкий в суждениях Назиров приобрёл достаточно недоброжелателей в литературоведческих кругах Москвы и Ленинграда. Они не позволили бы ему успешно защитить докторскую работу, и, зная об этом, он не предпринимал шагов для устройства защиты.

2. Назиров удовлетворялся самим процессом работы, и внешние соображения статуса (наличие докторской степени) были ему чужды. Написанная докторская диссертация уже была для него достойным завершением труда, а вопрос защиты или публикации не был принципиален.

3. Эмоциональный Назиров получил в процессе обсуждения диссертации несколько рекомендаций по исправлению текста, с которыми не был согласен. Нежелание подстраиваться под чужое мнение вынудило его положить готовую работу «в стол». Однако имеющиеся в нашем распоряжении стенограммы обсуждений в Уфе и Ленинграде демонстрируют вполне благожелательное отношение специалистов к работе, и, более того, разного рода отметки и маргиналии Назирова в этих записях свидетельствуют, скорее, о его согласии с большинством замечаний.

¹⁵⁷ В записях самого Назирова монография под таким названием значится готовой и сданной в печать уже августе 1976 года; судя по той же записи, автор рассчитывает на её публикацию в 1978 году. В действительности книга вышла в 1982 году.

Возможно, что интересы Назирова в это время окончательно смещаются из области исследования отдельных проблем в область построения обобщённой картины мира, цельной модели, объясняющей исторические процессы в культуре человечества. Поэтому архив с его рефлексивно-мнемонической функцией становится для него самого важнее, чем реальные публикации, которые в силу естественных причин должны быть посвящены дискретным эпизодам.

13. Последние годы. В марте 1990-го года Назиров выезжает в Сорбонну на международный симпозиум «Чехов и Франция». Чехов становится вторым после Достоевского героем его исследовательских работ. А. А. Илюшин вспоминает об этом так: «Впервые в жизни, гуляет по парижским улицам вместе со своим другом проф. В. Б. Катаевым, бывавшим здесь и ранее. Кажется несколько странным, что не очень-то смотрит по сторонам — сосредоточен, задумчив. ничего странного, — возражает Назиров: я же тут всё знаю; вот, к примеру, пройдет еще с полквартала, и будет дом, в котором... И начинается его профессиональное повествование о достопримечательностях французской столицы. Выяснилось, что еще у себя дома он написал целую двухтомную книгу о Париже, предварительно изучив литературу вопроса, источники, главным образом франкоязычные»¹⁵⁹. В это десятилетие Назиров посещает также международные конференции в 1998 году в Нью-Йорке и в 2001 году в Баден-Бадене («Dostojewskij und Deutschland»).

В 1991 году Назиров тяжело заболевает: «лежит в больнице, врачи опасаются самого худшего. Сердце! Говорить ему трудно, тут уж не до болтовни об Аксаковых и аксакалах. Лежит на больничной койке отрешенный, подавленный, осунувшийся»¹⁶⁰. Однако болезнь отступает и Назиров возвращается к работе.

Насколько об этом можно судить по косвенным свидетельствам, в начале 1990-х замысел «Превращения сюжетов» постепенно трансформируется в более масштабный — книгу о мифе в истории человечества. Она вбирает в себя многое из сказанного в статьях об эволюции фольклорных сюжетов 1980-х годов, но в своей сути представляет реализацию нового замысла, выходящего за пределы и собственно литературоведения, и филологии вообще в область философии истории. К 1996 году рукопись книги в целом завершена, но Назиров опять-таки не пытается её опубликовать. Единственная большая работа этого времени, о которой достоверно известно, что Назиров надеялся на её публикацию, это словарь сюжетов мировой литературы, планировавшийся к выходу в издательстве «Башкирская энциклопедия», но вышедший в итоге в Башкирском государственном университете после

159 Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирове // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2.

160 Там же.

смерти автора¹⁶¹. Создаётся впечатление, что публикационная судьба всего остального написанного им была Назирову безразлична.

В 1995 году в Екатеринбурге Назирову наконец присваивают докторскую степень, однако на защиту выносятся не текст диссертации, а диссертация в виде научного доклада, то есть, по сути, один автореферат работы под заглавием «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул». Полный текст докторской диссертации и тогда остался не опубликован. Отдельные главы из неё были напечатаны в сборнике статей в Свердловске в 1980 году¹⁶² и посмертно в «Вопросах литературы» в 2012 и в эстонском журнале «*Slavica Revalensia*»¹⁶³.

В это же время распадается брак Назирова с Т.Н. Барышниковой, супруги разъезжаются.

С октября 1989 года Назиров становится заведующим кафедрой русской литературы Башкирского государственного университета. Назиров активно преподаёт на факультете, читая курсы истории русской литературы второй половины XIX века, элективные курсы истории религии и истории эстетических учений, а также «закрывая» собой бреши в расписании.

В 1998 году происходит первая защита диссертации, выполненной под руководством Назирова (Шишкина Е. В. «Мотивы древнерусской литературы в творчестве Ф. М. Достоевского»). Всего таких защит будет 7 (седьмая состоится уже после смерти Назирова в 2004 году), из этих шести диссертаций четыре посвящены творчеству Достоевского.

В 2000-х годах у Назирова появляются депрессивные настроения. В письме Г. К. Щенникову от 8 июля 2000 года он пишет: «Видите ли, в течение ближайших пяти лет я собираюсь умереть. Может быть, проживу шесть лет, а может быть — год. <...> В этом состоянии я ничего серьёзного писать больше не могу. <...> Сейчас я считаю своим долгом только помогать молодым талантам». Примечательно, что едва ли не последняя работа Назирова — заявка доклада на достоевистский конгресс, озаглавленного «Ритуалы смерти в романах Ф. М. Достоевского». Крупные литературоведы в конце жизни, вообще говоря, не раз обращались к теме смерти. Так, у В. А. Грехнева одна из последних статей посвящена

161 См.: Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник / Р. Г. Назиров. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. Нужно, однако, отметить, что текст попавший в итоге в издательство «Башкирская энциклопедия» и пролежавший там более десяти лет оставляет серьезные сомнения в том, что является продуктом окончательной авторской воли. См. подробный разбор этого издания в рецензию: Комова Т. Д. Р. Г. Назиров. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник // НА. 2014. № 1. С. 142—147.

162 Назиров Р. Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская литература 1870—1890 гг. Свердловск, 1980. С. 94—107.

163 Назиров Р. Г. Фабула о колдуне-предателе // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 49—87; Фабула о продавшемся таланте // *Slavica Revalensia*. 2014. I. С. 101—117.

символике живого и мёртвого в «Мёртвых душах», а последняя прижизненная публикация Ю. М. Лотмана называлась «Смерть как проблема сюжета».

Тем не менее, в 2000-е годы выходят три статьи Назирова: «Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского» (2000; как мы теперь знаем, статья представляет собой извлечённую главу из книги о становлении мифов), «Семантика движения в романах Достоевского» (2002) и «Направленность трансформации в романе “Игрок”» (2004), которую Назиров успел самостоятельно сдать в печать.

В 2003 году состояние здоровья Назирова резко ухудшается. В начале 2004 Ромэн Гафанович попадает в больницу, а 16 января умирает, не дожив трех недель до своего семидесятилетия.

В сухом остатке перечисления событий из биографии Назирова неудачи будут заметнее: он не поступил в ЛГПИ им. А. И. Герцена, не смог закрепиться на кафедре после института, не удержался в газете, не реализовал свою мечту стать признанным писателем, не защитил написанную докторскую в 1980-е годы, не смог ввести разработанные им за пределами достоевистики концепции в научный оборот. Однако судить любого творческого человека следует, расширяя мысль Пушкина, «по законам, им самим над собою признанным». В случае Назирова этот суд облегчается тем, что он сам сформулировал эти законы. В «Становлении мифов», рассуждая о «Фаусте» Гёте, Назиров пишет: «...он оправдан, ибо человека должно судить не по грехам и ошибкам его превратной судьбы, а по эссенциальному итогу всей его жизни»¹⁶⁴. С этой точки зрения «итог» жизни Назирова можно будет подвести только тогда, когда его наследие будет хотя бы относительно полно введено в научный и культурный оборот. Уже сейчас очевидно, что масштаб этого наследия выходит далеко за рамки его прижизненных публикаций и достижений.

Список сокращений

АРГН — Архив Р.Г. Назирова

НА — журнал «Назировский архив»

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

КЕЭ — Краткая еврейская энциклопедия

Исследования

Б. В. Орехов
Институт языкознания РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Моделирование
терминологического тезауруса
работ Р. Г. Назирова
о мифологии и истории
фольклорных сюжетов

В 2011 году Л. А. Каракуц-Бородина писала: «Ближайшей задачей анализа языковой личности Ромэна Гафановича Назирова видится нам описание его тезауруса в ключевых концептах; предположительно — Человек, Истина, Красота, Театр, однако максимально достоверный ответ на этот вопрос можно будет дать лишь на основе машинной обработки максимально полого корпуса его текстов»¹. Удовлетворительного по объему корпуса текстов Р. Г. Назирова в электронном виде мы не получим ещё долго (возможно, никогда). Но уже сейчас нам доступны достаточно существенные, тематически автономные и внутренне законченные фрагменты назировского текста², наиболее привлекательным среди которых я бы счел фольклорно-мифологический цикл.

В отличие от статей и книг, посвященных Достоевскому, материал, на котором основаны эти работы, более универсален и многообразен, позволяет автору продемонстрировать свою эрудицию не только в координатах русской литературы, но и выйти на масштабные обобщения историко-культурного плана. Кроме того, чётче осмыслен контекст этих трудов: Назиров указывал Веселовского в качестве одного из своих ориентиров в науке³ (и интуитивно понятно, почему) в то время как формирование Назирова-литературоведа — это сложная в том числе и методологическая проблема, факторы и механизмы этого процесса не ясны и требуют специального осмысления.

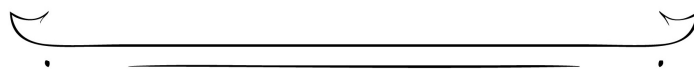
Литературовед Р. Г. Назиров в печати попробовал себя в новом качестве историка архаических сюжетов в 1980 году, выпустив статью «“Наглядная дипломатия” и предметное иносказание в фольклоре и литературе (к постановке вопроса)» в сборнике «Фольклор народов РСФСР». «С этого времени интерес Назирова к фольклору, мифологии и их связям с литературой и культурой не ослабевает, становясь своего рода продолжением его литературоведческих штудий. В течение двенадцати лет каждый год ученый публикует по статье, каждая из которых представляет реконструкцию истории некоторого мотива, чаще всего восходящего к мифоритуальным истокам»⁴. Всего в круге этой тематики Назировым опубликовано 16 статей. Уже после смерти ученого увидели свет другие его труды, тематически смыкающиеся с названными. Прежде всего, это монография «Становление мифов и их историческая жизнь» (а также подготовительные материалы к ней), восемь

¹ Каракуц-Бородина Л. А. Человек эпохи пробуждения // Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа, 2011. С. 73

² О системе назировского текста см. Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118—126.

³ См. Назировский архив. 2013. № 1. С. 139.

⁴ Орехов Б. В., Шаулов С. С. Сумма мифологии. Предисловие // Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 4

найденных в рукописях статей, и наброски неосуществлённой монографии об истории сюжетов, в которую все эти тексты и должны были войти на правах отдельных параграфов (см. № 25, 27, 31, 34—36, 38, 40, 42, 43, 46, 50, 56, 58, 74, 75, 82, 86—89, 91, 97, 112, 120, 123 в сводной библиографии трудов Р. Г. Назирова в настоящем номере).

В силу относительной завершенности этого корпуса можно обратиться к нему как к репрезентанту определённой научной идеологии, проявляющей себя прежде всего в языке и системе понятий. Для научного текста система понятий концентрируется в терминах и особенностях их употребления. Попытку изучения терминологического тезауруса Назирова я и предпринимаю в настоящем исследовании. Прежде всего, здесь будут продемонстрированы некоторые количественные и околоранжированные методы. Скорее, можно говорить даже не о законченном исследовании, а о первом пробном подходе к многоаспектной проблеме.

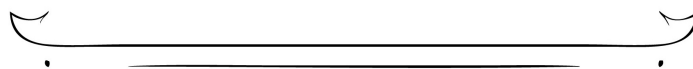
В качестве материала я воспользовался всеми названными текстами. Полный их объем составил 168 474 слова. Это довольно маленький корпус, как уже говорилось ранее, он обладает другими достоинствами — на концептуальном уровне.

Я построил сеть совместной встречаемости ключевых терминов статей. Эта методика хорошо вписывается в активно развивающееся направление применения сетей (complex networks) для описания функционирования лексики, в том числе отдельных авторов. Последнее позволяет осуществить выход в стилометрию⁵.

Исследование было проведено следующим образом. Все входящие в корпус тексты были очищены от чисел, небуквенных символов, лемматизированы (то есть все слова приведены к своим словарным формам), а также из текстов были удалены первые 50 самых частотных лексем русского языка (список был заимствован из Частотного словаря О. Ляшевской и С. Шарова). Затем для всего объема текстов была посчитана совместная встречаемость слов в двух различных окнах: 3 и 5 слов до и после искомого. Это значит, что предложение «От этого сюжета о превращении статуи в живое человеческое существо принципиально отличаются рассказы о статуях, живущих скрытой жизнью» было представлено в следующем виде: «сюжет превращение статуя живой человеческий существо принципиально отличаться рассказ статуя жить скрытый жизнь». При этом в окне 3 сочетаемость слова «принципиально» со словом «статуя» имеет величину 1, а в окне 5 та же сочетаемость имеет величину 2.

Представление сети всех лексем из упомянутых текстов не слишком информативно, поэтому мы сосредоточились на центральных понятийных точках, которые имеют ключевое значение для всего концептуального плана работ о мифологии и фольклоре. Исследователя прежде всего интересовали такие термины

⁵ Amancio D.R. A complex network approach to stylometry // PLoS ONE. 10(8): e0136076; Antiqueira L., Pardo T., Nunes M., Oliveira O. N. Some issues on complex networks for author characterization // Inteligencia Artificial. Revista Iberoamericana de Inteligencia Artificial. 2007. 11 (36). P. 51—58.

как миф, мифология, сюжет, жанр, происхождение, поэтика, мотив, фабула, герой, нарратив. Построенный в ходе исследования граф смог бы продемонстрировать текстовое, а, следовательно, и концептуальное соседство тех слов, которые оказываются в одном контексте с искомым. Иными словами, статьи и монография Назирова были представлены в виде графа, в котором узлами являются слова, а ребра отражают их совместную встречаемость в тексте.

Для начала следует ограничиться только теми терминами, которые употребляются в одном контексте во всем корпусе не менее 50 раз, то есть ребро в графе появляется между узлами только тогда, когда во всех анализируемых текстах Назирова слова-узлы оказались рядом 50 и более раз. Рассмотрим окно в 5 слов (см. рис. 1).

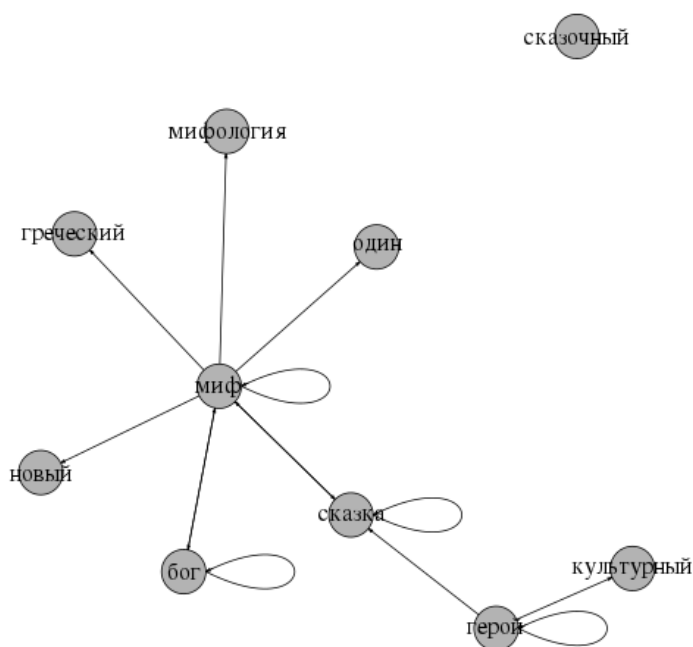

Рис. 1. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Назирова в окне 5 (случаев совместной встречаемости не менее 50)

Визуализация хорошо показывает центральное понятие среди рассматриваемых, это понятие мифа, который связан прежде всего с понятиями бога (этот термин в графе имеет т. н. «петлю», то есть зафиксирована его встречаемость с самим собой), сказки и мифологии в целом. Любопытны попавшие в эту модель прилагательные: «новый» и «греческий». Несмотря на широту эрудиции ученый всё-таки чаще, чем можно было бы ожидать, обращается к иллюстрации своих идей с помощью

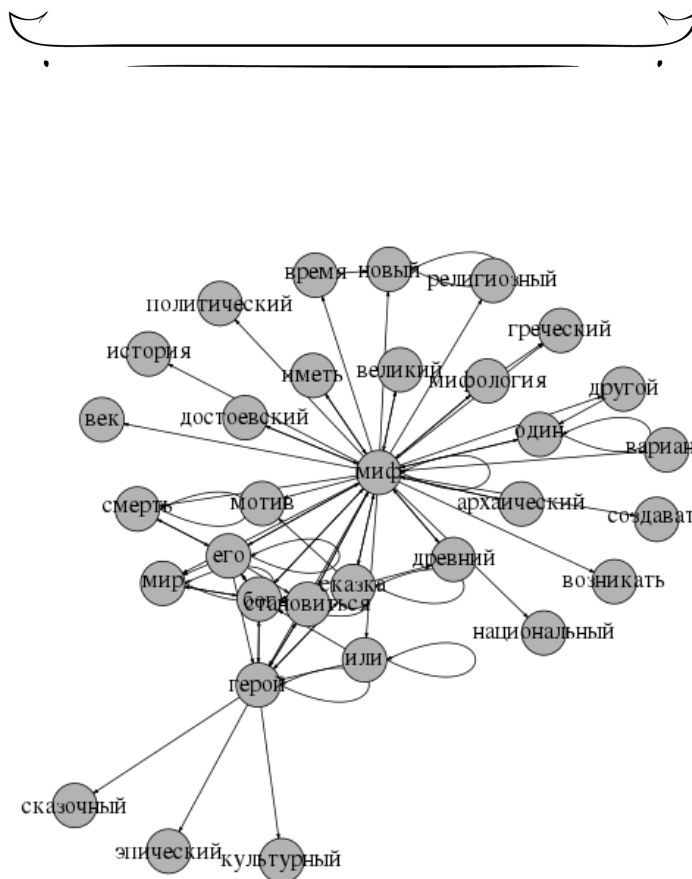
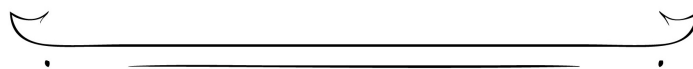

Рис. 3. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Назирова в окне 5 (случаев совместной встречаемости не менее 30)

Хорошо видно, как термины обрастают важными определениями. Так, центральное понятие для анализируемого корпуса, миф, в концепции Назирова предстает в таких аспектах как «политический», «великий» (сказывается характерная для Назирова эмоциональность подачи исторического материала), «религиозный», «архаический», «национальный», а герой может быть не только «культурным», но и «сказочным» и «эпическим».

Тот же миф при более пристальном рассмотрении соседствует с такими словами как «век», «возникать», «история», так или иначе отражающие диахронический аспект темы. Благодаря этому видно, что Назиров сосредотачивается на времени жизни мифа, а не пишет его вневременную «теорию».

Любопытны и такие понятия, которые оказываются связаны внутри графа сразу с несколькими узлами. Так, греческий дискурс востребован и в контексте мифа, и в контексте мифологии в целом. Важное в этом контексте понятие бога сопряжено и с понятием «героя», и с понятием «мира». Впервые встретившийся нам «мотив» оказывается связан как с мифом, так и со сказкой, а последняя связана с определением «древний», ровно как и сам миф. Кроме «мотива» граф показывает нам и ещё один специфичный термин фольклористики: «вариант».

В то же время граф с окном в 3 слова даже для лимита в 30 совместной встречаемости предельно аскетичен (см. рис. 4).

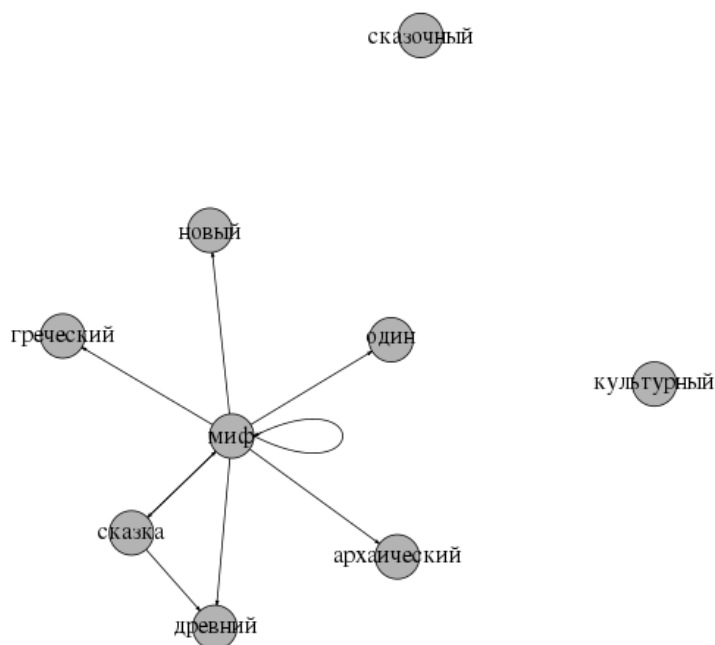

Рис. 4. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Назирова в окне 3 (случаев совместной встречаемости не менее 30)

Это говорит о том, что в целом одинаковые слова неохотно попадают в один контекст у Назирова, и совместная встречаемость именно отражённых на рисунке терминов предельно нагружена концептуально, то есть их представленность на графике значима, и к этому следует отнестись серьёзно. Показательно здесь одновременное функционирование сразу двух синонимичных определений: «древний» и «архаический». Очевидно, вопросы происхождения и исторических истоков интересуют Назирова чуть больше, чем современная политическая проекция мифологических представлений. Хотя при этом мы наблюдаем и другое прилагательное временного ряда: «новый». Их оппозиция, по всей видимости, и отражает главную семантическую ось концепции Назирова.

Следующий шаг в расширении модели терминологического тезауруса мы сделаем, сбросив лимит до 25 совместных словоупотреблений. Получившаяся картина отражена на рис. 5.

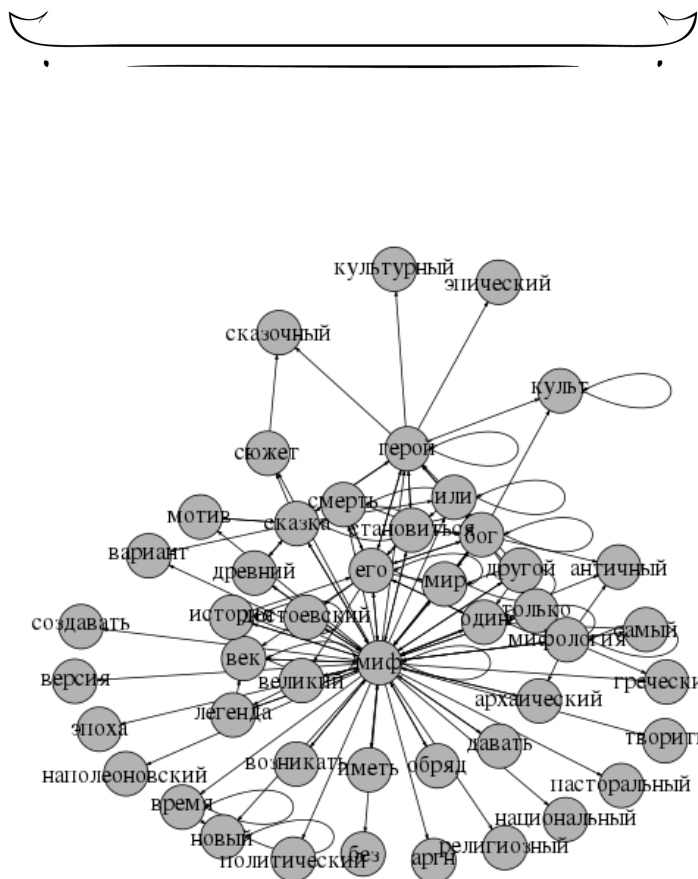
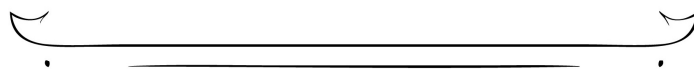

Рис. 5. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Назирова в окне 5 (случаев совместной встречаемости не менее 25).

Здесь проявляют себя новые для нас и весьма важные определения мифа: «наполеоновский», «пасторальный». Модель вбирает в себя и больше собственно литературоведческих терминов и терминов фольклористики: «легенда» (оказывается связана ребром с «веком»), «сюжет» (рёбра ведут к «мифу», «сказке» и «сказочному»), «культ» (связан с «героем» и «богом»). Значимо и появление ещё одного временно́го слова: «эпоха».

Отметим, что все представленные графы не случайно имеют звездообразную структуру: в центре модели всегда стоит слово «миф», а другие термины и понятия встраиваются в неё постольку поскольку связаны именно с ним. Разумеется, нужно учитывать, что самым объёмным текстом в анализируемом корпусе выступает монография, посвященная именно мифологической проблематике. В то же время эпицентровость понятия мифа и для других смежных трудов учёного также следует признать справедливой.

Дальнейшее увеличение масштаба в исследовательской оптике (по крайней мере, если пользоваться только визуализацией как инструментом исследования тезауруса) следует признать неконструктивным: расширение модели создаёт трудности в её изучении, так как узлов становится слишком много, и теряется наглядность.

Несмотря на величину корпуса Веселовского, понятия в них не тяготеют к совместной встречаемости. Взаимодействие терминов мы видим на рис. 6, где несмотря на серьёзно пониженный порог попадания в граф, мы видим всего полторы дюжины терминов. Разумеется, центральный среди них — «мотив», образующий вокруг себя конструкцию остальных понятий. Второй по значимости — «сюжет», связанный как с «мотивом», так и с понятием «поэтического» и процессуальным «давать». Пересечения с терминологическим тезаурусом Назирова имеются («сказка», «сказочный», «исторический», «бог»), но все эти термины, очевидным образом, иначе участвуют в образовании общей системы, а «миф» и вовсе отсутствует.

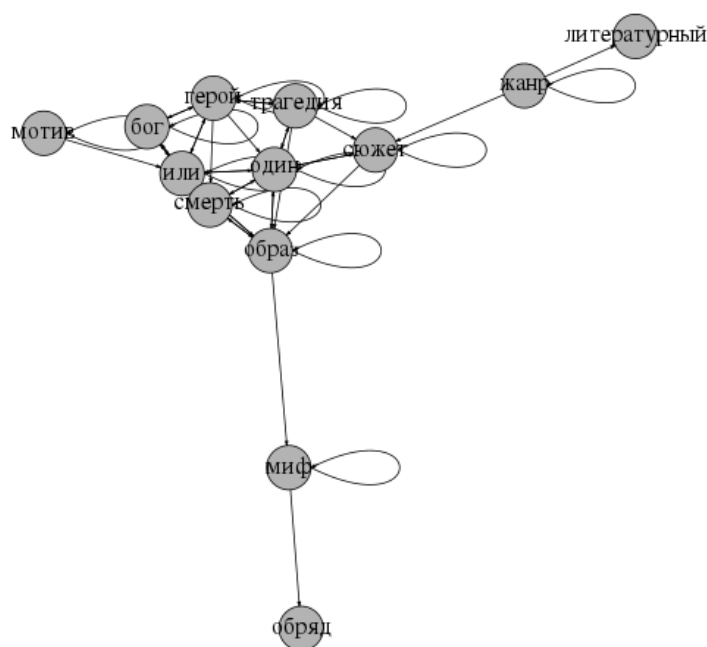

Рис. 7. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Фрейденберг в окне 5 (случаев совместной встречаемости не менее 50).

Совсем иную картину рисуют тексты Фрейденберг (рис. 7). Впервые мы сталкиваемся с ситуацией, когда у терминологической модели нет очевидного центра, ее структура не звездообразна, и в центральной части графа узлы густо переплетены рёбрами совместной встречаемости. «Герой», «бог», «трагедия», «образ», «смерть», «сюжет» имеют каждый по несколько соседей, и все они (то есть по-настоящему — никто) пытается претендовать на статус главного термина. «Мотив» (главный для Веселовского), «миф» (главный для Назирова) и «жанр» оказываются

периферийными понятиями, так как связаны с центральной кликой узлов всего одним ребром.

Ещё более запутанную для визуального анализа картину мы наблюдаем при окне в 5 слов и весе ребра не менее 40 (рис. 8).

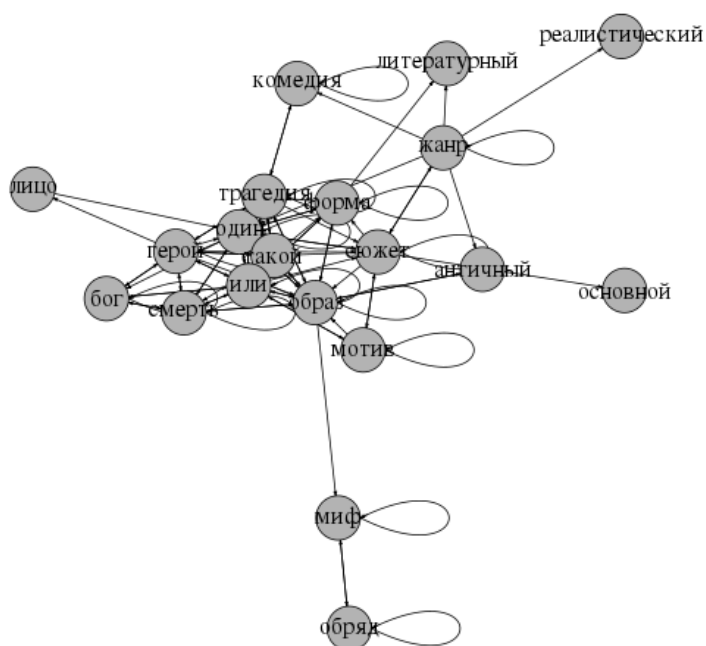

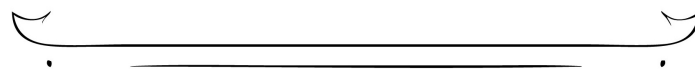
Рис. 8. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Фрейденберг в окне 5 (случаев совместной встречаемости не менее 40).

Ситуация с центральным понятием системы не проясняется, в центральную клику добавляются новые понятийные единицы («форма», «лицо»); «миф» по-прежнему образует только ответвление «образа» в то время как «мотив» теснее связывается с «образом» и «сюжетом».

Примечательно, что и у Назирова, и у Фрейденберг как центральное содержательное понятие мифа, проявляющее себя в терминологической системе, отчётливо выделяется «смерть».

Объём корпуса Мелетинского и связанность терминов в его текстах приводит к тому, что даже высокие пороги пропускают на граф солидное число узлов.

Центральным понятием терминологической системы Мелетинского является понятие «героя» (см. рис. 9). Именно с ним объединяются важный для Фрейденберг термин «образ», определения «сказочный» и «мифический». При этом «миф» играет

роль второстепенного центра.

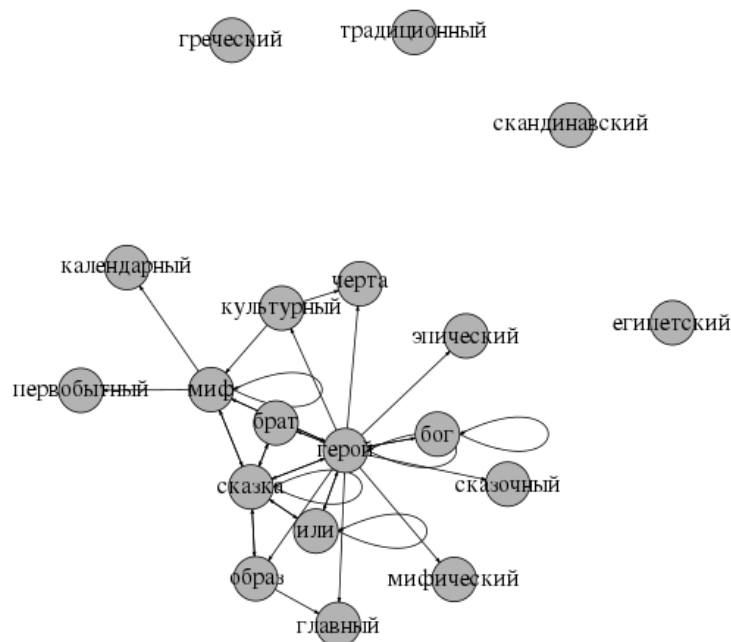

Рис. 9. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Мелетинского в окне 3 (случаев совместной встречаемости не менее 50).

Обращают на себя внимание повторяющиеся элементы терминологической системы Назирова соседи миф — сказка, миф — первобытный, герой — бог, герой — культурный. Это не слишком удивительно, известно, что Назиров во многом ориентировался на обобщения Мелетинского в сфере мифологии (хотя и не всегда был с ними согласен), часто цитировал их. Впрочем, он цитировал и Веселовского, и Фрейденберг. Очевидно, сходство между терминологическими системами Мелетинского и Назирова лежит на более глубоком уровне, чем простое внимание к работе старшего коллеги.

Ещё более явно тенденцию к образованию двух центральных структур графа вокруг понятия «героя» (главного для Мелетинского) и понятия «мифа» (важного для Мелетинского и центрального для Назирова) демонстрирует рис. 10. Хорошо видно, что у «мифа» на треть меньше соседей, чем у «героя».

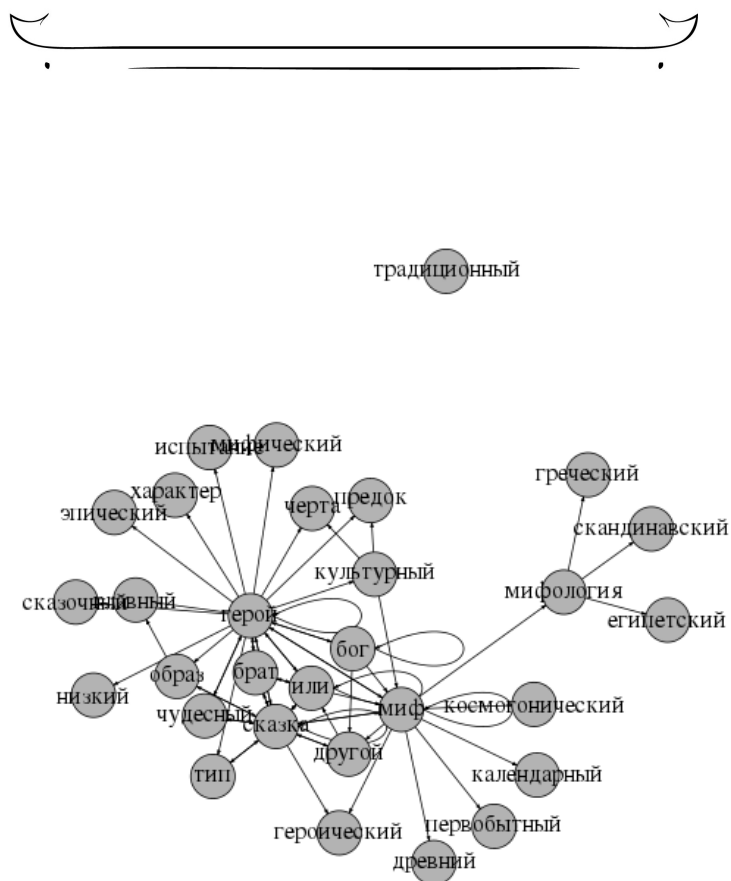

Рис. 10. Граф, отражающий совместную встречаемость терминов в текстах Мелетинского в окне 3 (случаев совместной встречаемости не менее 40).

Здесь по контрасту с графом, построенным по текстам Назирова, обращают на себя внимание соседи термина «мифология». Если для Назирова из конкретных мифологических систем в этом месте упоминалась только греческая, то Мелетинский в дополнение к этому последовательно говорит о скандинавской и египетской.

Итак, терминологические модели, построенные в виде графов, учитывающих совместную встречаемость терминов четырёх учёных, выявили разницу в стремлении слов к совместной встречаемости (противоположностями в данном случае выступают Веселовский, у которого одинаковые слова чрезвычайно редко встречаются в одном контексте, и Мелетинский, у которого термины постоянно фигурируют в одном текстуальном окружении); в иерархическом расположении терминов внутри модели (центральным понятием для Назирова является «миф», для Веселовского «мотив», для Мелетинского «герой», а у Фрейденберг такое понятие отсутствует). Можно сделать предварительный вывод о том, что именно на терминологическом уровне тексты Назирова в большей степени зависят от влияния Мелетинского, нежели Веселовского (что не исключает иного положения вещей на других уровнях). Хотя, разумеется, подобного рода изыскания ещё нужно продолжать.

Рецензии

Данилин С. Ю.
Башкирский государственный университет

«У каждого смысла будет свой
праздник возрождения»
Рецензия на «Назировский
сборник» (2011)

По всей вероятности, рецензируемое издание является предшественником «Назирова архива» и совпадает с ним по своим задачам. Это одна из первых попыток актуализации идей Р. Г. Назирова и интерпретации его научного и художественного наследия в традиционной форме сборника исследований и материалов. Попытаемся разобраться, о чем свидетельствует этот «пилотный» выпуск «Назирова архива».

Публикаторы награждают Назирова высоким определением «выдающийся ученый» и всем содержанием сборника стремятся показать «уникальность» его фигуры для отечественного литературоведения. Для сравнения приводится случай М. М. Бахтина, также заслужившего сначала сборник «Проблемы научного наследия М. М. Бахтина» (Саранск 1985), а затем «журнал научных разысканий о биографии и теоретическом наследии» «Диалог. Карнавал. Хронотоп. (Витебск. Москва, 1992—2001, 2009—2013). Нужно сказать, что издание моножурнала еще не есть доказательство высокой значимости центральной фигуры, это дань уважения и проявление воли учеников и последователей Р. Г. Назирова. Значимость его наследия покажет время и осознание глубины открытий ученого научной общественностью¹. А этому как раз способствуют, являются необходимым, но все-таки недостаточным моментом, издания подобного типа. Обратимся к содержанию сборника².

Исследовательская часть открывается статьей М. С. Рыбиной, в которой ставится проблема понимания мифов и их развития Р. Г. Назировым.

Автор указывает, что миф не интересует Назирова в своей бытийственной самодостаточности, он рассматривается как «фонд культуры», как источник фабульных схем в литературе.

В работах Назирова нет единого определения мифа, в различных контекстах им подчеркиваются те или иные аспекты этого феномена. Обобщая данные определения, М. С. Рыбина формулирует смысловое существо мифа по

¹ Кстати сказать, до сих пор фамилию Р. Г. Назирова можно встретить только в Википедии, информации об ученом, увы, нет, например, в издании: Словник проспекта словаря Русские литературоведы XX века: Проспект словаря / Клинг О. А., Холиков А. А. М., 2010.

² Сразу же приходится оговориться, что отдельной проблемой, особенно для 2011 года, является отсутствие публикаций важнейших архивных работ Назирова, на которые опирались авторы исследовательских статей.

Назирова: «Миф есть форма мышления, объяснительно-повествовательная структура и алгоритм поведения, т. е. осознанная либо бессознательно воспринимаемая мотивация деятельности» (с. 9). В плане этого определения Назиров становится близок к отечественной фольклорно-филологической традиции, к которой можно отнести В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова и др. Но тем самым он дистанцируется от иных, не менее авторитетных традиций интерпретации мифа.

Во-первых, философской трактовки мифа как принципиально нерассудочного, непознавательного феномена. Например, А. Ф. Лосев категорически утверждал, что миф обладает какой угодно, «но только не познавательной функцией»³, с ним солидарны О. М. Фрейденберг, Ф. Х. Кессиди⁴.

Во-вторых, семиотическо-нарратологическому пониманию мифа, согласно которому миф принципиально анарративен, бессобытиен. К этой традиции можно отнести опять же работы О. М. Фрейденберг⁵, Ю. М. Лотмана⁶, из современных отечественных нарратологов — В. И. Тюпу⁷.

³ Лосев А. Ф. Мифология // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 457—467.

⁴ Среди приводимых М. С. Рыбиной определений мифа Назировым только одно близко к лосевскому пониманию мифа: «Миф есть объяснительное развёртывание исходного антропоморфного символа». Как мы помним, по Лосеву, миф есть человек и миф есть развернутое магическое имя. Но и здесь заложена отдельная проблема интерпретации мифа учеными.

⁵ «Наррация есть понятийный миф <...> Наррация — только рассказ. И рассказ «о», а не сам миф в его субъекте и объекте. Правда, в наррации сохранен весь былой инвентарь мифа в виде вещей, живых тварей, связей, мотивов. Но здесь это уже стало персонажем, сценарием, сюжетом, но не самой «предметной» (протяженной) и «зримой» природой, нерасторжимой с человеком. Миф, который довел самому себе, обратился в объект изображения» — пишет Фрейденберг в работе «Образ и понятие». Фрейденберг О. М. Образ и понятие // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 283.

⁶ Мифы «играли классификационную, стратифицирующую и упорядочивающую роль. Они сводили мир эксцессов и аномалий, который окружал человека, к норме и устройству. Даже если при пересказе нашим языком эти тексты приобретают вид сюжетных, сами по себе они таковыми не являлись. Они трактовали не об однократных и закономерных явлениях, а о событиях вневременных, бесконечно репродуцируемых и, в этом смысле, неподвижных». Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3-х тт. Таллин, 1992. Т. 1. С. 225.

⁷ В. И. Тюпа в одной из недавних работ относит миф к архаичной дискурсной формации «покоя», для которой доминантной интенцией является «преодоление тревоги, сохранение и поддержание прецедентного миропорядка» Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М., 2010. С. 104.

Из опубликованной в 2014 году монографии «Становление мифов и их историческая жизнь» мы можем восстановить виденье Назировым наиболее «таинственного» первичного этапа рождения мифа. Архаический миф, по Назирову, был краток и не имел причинно-следственной структуры и сюжета. Первоначальные эмоции и представления отражали действительность, с которой сталкивается человек, и фиксировались в памяти, которая старше языка. Для пролонгации мнемонической функции сознания и начинают формироваться миф и язык, «развитие языка совершалось в форме мифов, но, по-видимому, крайне элементарных. Фраза — протоформа сюжета»⁸. То есть донарративный этап мифа описывается Назировым как наивно реалистический, вырастающий из довербальных представлений и эмоций. Назиров уделяет много внимания «практичности мифа», приходится признать, что при описании архаического и классического этапа развития мифа создается некая натуралистическая эволюционная эпистемология мифа, где важнейшим пунктом становится приспособление человека-мифотворца к условиям среды. И в такой трактовке Назиров не выходит за пределы эмпирического, повседневного опыта и не затрагивает то, что сейчас принято называть «метафизикой мифа», тем самым не учитывает то, что в мире, где «всё есть всё», другая каузальность.

Но возвратимся к более сильной и развитой стороне мифоконцепции Назирова в изложении М. С. Рыбиной — сюжетному функционированию мифов. Проходя развитие от архаики через высокую мифологию к светской «деградированной» мифологии, сюжетный миф преобразуется в индивидуально-личностном творчестве, становится многослойным и аккумулирует в себе как общинное, массовое, так и личностное представление о мире, в сюжете произведений реализуется сложная диалектика «сопричастности коллективу» и борьбы личности с «оболваненным коллективом»⁹.

И здесь логично исследователь устанавливает связь между мифоконцепцией и сравнительной историей фабул в научном наследии Назирова. На определенном этапе развития складывается национальная мифология, в формировании которой ведущая роль принадлежит повествовательному искусству, соответственно национальная мифология оказывает влияние на фабульный фонд литературы.

⁸ Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 14.

⁹ Эта оппозиция очень напоминает предметную дихотомию бахтинского научного наследия: карнавальность Рабле и персоналистичность Достоевского.

В развитии национальной фабулистики М. С. Рыбина прослеживает формирование «магистральной» фабулы на примере мотива «эпической кражи» и образа «героического вора». Мифологические фабулы самоорганизуются в циклы, у которых есть начало как этап скрещения фабул и определенный этап завершения, важнейшим моментом здесь является соотношение традиционных фабул с новой действительностью.

Далее исследователь стремится соотнести мифологическую основу фабулы с ее литературным развитием в творчестве А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, творчество которых, по мнению Назирова, стало фабульной основой всей русской литературы XIX и XX веков¹⁰.

В национальном фабульном репертуаре русской литературы Назиров выделяет 10 фабул: по 5 у Пушкина и Гоголя соответственно. Пушкинские фабулы и мифооснову Рыбина формулирует следующим образом: 1) роман о русской усадьбе, в основе которого лежит миф о потерянном рае, 2) фабула об ограблении бедняка, миф о городе — «Ваале», в российском контексте «петербургский миф», 3) фабула о колдуне-предателе, миф об Иуде, 4) фабула любви среди войны, или аграрная (а почему не инициатическая?) фабула перехода через смерть, 5) фабула о трагедии узурпатора, в основе которой архетип борьбы сына против отца. Гоголевские фабулы: 1) об избавлении девушки, в основе которой элементы календарной мифологии, карнавальность, поединок с зимой и элегический финал воспоминания о «золотом веке», 2) фабула о мудрости безумца, евангельский миф о безумстве перед миром, сюжет борьбы с Мировым злом, 3) фабула о продавшемся таланте, миф об искушении, договоре с дьяволом, 4) фабула о возрождении грешника, аграрный миф о смерти и воскрешении, в основе которого ситуация нисхождения в мир мертвых, 5) фабула о безволии мечтателя, противоестественное возвращение в прошлое, идиллию, сон — смерть, участие дьявола в деградации героя, доминирование героини, архетип «жена-мать».

М. С. Рыбина усматривает в картине фабульного репертуара общие моменты и внутреннюю системность. Первая пушкинская фабула определяется как основная, инициирующая всю последующую фабулистику: «большой «мифологический» цикл (разрушение «идиллической замкнутости» и последующие поиски утраченной гармонии, попытки её восстановления) охватывает все 10 фабул и актуализируется в первой пушкинской, первой и последней гоголевской, образуя узловые звенья цикла» (с. 14). Этот

¹⁰ Далее М. С. Рыбина обращается к тексту неизданной до сих пор диссертации и мы вынуждены опираться только на изложенные в статье факты и доступный автореферат.

мифологический фабульный архетип позволяет представить фабульный репертуар русской литературы в жестком соотнесении пар. Исследователем сближаются вторые фабулы в наследии Пушкина и Гоголя на основании мотива поединка с Мировым злом, но оговаривается, что Назиров разделял их из-за финалов в «Медном всаднике» и «Записках сумасшедшего». Дополняют друг друга третьи фабулы как варианты мотива соглашения со Злом, в русской литературе реализуется контаминация образов Иуды и Фауста через мифологему договора с дьяволом, пример — образ Ставрогина, Иуды в фаустианском облике. В четвертых по счету фабулах общим является мотив «переход через смерть» и оптимистичный финал возрождения героя. Пятые фабулы оказываются контрастны по оппозиции «пассивность — активность» героев, «катастрофа — спасение». Выводом М. С. Рыбиной служит указание на обязательную связь сравнительной истории фабул с мифологией и акцент на важнейшей роли «художника-мифотворца в процессе оформления национальной мифологии» в культуре Нового времени.

В целом, статья является хорошим началом изучения мифоконцепции Р. Г. Назирова в ее связи со сравнительной историей фабул. Настораживает предполагаемая жесткая системность, логичность соотнесения фабул. Если это так и «творческое есть логическое» (Игорь П. Смирнов), то хотелось бы в дальнейшем понять характер и специфику этой логики.

Можно предположить, что, как у любой концепции с высоким уровнем обобщения, в сравнительной истории фабул, опирающейся на мифологическую фабулистику, возникнут смысловые лакуны, противоречия, но это и будет свидетельством ее высокой разрешительной силы и жизнеспособности. Будем ожидать издания главного детища Р. Г. Назирова — полного текста диссертации.

Вторая статья раздела исследований посвящена традиционно центральному пункту в научном наследии Назирова — достоевсковедению. Но и здесь оказывается, что данная сфера научных интересов Назирова представлена публике «едва ли наполовину» (с. 18).

С. С. Шаулов, автор статьи, дает общий предварительный набросок эволюции достоевсковедческих работ Назирова, от ранних социологических до зрелых рецептивно эстетических и культурологических. Выясняется, что социологизм ранних работ не исчезает, а преобразуется в проблему отношений искусства и действительности.

Важным этапом в этой эволюции становится кандидатская диссертация «Социально-этическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859

—1866 годов» (1966). Увы, первоначально показавшаяся опечаткой ошибка в названии диссертации, стала недочетом в трактовке научной эволюции Назирова автором работы. Исходя из ошибки в заглавии «Социально-эстетическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859—1866 годов» С. С. Шаулов делает вывод: «Контаминация социального и эстетического у Назирова неизбежно приводит к этической постановке проблемы» (с. 20). Нам представляется, что все-таки логика здесь несколько иная. Назиров совершает переход от социальной к этической проблематике, а затем к специфике эстетического, художественного начала в творчестве Достоевского, пишущего «не для красоты, а для истины». Но в любом случае сохраняется акцент на этической доминанте трактовки творчества Достоевского. Этико-эстетическая парадигма в исследованиях Назирова, по всей вероятности, идет от традиции С. Кьеркегора, рецептивными факторами в творчестве Достоевского являются не только болевой эффект и эффект обманутого ожидания, но и этико-эстетический диссонанс как проявление авторской позиции. Вполне вероятно, что специфическая художественная система Достоевского формирует в сознании читателя и третью составляющую парадигмы Кьеркегора — религиозный этап развития сознания, для которого необходимо совершить «прыжок веры».

Расширяя и реформируя социологический подход, подключая к интерпретации и анализу литературного произведения этическую реакцию читателя, Назиров, по мнению Шаулова, шел в русле передовых поисков советского литературоведения, поэтому не случайным становится его обращение к научному методу М. М. Бахтина. Исследователь подчеркивает двойственное отношение к Бахтину со стороны Назирова. Но эта двойственность, по нашему мнению, несколько иная, чем сложившееся отношение к Бахтину среди многих отечественных литературоведов 1970—1980-х годов, когда им импонировал моральный пафос бахтинской концепции, но они наотрез отказывались признать вывод о новой позиции автора в произведениях Достоевского и концепцию полифонического романа. С. С. Шаулов совершенно прав, когда говорит, что Назиров принимал концепцию Бахтина с оговорками. Но если учитывать эволюцию научных взглядов Назирова, то, например, по отношению к концепции равноправия автора и героя в произведениях Достоевского этих оговорок становилось постепенно все меньше, сюжетная критика героя автором сводилась Назировым к катастрофе героя, а катастрофа, по Бахтину, «не есть завершение. Это кульминация в столкновении и борьбе точек зрения (равноправных сознаний с их мирами). Катастрофа не дает им разрешения, а

наоборот, раскрывает их неразрешимость в земных условиях, она считает их все, не разрешив»¹¹.

С нашей точки зрения, отношение Р. Г. Назирова к М. М. Бахтину вообще и его научному наследию в частности представляет отдельную проблему. Мы не знаем точно, встречались ли они, по всей видимости, нет. Но, например, издатели каталога личной библиотеки М. М. Бахтина обнаружили в журнале Forum [Zagreb] за декабрь 1964 года письмо Бахтину за подписью Branimir Donat, адрес на конверте следующий: Тов. Назиров Роман Г. Москва, В-234 зона «В», б 624. СССР. Из этого был сделан вывод: «Письмо было отправлено из Загреба Р. Г. Назирову, жившему в это время в общежитии МГУ на Ленинских горах. Судя по всему, именно Назиров передал это письмо М. М. Б.»¹².

Более важным представляется следующее. Можно найти много параллелей между Назириым и Бахтиным в их отношении к научному творчеству, в их жизненной позиции. Оба предъявляют максимальные требования к публикации своих работ, отсюда большое количество заготовок и материалов для себя в архивах, для обоих характерен энциклопедический размах научных интересов, оба зарекомендовали себя как замечательные лекторы, для обоих важен факт написания, а не издания работ, приоритетной является внутренняя, духовная жизнь и работа, а не внешняя ее выраженность в форме научных званий и заслуг (если бы не было необходимости в докторском статусе руководителя для учеников Назирова, то, возможно, он так и остался бы кандидатом филологических наук до конца жизни, как это и произошло в случае с Бахтиным). Это сравнение можно продолжить, вспомнить неклассическую стилистику научных работ обоих ученых — художников от науки, упоминаемую выше оппозицию лично-персоналистической установки Достоевского и фольклорно-мифологического начала в их научных интересах... Создается впечатление, что либо Назиров сознательно или бессознательно воспроизводил максималистски-волевою жизненно-нравственную позицию М. М. Бахтина,

¹¹ Бахтин М. М. 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5. М., 1997. С. 357. Подробнее об эволюции отношения Р. Г. Назирова к концепции полифонического романа см. нашу работу Данилин С. Ю. Одна из рецепций «полифонического романа»: версия Р. Г. Назирова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. № 2 (42). 2009. С. 151—161. Иная точка зрения представлена в работе: Короткова Ю. В. Теория Автора в современном литературоведении: М. М. Бахтин и Р. Г. Назиров // Назировский архив. 2014. № 1 (3). С. 150—155.

¹² Ключева И. В., Лисунова Л. М. М. М. Бахтин — мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. С. 167.

либо они типологически принадлежали к «младшей» линии научного сообщества, в которой важным представляется максималистское отношение к науке, постановка проблем во всей их глубине и широте при небрежении внешними формами воплощения в официальной науке.

Но вернемся к статье С. С. Шаулова. Исследователь отмечает, что первая обобщающая работа Назирова о Достоевском, неопубликованный курс лекций «Творчество Достоевского. Проблематика и поэтика», была создана в диалоге с Бахтиным. В этом курсе были сформулированы важнейшие пункты в творческой географии мира Достоевского — организация внутреннего мира произведений, время, концепция человека, идеология романа, специфика трагического и комического пафоса, поэтика сновидений и характерность стиля. В дальнейшем эти пункты были развиты или критически осмыслены в монографии «Творческие принципы Достоевского» (1982).

После детального описания персоналистического мира романов Достоевского Назиров включает его в орбиту концепции сравнительной истории фабул, уже сформулированной к тому времени. Соответственно, творчество Достоевского приобретает мифопоэтический и фабульный план в их синтезе. Шаулов справедливо утверждает, что Достоевский объединяет фабульные линии Пушкина и Гоголя, а его литературное мифотворчество формирует сюжет «временного торжества нигилизма и тирании».

Подводя итоги, исследователь делает два вывода. Во-первых, индивидуальность Назирова-достоевсковеда проявляется в стилистике его научных работ, которая в свою очередь вытекает из проблематики творчества Достоевского. Этическая проблематика, «эстетика режущей правды» требуют от исследователя особого, «незатертого» языка, пробуждающего читательское сознание. Можно предположить, что установка на публицистичность в стиле Назирова есть проекция художественности Достоевского на научный стиль самого исследователя.

Во-вторых, Шаулов подчеркивает, что специфика достоевсковедческих работ Назирова заключается в равновесии «методологических подходов и интерпретационных схем», когда здоровый социологизм сочетается с мифопоэтикой, элементы рецептивной эстетики с тончайшим стилистическим анализом. Объединяет эти подходы опять же «эстетика режущей правды» Достоевского.

Конечно же, в одной статье невозможно было отразить все моменты достоевсковедческих интересов ученого такого масштаба, как Р. Г. Назиров. В дальнейшей разработке этой темы хотелось бы увидеть учет эволюции научных

представлений Назирова, выяснить, какие научные факты сохранили для него свою значимость в последние годы, а от каких он отказался. Необходимо ввести в контекст исследования не менее значимые проблемы прототипов, повествовательной манеры, мистического сюжета, автобиографического мифа и пр. Главное на этом пути — стремиться сохранить адекватность интерпретации, поддерживать равновесие между вживанием и отстранением в процессе воссоздания назировского мира Достоевского.

Заключительная исследовательская работа Б. В. Орехова посвящена наиболее малоизвестному факту в творческом наследии Назирова — его художественному творчеству. Автор статьи о «короткой» прозе Назирова, обозначив временные рамки «активной писательской деятельности» 1950-ми — началом 1970-х годов, сразу же отмечает, что прозаические опыты Назирова, при всех его писательских амбициях, традиционны и находятся в контексте эпохи «оттепели», сюжетная схема банальна, важнейшее светлое пятно — это стилевые моменты и художественные детали (с. 28).

Возможно, что из-за явной художественной слабости этих прозаических опытов не стоило им уделять так много внимания, но, по всей вероятности, ученики и издатели архива Назирова планируют воссоздать целостный образ учителя, что и требует от них учета и этой стороны его творческой биографии.

Б. В. Орехов скрупулезно анализирует как важнейшие особенности рассказов Назирова, так и авторские маргиналии к ним, подчеркивает, что исходный момент литературного творчества автора — язык и стиль, установка на поиск незатертого слова. Причем искусство детали осознается Назировым-прозаиком как главный стилеобразующий компонент. Недостатки малой прозы Назирова вырастают из его стремления быть понятным читателям, часто появляется избыток деталей, возникают лишние авторские пояснения, все это перерастает в комментирование и бытописание.

Далее автор статьи обращается к плану содержания анализируемых произведений, рассматривается система образов, сюжетные схемы, хронотопы рассказов. Персонажи — типичные герои оттепели, «труженики и комсомольцы», занятые работой или учебой, иногда им противопоставляется «богема», есть и исключение: герой-маргинал, вор из рассказа «Человек без особых примет». Традиционно женщина-персонаж это оселок для мужчин. Пространство рассказов — город, институт, комсомольская организация. То есть в малой прозе Назирова присутствует основной набор оттепельной прозы, соответственно она включается Ореховым в три плана — литературы оттепели, соцреализма, мировой в целом и русской классики в частности, хотя в связи с

художественной «традиционностью» возникают сомнения по поводу необходимости последнего плана. Кроме того, как утверждает исследователь и подтверждает это анализом, проза Назирова — менее всего сталинский извод соцреализма.

Задачей дальнейшего анализа малой и большой прозы Назирова Б. В. Орехов считает сопоставление ее художественных принципов с литературоведческими работами ученого. Но уже на основе представленного анализа можно сделать вывод об особой роли детали как для художника, так и для исследователя. Вспомним, например, статью «Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива)» (1964), в которой на основе детали дается определение художественного эффекта: нога на картине — это гибель красоты¹³.

В финале статьи автор дает два объяснения причин художественной «традиционности» (читай — «слабости») короткой прозы Назирова. Первое, несколько натянутое, — исчезновение обаяния «оттепели» совпало с утратой писательских амбиций. Второе, более предметное, — избыток рефлексии создает «сальерианское» отношение к творчеству. Но ведь и это объяснение — традиционный миф о творчестве. Ко второй половине 1960-х годов, Назиров, по всей вероятности, был знаком с черновиками отдельных великих русских писателей и мог представлять, сколько труда, рефлексии, кропотливой работы вложено в создание «легких и беззаботных» гениальных художественных текстов. Более адекватным нам представляется самое простое объяснение (которое, конечно же, ничего не объясняет) — Назиров осознал в ходе своих художественных опытов недостаток способностей, писательского таланта, а писать плохо, при его максимализме, он явно не хотел.

Раздел публикаций открывается «реконструкцией» доклада Назирова «Спор Достоевского с Кальдероном». В Предисловии к публикации М. С. Рыбина дает описание архивных материалов доклада и обозначает хронологические границы написания работы — 1975—1979 года. При этом остается неясным, был где-то прочитан доклад, либо так и остался архивным материалом. Актуальность публикации доказывается перспективами дальнейших исследований и специфическими ракурсами рассмотрения проблем.

Начинается доклад в традиции сравнительной истории фабул. В основе сюжета пьесы Кальдерона лежат две фабулы — «Халиф на час» и фабула о человеке, воспитанном в изоляции. Первая у Кальдерона — внешний

¹³Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Уфа, 2005. С. 14—15.

конструкт. Вторая — инверсия традиционной фабулы, изоляция не спасает героя от мира, а, наоборот, спасает мир, правителя от героя.

Далее делается вывод о негативной природе человека у Кальдерона и прослеживается спор о природе человека в европейской культуре 18 века.

Как нам показалось, этот вывод — «Кальдерон пессимистически оценивает саму природу человека» (с. 46) — не совсем логичен, он не вытекает из фабулы пьесы. Сехисмундо — злодей не по природе, а по судьбе, по предсказанию. Не заточение и отсутствие культурного влияния делает его «диким эгоистом», а рок. И основной пафос пьесы в нравственном преодолении судьбы. Уже чуть ниже, в дополнительных материалах к докладу, Назиров пишет: «<...> если принц действительно «победил свою судьбу», то значит, Кальдерон в самом деле утверждает свободу воли. Значит, он разделяет мнение короля Басилио: «Человек сильнее, чем звёзды». Значит, Кальдерон остаётся на позициях гуманизма. Католического гуманизма! Ибо свобода воли заключается в вере и смирении. Таковы парадоксы Кальдерона» (с. 50). Хотя в следующем блоке подготовительных материалов автор вновь возвращается к концепции врожденных свойств человеческой природы.

Вторым смысловым блоком является история Каспара Хаузера, которая в глазах «авторов сенсаций» приобретает мотив высокого происхождения ребенка-узника и фабульную близость к пьесе Кальдерона. Далее концепция «обрастает» новыми мотивами — неведение сана, опыт власти, приводится сравнение со средневековым романом «История Валентина и Орсона», драматической сказкой Грильпацера «Сон есть жизнь» и делается переход к русской литературе и Достоевскому, его замыслу романа «Император». Назиров сосредотачивается не на сходстве этой «поэмы» с пьесой Кальдерона, а на различиях, главное из которых заключается в том, что Сехисмундо жесток, а Иван Антонович добр, и делает из этого вывод, что Достоевский спорит с Кальдероном о природе человека. Далее прослеживаются связи между историей Каспара Хаузера и образом Мышкина.

В заключительном блоке материалов разбирается антропология Достоевского, подчеркивается двойственность в оценке человека и вновь затрагивается тема свободы: Бог создал человека свободным в выборе между добром и злом, мораль для Достоевского имеет мистические корни.

Как нам представляется, доклад не был завершен именно из-за неопределенности предмета полемики: природа человека или проблема свободы человека в нравственном выборе. Сехизмундо делает моральный выбор независимо от того, сон перед ним или явь:

Что важно — оставаться добрым:
Коль правда, для того, чтоб быть им,
Коль сон, чтобы, когда проснемся,
Мы пробудились меж друзей ¹⁴.

Для Достоевского же мораль предопределяется «первоначальным ощущением Бога» (с. 55).

Следующая, представленная в сборнике публикация Назирова — это статья-доклад «Н. В. Гоголь и английский готический роман». В Предисловии Б. В. Орехов отмечает, что текст представляет собой доклад, по всей вероятности непрочитанный, и является частью большой работы о готике в русской прозе. Датируется он 2003 годом.

В первой части доклада представлена краткая история развития жанра готического романа в европейской литературе и его важнейшие элементы: тайна как центральный мотив, интрига как средство напряжения сюжета, замок — «лабиринт», мотив проклятия, неизбежной кары, добродетельный невинный герой противопоставляется мизантропическому готическому злодею, являющемуся предшественником романтических героев.

Во второй части автор переходит к выявлению готических элементов в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» и уяснению специфики этой повести в контексте готической традиции. Есть в повести Гоголя невинная жертва — пани Катерина, злодей, — ее отец-колдун, замок, мотив проклятия рода и мести. Назиров четко определяет фабульную схему повести Гоголя: «Предательское убийство патриарха и узурпация, проклятие на всем роде предателя, преступная жизнь последнего в проклятом роду, его инцестная страсть и убийство собственной дочери, явление гигантского призрака и свершение фатального приговора над проклятым родом» (с. 60—61). По этой схеме «Страшная месть» совпадает с «Замок Отранто» Г. Уолпола. Отличием гоголевской повести является ее художественность, фольклорность, национально патриотическая тема. Завершается доклад выводом в традиции сравнительной истории фабул: «Гоголь соединил трансформированные фабулы «Полтавы» и «Замка Отранто» и переплавил их в пламени украинского лиризма. Так и возник единственный в русской литературе готический роман — «Страшная месть» Гоголя» (с. 61).

¹⁴ Кальдерон де ла Барка П. Жизнь есть сон // Кальдерон де ла Барка П. Драммы в 2-х книгах. М., 1989. К. 2. С. 100.

Современные отечественные исследователи обратились к теме готического романа в контексте русской литературы совсем недавно. В 2008 году в РГГУ был издан под редакцией Н. Д. Тamarченко, хорошо знакомого Р. Г. Назирову, сборник «Готическая традиция в русской литературе». Опираясь на западные исследования готики, авторы сборника выделяют два типа готического романа — сентиментально-готический и «черный» роман, в этом плане повесть Гоголя тяготеет к первому типу, но в ней есть и элементы второго: ужасное и таинственное не имеет естественного объяснения, в произведении нет однозначного решения нравственных проблем. У Гоголя наказаны оба брата: и убийца, и жертва, «именно за неспособность простить»¹⁵.

Остается до конца непонятным, почему Назиров назвал «Страшную месть» единственным в русской литературе готическим романом, ведь, например, отдельные повести А. А. Бестужева-Марлинского также принадлежат к этой традиции? Увы, нам сейчас недоступно полное издание работы Назирова о готическом начале в русской прозе¹⁶, остается только надеяться, что из нее станет понятно соотношение концепции Назирова с концепцией авторов означенного сборника и концепцией В. Э. Вацуро.

Следующая публикация — это рабочие материалы «История формализма в литературоведении». В Предисловии С. С. Шаулов объясняет характер данной работы тем, что это «не результат, а овеществленный в письме процесс мышления» (с. 62). Насколько мы знаем, это и подтверждается С. С. Шауловым, Назиров постоянно уклонялся от методологических обоснований своих работ, в беседах высказывал мысль о том, что каждый литературовед сам выстраивает собственную методологию.

Мы сознательно отказываемся от развернутого рецензирования данной публикации. Оценка ее, уяснение того, как принципы формализма отразились в работах автора — предмет отдельного исследования. Сейчас на русском языке доступны различные истории русского формализма, классические зарубежные — В. Эрлих Русский формализм: история и теория (СПб., 1986), О. Ханзен-Лёве Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения (М., 2001), — новые отечественные, рассматривающие формализм в различных аспектах — А. А. Горных Формализм: от структуры к тексту и за его пределы (Мн. 2003), И. Ю. Светликова Истоки русского формализма: Традиция психологизма и

¹⁵ Готическая традиция русской литературы. М., 2008. С. 110.

¹⁶ Назиров Р. Г. Гоголь, Достоевский и английская готика // Достоевский и мировая культура: альманах. № 30 (часть 2). СПб., 2013. С. 241—280.

формальная школа (М., 2005), Я. С. Левченко Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии (М., 2012) и другие. Естественно, обзор Назирова как «одна из первых отечественных работ, посвященных истории формализма» (с. 65), уступает им и по широте охвата материала, и по глубине анализа. Но нам важно сейчас отметить другое. Если работа не предполагалась к публикации, если это «учебное пособие для себя», то в чем же его цель? Единственное объяснение уже намечено С. С. Шауловым. Это осуществляемая в письме рефлексия и цель ее — серьезное понимание изучаемого феномена, ведь большинству из нас известно, что, только написав статью, прочитав лекцию, объяснив кому-нибудь проблему, начинаешь сам по-настоящему понимать суть излагаемого материала во всей его возможной для тебя глубине.

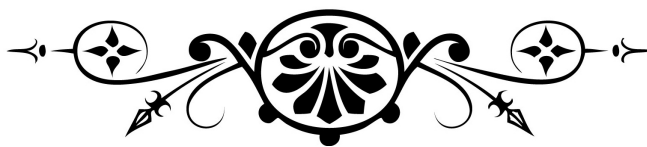
Все подобные работы Назирова «для себя» — подводная часть айсберга, способствующая той легкости и непринужденности масштабных культурно-исторических картин, созданных в научных работах Назирова.

Завершается раздел главой из лекционного курса «Творчество Достоевского. Проблематика и поэтика». В этой главе Назиров сформулировал свое видение жанровой проблемы романа Достоевского.

При обзоре предшествующих определений жанра романа Достоевского Назиров выделяет вариант Вяч. И. Иванова — «роман-трагедия», но «очищенное» от мистических оттенков, вкладываемых в него исследователем-символистом, а также вариант М. М. Бахтина — «полифонический роман», подчеркивая важность таких специфических черт, как герой-идеолог в роли субъекта повествования, хор свободных и неслиянных голосов, персоналистичность истины. Критически оценивает ученый «подключаемую» Бахтиным во втором издании своей книги карнавальную традицию и принцип равноправия автора и героев, трактуемый как «коллективное творчество Достоевского, Раскольникова, Свидригайлова». На формирование жанровой формы романа Достоевского, по Назирову, оказали влияние Н. В. Гоголь, Шекспир, Библия. Четвероевангелие трактуется как протоформа полифонии. В целом, роман Достоевского строится как неповторимый синтез архаических традиций и формируемого модернистского начала. К архаическим национальным традициям Бахтин относит духовные стихи, апокрифы, легенды, аллегорические видения и жития, к модернистскому началу причисляет журнализм и публицистическую диалогичность. Этот синтез духовной литературы и газетно-журнальных жанровых форм и стал основой индивидуальной жанровой формы романа Достоевского. Назиров дает следующее развернутое определение: «Большой роман Достоевского

представляет собой символично-реалистическое и полифоническое житие, изображающее катастрофу героя и с последующей гибелью или возрождением к новой жизни» (с. 91). Как видим, определение синтетическое, присутствуют символический и реалистический план, полифоническое начало, в самом определении «житие» подчеркивается фабульное начало жанра, элементы катастрофы, гибели или возрождения героя. Эта жанровая доминанта может осложняться трагикомическим, сатирическим, утопическим и другими жанрово-модальными формами. По-видимому, это жанровое определение в дальнейшем перестало устраивать Назирова: главу о жанре он (или редактор издания) не включил в книгу «Творческие принципы Достоевского» (1982), фабульная схема нравственной гибели или возрождения героя в смысловом плане не покрывает жанровую семантику жития, герой жития полностью вписан в жанровый канон, и ни о какой его свободе не может идти и речи.

Таким образом, публикации работ Назирова естественно дополняют исследовательскую часть сборника, показывают разносторонность литературоведческих интересов ученого, демонстрируют его стилистику, научно-творческую лабораторию. Сам «Назировский сборник» в целом стал хорошим заделом на будущее, которое осуществляется и по сей день в форме журнала «Назировский архив». Этот факт становится необходимым условием для «праздника возрождения» наследия Р. Г. Назирова в «большом времени». В целом, весь проект обещает создать образ человека эпохи, незаурядной личности, своеобразную «историю моего современника» во всей ее противоречивости и драматичности.

Библиография

Сводная библиография
трудов
Р. Г. Назирова и работ о нём
(1955—2015)

Предварительные замечания

Представляемая здесь библиография трудов Р. Г. Назирова и работ о нём имеет не совсем обычный формат. Так, для удобства исследователей в поле «URL» указаны интернет-адреса, по которым можно ознакомиться с полнотекстовой версией описанных документов. В списке приведены только первые публикации текстов. Републикации не составляют отдельной записи и перечисляются в поле «То же».

Кроме того, мы позволили себе провести некоторую предварительную аналитику библиографических данных (касающихся только его научных трудов), краткие заметки по поводу которой приведены ниже.

Первым образом, необходимо указать на динамику публикационной активности Р. Г. Назирова. Она покажет периоды его творческих подъёмов и спадов, являясь функцией последних. Рассмотрим эти данные в виде графика (Рис. 1).

Рис. 1.

На Рис. 1 приведено количество публикаций учёного в год. При жизни пиковых значений эта ломаная достигает в 1997 году, когда выходит словарь-справочник «Достоевский. Эстетика и поэтика», в котором Р. Г. Назирову принадлежит сразу несколько небольших статей. В остальном учёный выдерживал свой минимум в одну статью в год, начиная с 1970-го года, когда он уже прочно обосновался на работе в Башкирском университете после защиты кандидатской диссертации. В посмертные

годы 2007 и 2008 стали временем без публикаций, так как в это время архив исследователя был недоступен для изучения. 2014 год, напротив, стал беспрецедентным по числу обнародованных текстов учёного.

Однако число публикаций не всегда адекватно отражает объём написанного (как это хорошо заметно в случае с 1997 годом). Рассмотрим другой график, см. Рис. 2.

Рис. 2

Рис. 2 показывает количество страниц Р. Г. Назирова, опубликованных в тот или иной год, а также среднее число страниц на публикацию. Этот график гораздо лучше демонстрирует творческую активность автора. Здесь нивелирован пик 1997 года и заметен выброс 1982 года, когда Назировым опубликована монография «Творческие принципы Ф. М. Достоевского» (этой точке соответствует и пик среднего количества страниц на публикацию). Кроме того, обращают на себя внимание пики 1991 и 1995 (время активной работы над мифологической темой) годов, а также спад между ними, возможно, связанный с подготовкой к защите докторской диссертации и состоянием здоровья.

Продолжение этого графика дано на Рис 3. Данные с 2008 по 2014 год приведены отдельно, так как они разительно отличаются от всего прижизненного периода. Так, в 2014 году было опубликовано около 900 страниц неизданных ранее материалов, кроме того, растёт и среднее число страниц на публикацию, указывающее на то, что всё чаще преданы печати оказываются не только статьи и наброски, но и большие монографические работы, как, например, книга «Становление мифов и их историческая жизнь» (2014).

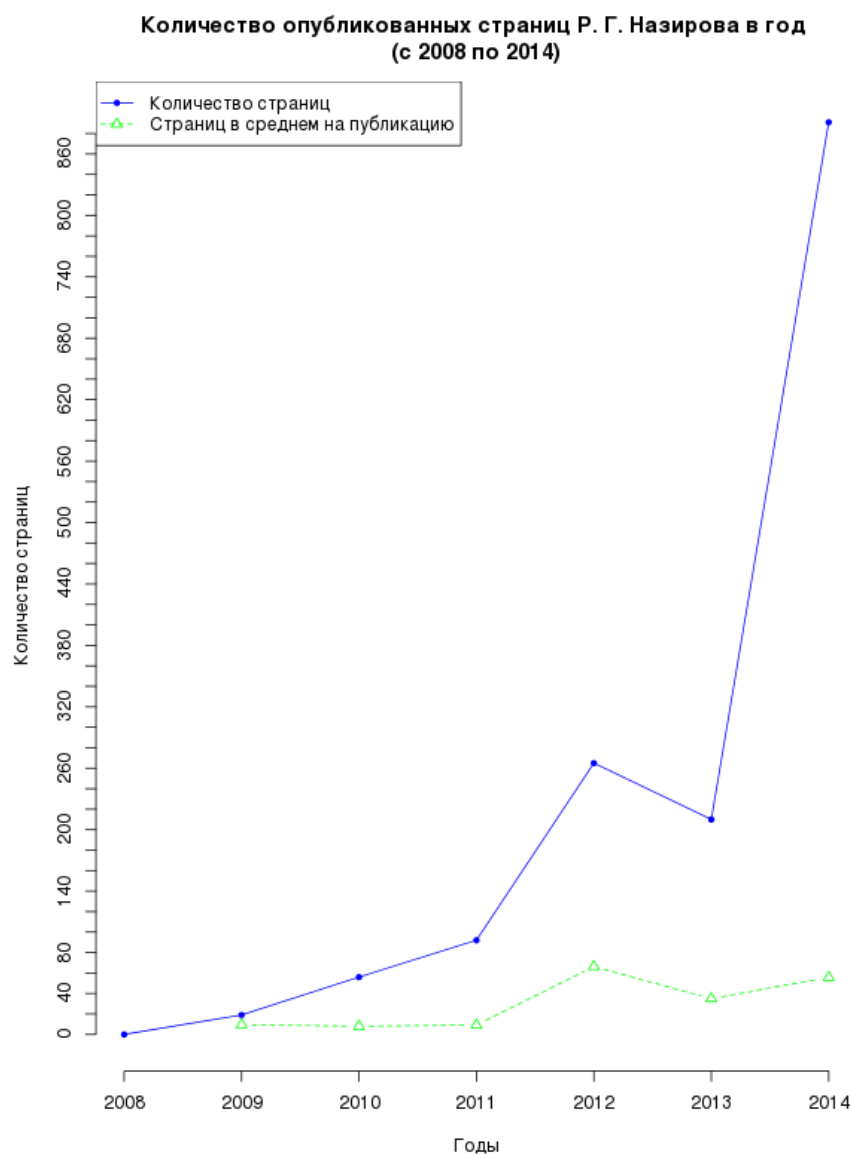
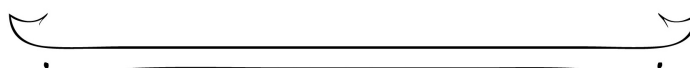

Рис. 3

Внимательный взгляд на географию локаций печатных работ Назирова может дать представление о любопытной тенденции: приблизительно до 1983-го года Назиров стремится публиковаться в разных городах, расширяя пространство своего присутствия. Возможно, это связано с тем, что в Уфе до начала 1980-х годов не было удовлетворяющих Назирова изданий (см. Рис. 4).

География публикаций Р. Г. Назирова до 1983

Рис. 4

С 1984 года Назиров почти все свои работы печатает в Уфе и перестаёт публиковаться в Ленинграде, в городе, количество публикаций в котором соперничает с числом опубликованного в Уфе (см. Рис. 5). Обратим внимание на то, что к этому времени Назиров расходится с Фридлендером, очевидно, главным лоббистом Назирова в северной столице. Тогда же, вероятнее всего, Назиров на десять лет откладывает защиту готовой докторской работы. В совокупности с увлечением новым научным направлением — реконструкцией истории сюжетов архаического происхождения и в конечном счёте мифа — эти данные говорят о некотором важном повороте в научной и личной биографии Назирова, в какой-то мере сравнимом с той переориентацией, которую учёный пережил в начале 1970-х. Возможно, что этот

поворот был связан с разочарованием в институциональных основах литературоведения, выразившемся в отказе от широкой публикации работ и замкнутости в провинциальном эдиционном пространстве.

Б. В. Орехов
НИУ Высшая школа экономики

География публикаций Р. Г. Назирова после 1984

Рис. 5

География прижизненных публикаций Р. Г. Назирова

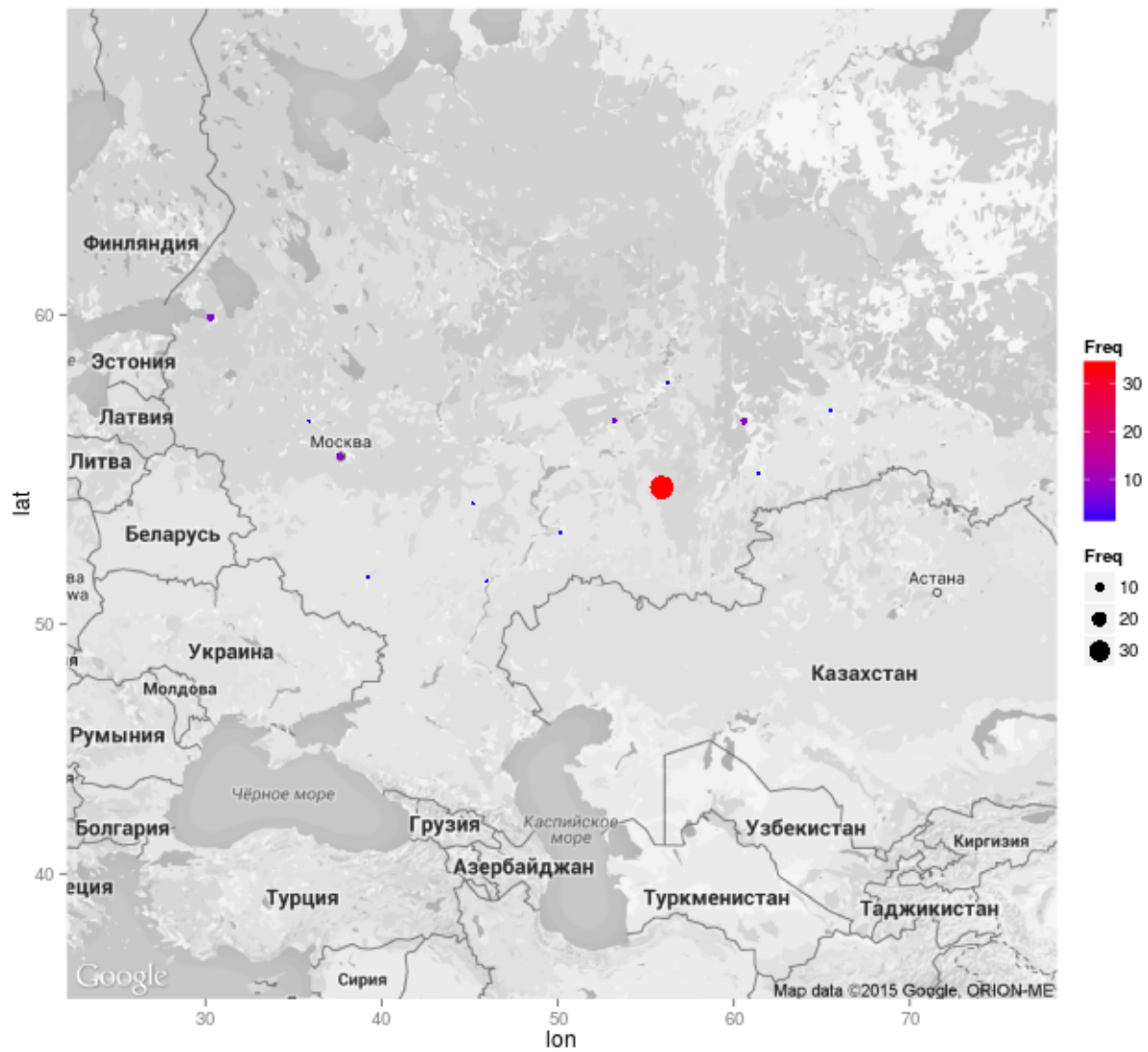

Рис. 6

География посмертных публикаций Р. Г. Назирова

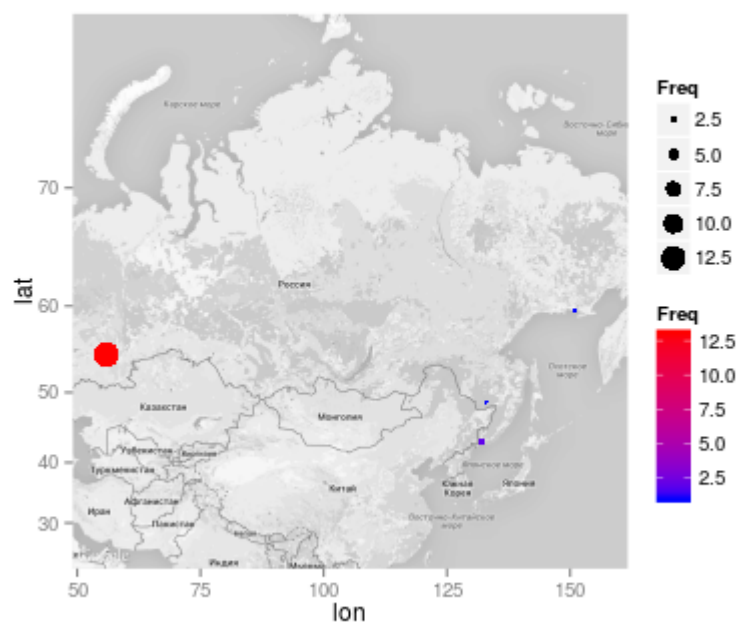
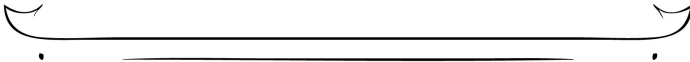

Рис. 8

Научные и научно-популярные публикации Р. Г. Назирова, авторские учебные программы

1964

1. Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива) // Ученые записки Башкирского государственного университета. — Серия филологических наук. — Вып. XVIII. О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. — Уфа, 1964. — № 7 (11). — С. 169—183.
То же: Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива) // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 7—20.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-baudelaire.php>

1965

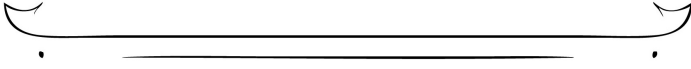
2. Трагедийное начало в романе «Униженные и оскорбленные» // Филологические науки. — 1965. — № 4. — С. 27—39.
То же: Трагедийное начало в романе «Униженные и оскорбленные» // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 21—36.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-unizhennye.php>

1966

3. Социальная и эстетическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859—1866 годов / автореферат дисс. ... канд. филол. н. — М., 1966.
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/autoref-1.pdf>

1967

4. О противоречиях в отношении Достоевского к социализму // Народ и революция в литературе и устном народном творчестве. — Уфа, 1967. — С. 130—149.

1970

5. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Рус. литература. — 1970. — № 2. — С. 114—121.

То же: Герои романа «Идиот» и их прототипы // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 231—250.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/prototypes_idiot.pdf

1971

6. Достоевский и романтизм // Проблемы теории и истории романтизма: сборник памяти профессора А. Н. Соколова. — М., 1971. — С. 346—357.

То же: Достоевский и романтизм // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 251—263.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/dost_romanticism.pdf

7. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время. — Л., 1971. — С. 143—153.

То же: Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 264—276.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/etich_zapisk.pdf

1972

8. Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Достоевского // Проблематика фольклористики, истории литературы и методики ее преподавания. — Куйбышев, 1972. — С. 97—99.

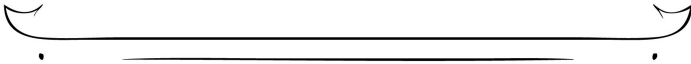
См. полную версию в № 127.

1973

9. Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoïevski) // Cahier de L'Herne — Dostoïevski. — Paris, 1973. — P. 279—287.

См. на русском языке в № 126

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/troiduels.pdf>

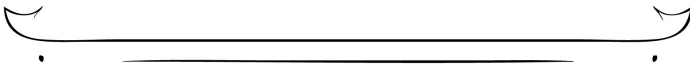

1974

10. Автор и литературная традиция (о некоторых особенностях поэтики Достоевского) // Проблема автора в художественной литературе. — Вып. 1 (5). — Ижевск, 1974. — С. 159—176.
11. Владимир Одоевский и Достоевский // Рус. литература. — 1974. — № 3. — С. 203—206.
То же: Владимир Одоевский и Достоевский // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 37—41.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-odoevsky.php>
12. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 1. — Л., 1974. — С. 202—219.
То же: О прототипах некоторых персонажей Достоевского // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 276—296.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/prototype_dost.pdf

1975

13. Петербургская легенда и литературная традиция // Ученые записки Башкирского университета. — Вып. 80. Традиции и новаторство. — Уфа, 1975. — С. 122—135.
То же: Петербургская легенда и литературная традиция // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 58—70.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-peterburg.php>
См. также: № 109
14. Чехов против романтической традиции (к истории одного сюжета) // Русская литература 1870—1890-х гг. — Сб. 8. — Свердловск, 1975. — С. 96—111.
То же: Чехов против романтической традиции // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 42—57.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-chexovcontr.php>

1976

15. К вопросу о прототипе Ставрогина // О традициях и новаторстве в литературе. Межвузовский научный сборник. — Вып. 4. — Уфа, 1976. — С. 128—137.

То же: К вопросу о прототипе Ставрогина // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 297—308.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/protoype_stavr.pdf

16. О выражении авторской позиции в романах Достоевского // Проблемы типологии реализма. — Свердловск, 1976. — С. 102—116.

17. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 2. — Л., 1976. — С. 88—95.

То же: Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 71—78.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-paraphrasa.php>

1977

18. Юмор Достоевского // Русская литература 1870—1890-х гг. — Сб. 10. — Свердловск, 1977. — С. 46—55.

То же: Юмор Достоевского // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 308—319.

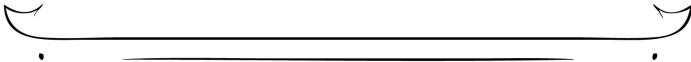
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/humour_dost.pdf

1978

19. Проблема автора и типы литературных связей // Проблема автора в русской литературе XIX—XX вв. — Ижевск, 1978. — С. 97—105.

20. Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // Творческий процесс и художественной восприятия. — Л., 1978. — С. 216—238.

21. Послесловие // Толстой Л. Н. Повести и рассказы. — Ижевск, 1978. — С. 377—383.

1979

22. Петр Верховенский как эстет // Вопр. литературы. — 1979. — № 10. — С. 231—249.

То же: Петр Верховенский как эстет // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 79—93.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-verhovensky.php>

23. Художественное мышление Достоевского и живопись // Типология литературного процесса и индивидуальность писателя. — Пермь, 1979. — С. 54—66.

1980

24. Достоевский и роман Годвина // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 4. — Л., 1980. — С. 159—167.

То же: Достоевский и роман Годвина // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 94—102.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-godwin.php>

25. «Наглядная дипломатия» и предметное иносказание в фольклоре и литературе (к постановке вопроса) // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 7. — Уфа, 1980. — С. 66—74.

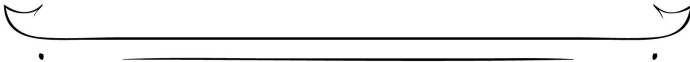
То же: «Наглядная дипломатия» и предметное иносказание в фольклоре и литературе (к постановке вопроса) // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 6—15.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-diplomat.pdf>

26. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская литература 1870—1890 гг. — Свердловск, 1980. — С. 94—107.

То же: Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 103—116.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-mudrost.php>

1981

27. Яблоко и гранат в мифах и сказках разных народов // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 8. — Уфа, 1981. — С. 17—23.

То же: Яблоко и гранат в мифах и сказках разных народов // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 15—23

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-granat.pdf>

28. Смысл романа «Игрок» // Достоевский Ф. М. Игрок. — Ижевск, 1981. — С. 199—204.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/pref_igrok1.pdf

1982

29. Автономия литературного героя // Проблемы творчества Ф. М. Достоевского. Поэтика и традиции. — Тюмень, 1982. — С. 3—11.

То же: Автономия литературного героя // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 117—124.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-autonomy.php>

30. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. — Саратов, 1982. — 160 с.

31. Череп на шесте. Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 9. — Уфа, 1982. — С. 33—43.

То же: Череп на шесте (Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву) // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 23—34.

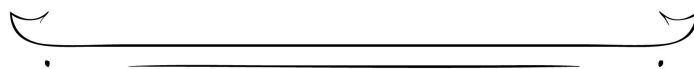
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-cherep.php>

1983

32. Жесты милосердия в романах Достоевского // Studia Russica: Исследования по русистике кафедры русской филологии факультета гуманитарных наук Будапештского университета. — VI. — Budapest, 1983. — С. 243—252.

То же: Жесты милосердия в романах Достоевского // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 125—133.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-miloserdie.php>

33. Чехов и Гюго: полемическое продолжение // Филол. науки. — 1983. — №6. — С. 21—25.

34. Шаманский бубен и запертое горе // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 10. — Уфа, 1983. — С. 11—18.

То же: Шаманский бубен и запертое горе (К соотношению типологии и истории сюжета) // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 35—43.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/shaman_buben.pdf

1984

35. Сказочные талисманы невидимости // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 11. — Уфа, 1984. — С. 19—33.

То же: Сказочные талисманы невидимости // Бельские просторы. — 2006. — №1. — С. 111—120.

То же: Сказочные талисманы невидимости // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 43—60.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-nevidimost.pdf>

1985

36. Нарисованная лодка (к вопросу о происхождении одного фантастического мотива) // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 12. — Уфа, 1985. — С. 19—23.

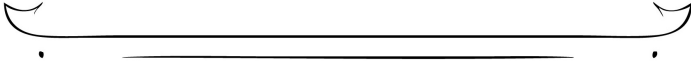
То же: Нарисованная лодка (к вопросу о происхождении одного фантастического мотива) // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 60—65.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-lodka.pdf>

37. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. — Саранск, 1985. — С. 24—41.

То же: Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 134—149.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-ravnopravie.php>

1986

38. Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 13. — Уфа, 1986. — С. 28—35.

То же: Возрождение из костей в мифах и сказках // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 65—73.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-bones.php>

39. Горячее сердце (к 175-летию со дня рождения В. Г. Белинского) // Русский язык в башкирской школе. — 1986. — № 3. — С. 57—59.

1987

40. Запрет оглядываться (к происхождению фольклорного мотива) // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 14. — Уфа, 1987. — С. 31—38.

То же: Запрет оглядываться (к происхождению фольклорного мотива) // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 74—81.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-zapretogl.php>

41. Могущество мысли // Русский язык в башкирской школе. — 1987. — № 2. — С. 56—58.

1988

42. Бесценная уздечка (об одном неясном мотиве в исторической песне «Целкан») // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 15. — Уфа, 1988. — С. 18—23.

То же: Бесценная уздечка (об одном неясном мотиве в исторической песне «Целкан») // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 81—88.

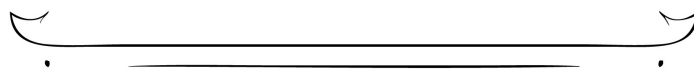
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-uzdechka.pdf>

1989

43. Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 16. — Уфа, 1989. — С. 31—40.

То же: Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 88—100.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-kaschej.pdf>

44. Свет великой души // Русский язык в башкирской школе. — 1989. — № 3. — С. 41—43.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-svet-pushkin.pdf>

45. Философия как духовная квинтэссенция эпохи // Проблема духовности в современном обществоведении. — Уфа, 1989. — С. 29—37.

1990

46. Избушка на курьих ножках // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 17. — Уфа, — 1990. — С. 5—12.

То же: Избушка на курьих ножках // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти.

Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 100—110.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-izbushka.pdf>

1991

47. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов РСФСР. — Вып. 18. — Уфа, 1991. — С. 24—37.

То же: Сюжет об оживающей статуе // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти.

Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 110—125.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-statuja.php>

48. Проблема художественности Ф. М. Достоевского // Творчество Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г. К. Щенникова, Р. Г. Назирова. — Екатеринбург, 1991. — С. 125—156.

То же: Проблема художественности Ф. М. Достоевского // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 319—357.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/art_probl.pdf

1992

49. Пародии Чехова и французская литература // Чеховиана. Чехов и Франция. — М.—Paris, 1992. — С. 48—51.

То же: Пародии Чехова и французская литература // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 150—158.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-parody.php>

50. Хрустальный гроб // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1992. — С. 83—89.

То же: Хрустальный гроб: фольклорно-этнографические истоки одного пушкинского мотива // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 125—132.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-crystal.php>

1993

51. Завет Ивана Гончарова // Башкортостан укытыусыны. — 1993. — №8. — С. 53—56.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-zavet-goncharov.pdf>

1994

52. Достоевский — Чехов: пародия и преемственность // Филол. Науки. — 1994. — № 2. — С. 3—12.

То же: Достоевский и Чехов: преемственность и пародия // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 159—168.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-preemstven.php>

53. Загадки Гоголя // Башкортостан укытыусыны. — 1994. — №4. — С. 49—52.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-gogol-zgzdk.pdf>

54. Мятежный дух // Башкортостан укытыусыны. — 1994. — № 10. — С. 42—45.

1995

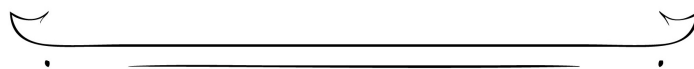
55. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул / автореф. дисс. ... докт. филол. н. — Уфа, 1995. — 46 с.

То же: Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 358—403.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-tradicii.php>

56. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. — Вып. 21. — Уфа, 1995. — С. 138—166.

То же: Генезис и пути развития мифологических сюжетов // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 132—164.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-genesis.php>

1996

57. Вечные уроки Достоевского (к 175 летию со дня рождения) // Башкортостан укытыусыны. — 1996. — № 11. — С. 40—43.

1997

58. Средневековое мифотворчество // Фольклор народов России. — Вып. 22. — Уфа, 1997. — С. 65—74.

То же: Средневековое мифотворчество // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 164—173.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-medieval.php>

59. Проретизм // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 37.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>

60. Юмор // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 59—60.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>

61. Болевой эффект // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 73—74.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>

62. Вариативность замысла // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 74—75.

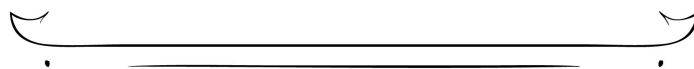
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>

63. Непристойность // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 102.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>

64. Проблема читателя // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 110.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>

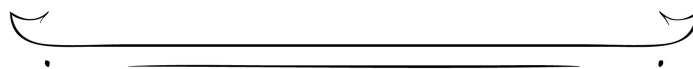
65. Скрытый романый миф // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 116
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>
66. Аллюзия // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 137.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>
67. Парафраза // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 186—187.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>
68. Символизация реального // Достоевский. Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. — Челябинск, 1997. — С. 215—216.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-slovar.php>

1998

69. Певец любви // Башкортостан укытыусыны. — 1998. — № 11. — С. 36—39.
70. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы. Сб. статей. — Уфа, 1998. — С. 57—71.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-umolchanie.php>

1999

71. Распрямление человека // Бельские просторы. — 1999. — № 5. — С. 54—61.
72. Тургенев и Достоевский: вражда как сотрудничество // XX век. Литература. Силь. — Вып. IV. — Екатеринбург, 1999. — С. 25—34.
То же: Вражда как сотрудничество // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 169—188.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-vrazhda.php>
73. Юмор Пушкина // Материал научно-практической конференции «Пушкин и современность». — Уфа, 1999. — С. 8—14.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-humour.php>

74. Специфика художественного мифотворчества Достоевского: сравнительно-исторический подход // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series. — V. III. — Tübingen, 1999. — P. 87—98.

То же: Специфика художественного мифотворчества Достоевского: сравнительно-исторический подход // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 189—198.

То же: Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского // Литературный текст: проблемы и методы исследования. — Тверь, 2000. — С. 51—59.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-comparative.php>

2001

75. Архаические образы смерти и фольклор // Фольклор народов России. Миф, фольклор, литература. Межвузовский научный сборник. — Выпуск 24. — Уфа: Издательство Башкирского гос. университета, 2001. — С. 135—141.

То же: Архаические образы смерти и фольклор // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 174—181.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/archaic_death.pdf

2002

76. Семантика движения в романах Достоевского // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. — Вып. 18. — Воронеж, 2002. — С. 66—75.

То же: Семантика движения в романах Достоевского // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 199—206.

URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-mobile.php>

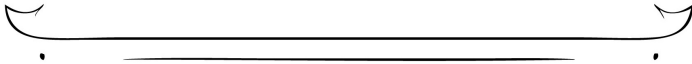
77. Поэтика прозы А. П. Чехова в её развитии. Программа спецкурса для студентов филологического факультета IV курса. Уфа, 2002. — 18 с.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/chekhov.pdf>

2003

78. Религия и культура. Программа спецкурса для студентов 2 курса филологического факультета. Уфа, 2003. — 30 с.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/culture-n-religion.pdf>

2004

79. Направленность трансформации в романе «Игрок» // Dostoevsky studies. — 2004. — 8. — P. 130—139.

2005

80. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа, 2005. — 208 с.
81. Сюжет «Ревизора» в историческом контексте // Бельские просторы. — 2005. — №3. — С. 110—117.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-revizor.php>

2006

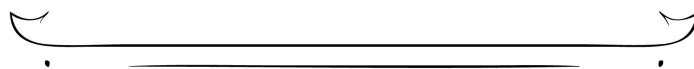
82. Славянские легенды о зиждителях городов // Фольклор народов России: Межвузовский сборник. — Уфа: РИО БашГУ, 2006. — С. 3—11.
То же: Славянские легенды о зиждителях городов // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 181—189.
URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-zizhditel.php>

2009

83. Сущность и специфика искусства // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2009. — № 2 (42). — С. 133—146 [предисловие С. С. Шаулова, подготовка к публикации М. С. Рыбиной]
84. Продолжение как форма обновления традиции // Историческая поэтика жанра: сборник научных трудов / науч. ред. и сост. Л. Н. Капуцына; Дальневосточ. гос. соц.-гум. акад. — Вып. 3. — Биробиджан: ГОУВПО «ДВГСГА», 2009. — С. 82—86 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-contin.pdf>

2010

85. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — 408 с.

86. Священная зола // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 189—209.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/zola.pdf>

87. Вырезка земли // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 209—214.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/vyrezka.pdf>

88. Соль как фольклорно-мифологический символ // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 215—222.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/sel.pdf>

89. Добывание волшебного меча // О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — С. 222—230.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/dobyvanie_mecha.pdf

90. Сюжет как компромисс // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2010. — № 1—2 (43—44). — С. 61—69 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-suj-compr.pdf>

91. Подлинный смысл Поликрата перстня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2010. — № 4. — С. 147—149 [предисловие Б. В. Орехова, подготовка к публикации Б. В. Орехова и М. С. Рыбиной].

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-polycrat.pdf>

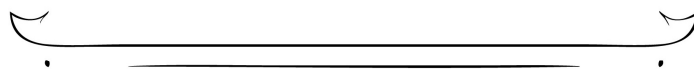
2011

92. Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/1sbrnk.pdf>

93. Спор Достоевского с Кальдероном о природе человека. Доклад // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа:

- Издательство БГПУ, 2011. — С. 43—56 [предисловие и подготовка к публикации М. С. Рыбиной]
См расширенную версию в № 128.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/1sbrnk_kalderon.pdf
94. Н. В. Гоголь и английский готический роман // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011. — С. 57—61 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/1sbrnk_gogol.pdf
95. История формализма в литературоведении // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011. — С. 65—85 [предисловие С. С. Шаулова, подготовка к публикации С. С. Шаулова и С. А. Саловой].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/1sbrnk_formalizm.pdf
96. Из курса лекций «Творчество Достоевского. Проблематика и поэтика». Лекция 11. Своеобразие жанра // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011. — С. 86—91 [подготовка к публикации С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/1sbrnk_lekc11.pdf
97. <Из архива учёного> // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / отв. ред. О. П. Касымова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. — С. 210—217 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/fragments-suj.pdf>
98. Заметки о Н. В. Гоголе. Сновидения // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. — 2011. — № 1. — С. 169—177. [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова и С. С. Шаулова].
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/1-24-2011-vestnik-bgrpu.pdf>
99. Ростовщик из «Портрета» // Северо- Восточный научный журнал. — 2011. — № 1. — С. 26—27. [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-rost.pdf>

100. Эффект подлинности, или Самоотрицание авторства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2011. — № 2. — С. 137—144 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-effect.pdf>

101. Гюго — Флобер, или Невозможная любовь дикаря // Alexandro П'ульино septuagenario oblata. — Москва: Новое издательство, 2011. — С. 298—306. — («Новые материалы и исследования по истории русской культуры», вып. 8) [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/hugo-flaubert.pdf>

2012

102. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник / Р. Г. Назиров. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. — 206 с.

103. Легенды о художниках: к постановке проблемы // Нева. — 2012. — № 2. — С. 190—201 [предисловие М. С. Рыбиной].

URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/2/na16.html>

104. Герои раннего Гоголя // Литературная классика: публикации, комментарии, отражения. Сборник научных трудов. Под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2012. — С. 17—24. [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова, С. С. Шаулова].

То же: Герои раннего Гоголя // Вестник Башкирского государственного университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1288—1295.

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-classic.pdf>

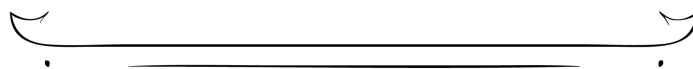
105. Фабула о колдуне-предателе // Вопросы литературы. — 2012. — № 4. — С. 49—87. [публикация и вступительная статья Б. Орехова, С. С. Шаулова].

2013

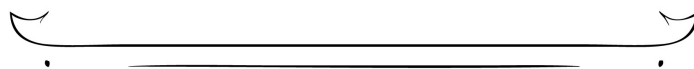
106. К вопросу об автобиографичности романа Ф.М. Достоевского «Игрок» // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 12—93. [публикация С. А. Саловой, С. С. Шаулова, предисловие С. С. Шаулова]

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_8-93_igrok.pdf

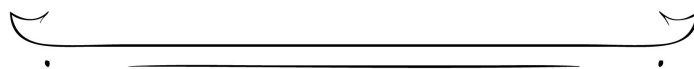
107. <Заметка о «Войне и мире»> // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 95—98. [публикация Б. В. Орехова, С. С. Шаулова].

- URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_95-98_war-n-peace.pdf
108. <О статье «Петербургская легенда и литературная традиция»> // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 100—104. [публикация и вступительная статья Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_99-104_legend.pdf
109. <Материалы к монографии о романе Ф. М. Достоевского «Бесы»> // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 11—83. [публикация и вступительная статья С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_6-83_besy.pdf
110. Гоголь, Достоевский и английская готика // Достоевский и мировая культура: альманах. — № 30 (часть 2). — СПб.: Серебряный век, 2013. — С. 241—280 [подготовка текста, вступительная статья М. С. Рыбиной].
111. Лекция 9. Культ народа (Предисловие и публикация С. С. Шаулова) // София: Альманах: Вып. 3: Евразийство и А. Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. — Уфа: Уфимское религиозно-философское общество им. А. Ф. Лосева, 2013. — С. 350—355.
- 2014**
112. Становление мифов и их историческая жизнь. — Уфа: Полиграфкомбинат, 2014. — 292 с.
113. Творчество Ф. М. Достоевского. Проблематика и поэтика: учебное пособие. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — 168 с.
114. Фабула о продавшемся таланте // Slavica Revalensia. — 2014. — I. — С. 101—117 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова, С. С. Шаулова].
115. О влиянии фрейдизма на современную литературу. Доклад // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 9—66. [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова, С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_9-66_freid.pdf

116. <Заметки к книге «Становление мифов и их историческая жизнь»> // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 76—103. [публикация и вступительная статья Б. В. Орехова, С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_76-103_notes.pdf
117. <Отзывы на дипломные работы> // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 106—117. [публикация и вступительная статья Б. В. Орехова, С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_106-117_review.pdf
118. <Материалы к истории романа> // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 9—61. [публикация и вступительная статья С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_9-61_novel.pdf
119. Древняя история Польши. Зарождение наций и государства // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 65—99. [публикация Е. А. Выналек, С. С. Шаулова, вступительная статья Е. А. Выналек].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_65-99_polsha.pdf
120. Женоподобие шамана и жреца // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 102—118. [публикация и вступительная статья С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_102-118_shaman.pdf
121. Историческое мышление и философия истории // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 16—87. [публикация и вступительная статья С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_16-87_historia.pdf
122. Польша против монголов. Эпоха феодальной раздробленности // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 90—118. [публикация Е. А. Выналек, С. С. Шаулова, вступительная статья С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_90-118_polsha.pdf
123. Исторические корни эвгемеризма // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 122—132. [публикация и вступительная статья С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_122-132_evgener.pdf
124. История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 63—128. [публикация Е. А. Выналек, Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_63-128_polska.pdf

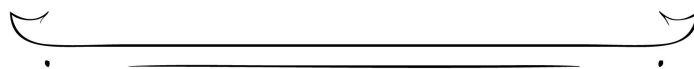
125. Мотив предреши́нной дуэли у Бальзака, Лермонтова и Достоевского // Российский гуманитарный журнал. — 2014. — № 5. — С. 312—320.
[предисловие к публикации, подготовка текста С. С. Шаулова].
URL: http://libartus.com/arch/files/2014/5/01_140116_Nazirov_v3.pdf
126. Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. — № 32. — СПб.: 2014. — С. 181—196 [подготовка текста С. С. Шаулова].
127. Спор Достоевского с Кальдероном о природе человека // Вестник Башкирского государственного университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1280—1287.
[предисловие и подготовка к публикации М. С. Рыбиной]
URL: http://bulletin-bsu.com/archive/files/2014/4/33_4531_Nazirov_1280-1287.pdf

2015

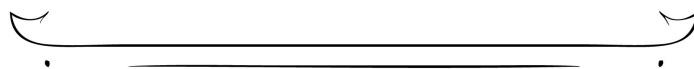
128. Проблемы читательского восприятия (неавторизованный курс лекций) // Третье литературоведение: ученые записки филолого-методологического семинара (2008—2009) / науч. ред. и сост. Б. В. Орехов, С. С. Шаулов, Е. В. Лукьянова; Приамур. гос. ун-т им. Шолом-Алейхема. — Том II. — Биробиджан: ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2015. — С. 89—99.
129. Очерки по истории лингвистики. Словарь // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 7—44. [публикация и вступительная статья Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_10-44_linguistics.pdf
130. История религиозной мысли от Платона до наших дней или учебник филолога в области истории религии. Часть I // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 45—152. [публикация и вступительная статья С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_51-152_.pdf
131. История религиозной мысли от Платона до наших дней или учебник филолога в области истории религии. Часть II // Назировский архив. — 2015. — № 2. — С. 7—73 [публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_2_8-73_religion.pdf

Художественные произведения^{*}

^{*} Перечень заведомо неполон в силу специфики публикаций в газетах.

132. Решимость // Ленинец. — 1959. — 19 сентября.
133. Грубая ошибка // Ленинец. — 1957. — 29 декабря.
134. Утро в городе солнца. Фантастическая новелла // Ленинец. — 1961. — 19 августа
То же: Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 94—96.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_94-96_sun.pdf
135. Город с птичьего полета. Этюд // Ленинец. — 8 сентября 1973
136. В утреннем трамвае // Ленинец. — 13 июня 1961 [Стихотворение]
137. Старик. Железнодорожное происшествие // Истоки. — 2011. — 16 марта. № 11 (727). — С. 8—9 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-vieu.pdf>
138. Уфимские рассказы // Бельские просторы. — 2011. — № 4. — С. 3—18
[предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: <http://bp01.ru/public.php?public=1593>
139. Институтские рассказы // Бельские просторы. — 2011. — № 11. — С. 9—27
[предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: <http://bp01.ru/public.php?public=1980>
140. После выставки // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 107—112
[предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_107-112_after.pdf
141. Закат Батюшкова // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 88—93
[предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_88-93_batyushkov.pdf
142. Два лица города. Рассказ // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 97—104 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_97-104_two_faces.pdf
143. Человек без особых примет // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 105—111 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_105-111_without.pdf

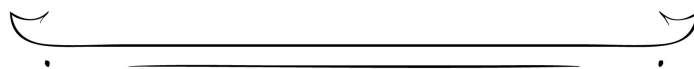

144. <Переводы из сюрреалистов> // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 68—72 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова]
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_68-72_sur.pdf
145. Главы из романа о Пушкине // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 8—61 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова и С. С. Шаулова]
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_8-61_pushkin_novel.pdf

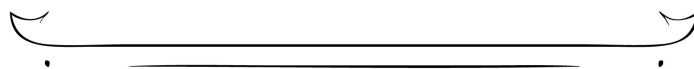
Театральные и кинематографические рецензии

146. Спектакль о ленинской мечте. Заметки зрителя // Ленинец. — 1955. — 27 декабря [о спектакле «Кремлевские куранты» Н. Погодина].
То же: Спектакль о ленинской мечте. Заметки зрителя // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 5—6*.
147. Настоящий детский спектакль // Ленинец. — 1958. — 12 июля [гастроли Куйбышевского театра юного зрителя].
То же: Настоящий детский спектакль // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 6—8.
148. Спектакль о торжествующей человечности // Ленинец. — 1958. — 21 июля [о гастролях Ленкома].
То же: Спектакль о торжествующей человечности Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 8—10.
149. Премьера состоялась в Уфе // Ленинец. — 1959. — №75 за июнь [о гастролях Московского драматического театра им. Пушкина].
То же: Премьера состоялась в Уфе // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 10—13.
150. Театр выглядит молодо // Ленинец. — 1959. — 16 июля [гастроли Ставропольского театра музыкальной комедии].
То же: Театр выглядит молодо // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 13—14.

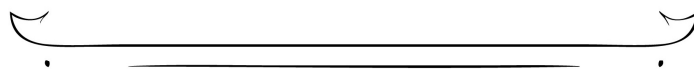
* Все переизданные газетные публикации находятся в Сети по адресу:
<http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-newsp-wh.pdf>

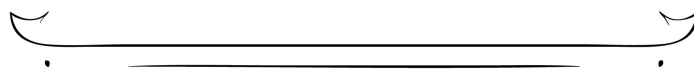
151. Бунт против пошлости // Ленинец. — 1959. — 26 ноября [о фильме «Марти»].
152. Начинание комсомольцев оперного театра // Ленинец. — 1959. — 24 декабря.
153. Неудача большого художника // Ленинец. — 1960. — 17 марта [о фильме И. Пырьева «Белые ночи»].
154. Даль не окинуть взглядом // Ленинец. — 1960. — 25 июня [о театральных событиях].
То же: Даль не окинуть взглядом // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 14—16.
155. Спектакль идет неровно // Ленинец. — 1960. — 30 июня [о постановке Ремарка].
То же: Спектакль идет неровно // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 16—18.
156. Неторными путями. Гастроли Свердловского театра музыкальной комедии // Ленинец. — 1960. — 6 августа.
То же: Неторными путями. Гастроли Свердловского театра музыкальной комедии // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 18—20.
157. Антракт грозит затянуться // Ленинец. — 1961. — 28 января [о театральной жизни Салавата].
158. Мастерство и... упрощение // Ленинец. — 1961. — 17 августа [о пьесах Артура Миллера].
То же: Мастерство и... упрощение // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 20—22.
159. Слово имеет история // Ленинец. — 1962. — 15 февраля [о фильме «Крестоносцы»].
То же: Слово имеет история // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 60—62.
160. Борьба не прекратится // Ленинец. — 1962. — 17 апреля [о пьесе И. Штока «Ленинградский проспект»].

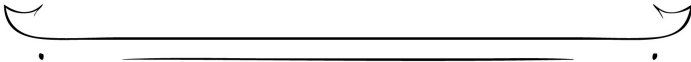
- То же: Борьба не прекратится // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 23—24.
161. На грани фарса // Ленинец. — 1962. — 16 июня [о гастролях Курганского областного драматического театра].
162. Фантазия для скрипки // Ленинец. — 1962. — 20 июля [о гастролях Московского театра драмы и комедии].
То же: Фантазия для скрипки // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 25—26.
163. Путь к людским сердцам // Советская Башкирия. — 1963. — 4 августа [гастроли Ленинградского Ленкома].
То же: Путь к людским сердцам // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 26—28.
164. Театр больших возможностей // Ленинец. — 1966. — 28 мая [о гастролях ижевского театра].
То же: Театр больших возможностей // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 29—31.
165. Спор о морали // Ленинец. — 1966. — 23 июля [о гастролях Большого драматического театра им. Качалова (Казань)].
То же: Спор о морали // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 31—33.
166. Трагикомедия российской провинции // Советская Башкирия. — 1967 [о фильме К. Воинова «Дядюшкин сон»].
167. Рак из поговорки // Ленинец. — 1968. — 21 марта [полемика по поводу фильма «Обнаженная маха»].
168. Роман-трагедия и бытовая драма // Советская Башкирия. — 1969. — 23 апреля [о фильме И. Пырьева «Братья Карамазовы»].
169. Революция без легенды. Некоторые размышления о пьесе и спектакле «Большевики» // Ленинец. — 1970. — 6 августа.
То же: Революция без легенды. Некоторые размышления о пьесе и спектакле «Большевики» // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 34—35.

170. «Зимняя сказка». Гастроли Севастопольского драматического театра // Советская Башкирия, 1971. — 10 июня.
То же: «Зимняя сказка». Гастроли Севастопольского драматического театра // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 36—37.
171. Разнообразие — это тоже лицо // Ленинец. — 1972. — 7 июня [о гастролях Московского драматического театра им. Пушкина].
То же: Разнообразие — это тоже лицо // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 37—39.
172. Легенда о Паганини // Вечерняя Уфа, 1972. — 16 июня [о гастролях Московского драматического театра им. Пушкина].
То же: Легенда о Паганини // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 40—41.
173. Ищи свою дорогу... // Вечерняя Уфа, 1973. — 25 апреля [о спектакле по пьесе Островского].
То же: Ищи свою дорогу... // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 41—43.
174. Интересное начало // Вечерняя Уфа, 1973. — 4 июля [о гастролях Новосибирского театра «Красный факел»].
То же: Интересное начало // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 43—45.
175. Страница истории театра // Вечерняя Уфа, 1973. — 9 июля [о спектакле по Карло Гольдони, о гастролях Новосибирского театра «Красный факел»].
То же: Страница истории театра // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 45—47.
176. Жестокость правды // Вечерняя Уфа, 1973. — 19 июля [о гастролях Новосибирского театра «Красный факел»].
То же: Жестокость правды // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 47—49.
177. Расставаясь с друзьями // Вечерняя Уфа, 1973. — 30 июля [о гастролях Новосибирского театра «Красный факел»].
То же: Расставаясь с друзьями // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 49—51.

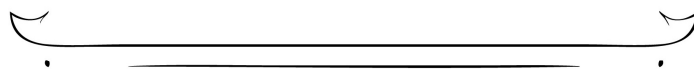

178. Мустай Карим в постановке челябинцев // Вечерняя Уфа, 1973. — 8 августа.
То же: Мустай Карим в постановке челябинцев // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 51—53.
179. Цветы Смоктуновскому // Вечерняя Уфа, 1973. — 27 ноября [о встрече с актёром в Доме печати 25 ноября 1973 года].
180. Перед лицом тайны // Вечерняя Уфа, 1979 [про фильм «Сталкер»]
То же: Перед лицом тайны // Гипертекст. — 2011. — № 16. — С. 44—46 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова].
То же: Перед лицом тайны // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 63—64.
181. Беззащитно, но вечно // Вечерняя Уфа, 1980. — 16 июня [об «Обломове» Никиты Михалкова].
То же: Беззащитно, но вечно // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 65—67.
182. Нестареющая классика // Вечерняя Уфа, 1980. — 11 июля [о гастролях Курганского областного театра драмы, постановка «Доходного места» Островского].
То же: Нестареющая классика // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 53—55.
183. Захватывающее зрелище // Вечерняя Уфа, 1980. — 27 августа [о фильме «Экипаж»].
То же: Захватывающее зрелище // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 67—68.
184. Падение кукольного дома // Вечерняя Уфа, 1980. — 13 августа [о постановке Ибсена на гастролях Челябинского драматического театра].
То же: Падение кукольного дома // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 55—56.
185. Живая мысль режиссёра // Вечерняя Уфа, 1980. — 21 августа [о постановке «Вишневого сада» Челябинским драматическим театром].
То же: Живая мысль режиссёра // Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 57—58.
186. Избранные газетные рецензии / сост. Б. Орехов. — Уфа: Вагант, 2011. — 80 с.
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-newsp-wh.pdf>

Биографические материалы

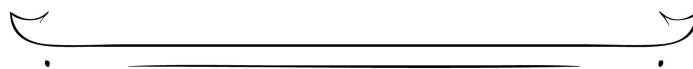
187. Назиров Р. Г. Автобиография // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 137—139.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_137-139_auto.pdf
188. Выписка из трудовой книжки Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 113—114.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_113-114_trud.pdf
189. Личный листок по учету кадров Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 120—122.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_120-122_person.pdf
190. Назиров Р. Г. <Дневниковые записи о малой прозе> // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 122—127.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_122-127_prose_journal.pdf
191. Выписка из протокола № 4 заседания кафедры истории русской литературы Ленинградского Университета им. А. А. Жданова от 16 ноября 1979 года // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 147.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_147_utschrift.pdf
192. Назиров Р. Г. <Несколько слов о знаменитом Набокове.> // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 135—147.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_135-147_nabokov.pdf
193. Автограф Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 154.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_154_autograph.pdf
194. Генеалогическая заметка Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 134.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_134_genetic.pdf

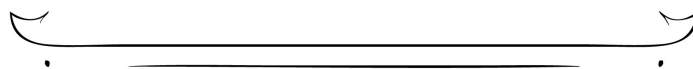
195. Назиров Р. Ленинградская тетрадь. Фрагменты дневника. Ленинград, лето—осень 1952 года. Публикация, вступление, комментарии Ирины Розиной и Марии Рыбиной // Нева. — 2014. — №6. — 168—188.
URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/6/9n.html>
196. Дневниковые записи // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 154—158.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_155-158_diary.pdf

Труды о Р. Г. Назирове, воспоминания, рецензии на книги

197. Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2009. — № 2 (42). — С. 146—150.
198. Данилин С. Ю. Одна из рецепций «полифонического романа»: версия Р. Г. Назирова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2009. — № 2 (42). — С. 151—161.
199. Шевчук Ю. В. Проблема трагического и комического в работах литературоведа Р. Г. Назирова // Вестник Башкирского университета. — Т. 15. № 4. — 2010. — С. 1203—1207.
200. Орехов Б. В. Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / отв. ред. О. П. Касимова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. — С. 115—120.
URL: <http://nevmenandr.net/personalia/archnazirov.php>
201. Салова С. А. Преодолевающий смерть: о профессоре Р. Г. Назирове и его новой книге // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. — 2011. — № 1. — С. 162—168.
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/1-24-2011-vestnik-bgpu.pdf>
202. Каракуз-Бородина Л. А. Человек эпохи пробуждения. О языковой личности Ромэна Гафановича Назирова // Назиров, Р. Г. Избранные газетные рецензии. — Уфа: Вагант, 2011. — С. 69—73.
URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/karakuz-nazirov.pdf>

203. Рыбина М. С. Интерпретация мифа (мифологические фабулы и герои) в работах Р. Г. Назирова: к постановке проблемы // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011. — С. 8—17.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/1sbrnk_rybina.pdf
204. Шаулов С. С. «Назировский» Достоевский // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011. — С. 17—24.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/1sbrnk_shaulov.pdf
205. Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011. — С. 25—42.
URL: <http://nevmenandr.net/personalia/nazirovshortstories.php>
206. Орехов Б. В., Шаулов С. С. О Ромэне Назирове // Вопросы литературы. — 2012. — № 4. — С. 36—48.
URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/4/na2.html>
207. Орехов Б. В. Текстология назировского архива // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 144—159.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_144-159_textology.pdf
208. Орехов Б. В. Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 161—165. [рецензия на № 86].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_161-165_rec.pdf
209. Назирова Д. Г. <Биография Р. Г. Назирова> // Назировский архив. — 2013. — № 1. — С. 140—142.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_1_140-142_bio.pdf
210. Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 118—126.
То же: Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система и модель мировой культуры // Вестник Башкирского государственного университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1301—1306.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_118-126_system.pdf

URL: http://bulletin-bsu.com/archive/files/2014/4/36_4534_Orekhov-Shaulov_1301-1306.pdf

211. Шаулов С. С. Р. Г. Назиров и русский формализм: к проблеме источников индивидуального метода // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 127—137.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_127-137_formalism.pdf

212. Шаулов С. С. Журналистика как материал для культурологии. Размышления по поводу сборника газетных рецензий Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 139—145. [рецензия на № 187].

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_139-145_journ.pdf

213. Шаулов С. М. Воспоминание о встрече // Назировский архив. — 2013. — № 2. — С. 115—116.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_115-116_rec.pdf

214. Жукова Ю. А. Р. Г. Назиров и его ученики — исследователи творчества Ф. М. Достоевского (обзор изданий, выпущенных достоевковедами г. Уфы за 2011 и 2012 годы) // Вестник ВЭГУ. — 2013. — №1. — С. 204—210.

215. Шуганов, Ю. М. Две исповеди. — Уфа: Инеш, 2013. — 136 с. [о Р. Г. Назирове: с. 4—7, 13, 16, 17].

URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/shuganov.pdf>

216. Борисова В. В. Научная школа Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 125—132.

То же: Борисова В. В. Научное наследие Р. Г. Назирова // Вестник Башкирского государственного университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1296—1300.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_125-132_borisova.pdf

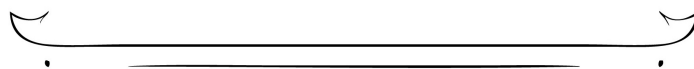
URL: http://bulletin-bsu.com/archive/files/2014/4/35_4533_Borisova_1296-1300.pdf

217. Шаулов С. М. Заметки о Споры Достоевского и Кальдерона в черновиках Назирова // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 134—139.

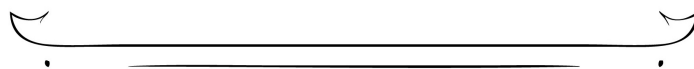
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_134-139_kalderon.pdf

218. Комова Т. Д. Р. Г. Назиров. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 142—147 [рецензия на № 103].

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_142-147_komova.pdf

219. Короткова Ю. В. Теория Автора в современном литературоведении: М. М. Бахтин и Р. Г. Назиров // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 151—155.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_1_151-155_korotkova.pdf
220. Орехов Б. В., Шаулов С. С. Концепция мифа у Р. Г. Назирова (доклад в ЦТСФ РГГУ, 16.09.2013) // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 162—177.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_162_177_myth.pdf
221. Шаулов С. С. Р. Г. Назиров. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход // Назировский архив. — 2014. — № 1. — С. 185—189.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_185-189_review.pdf
222. А. Л. Осповат о Р. Г. Назирове // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 149—155 [интервью, беседовал Б. В. Орехов].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_149-155_ospovat.pdf
223. Орехов Б. В., Шаулов С. С. Концепция мифа у Р. Г. Назирова (доклад в ЦТСФ РГГУ, 16.09.2013) // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 162—177.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_162_177_myth.pdf
224. Имаева И. В. Концепция истории русской фабулистики у Р. Г. Назирова и некоторые проблемы изучения фольклорно-литературных связей // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 179—182.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_179-182_imaeva.pdf
225. Шаулов С. С. Р. Г. Назиров. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход // Назировский архив. — 2014. — № 2. — С. 185—189 [рецензия на № 81].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_2_185-189_review.pdf
226. С. В. Белов об Р. Г. Назирове // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 150—152.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_150-152_belov.pdf
227. Шаулов С. С. Черты утопии и дистопии в рассказе Р. Г. Назирова «Утро в городе Солнца» // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 157—169.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_157-169_utopia.pdf

228. Уляшев О. И. Самообманы цивилизации или самоосмысление культур? // Назировский архив. — 2014. — № 3. — С. 172—186.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_3_172-186_review.pdf

229. Из письма П. Валтакари об Р. Г. Назирове // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 131—132.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_131-132_letter.pdf

230. Орехов Б. В., Шаулов С. С. Наследие Р. Г. Назирова до и после открытия архива // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 137—144

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_137-144_ufatalk.pdf

231. Шаулов С. С. Литературные суждения в дневниках Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 146—154.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_146-154_diary.pdf

232. Зарипов А. Р. Роман Р. Г. Назирова о Христе: степень завершенности и творческая история текста // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 156—164.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_156-164_sovest.pdf

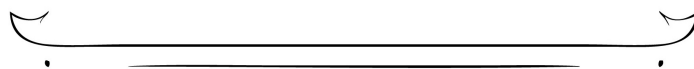
233. Орехов Б. В. Рец. на: Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 167—174.

URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2014_4_167-174_review.pdf

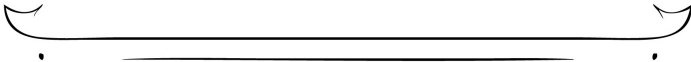
234. Орехов Б. В., Шаулов С. С. Предисловие к публикации главы «Фабула о продавшемся таланте» из диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул» // Slavica Revalensia. — 2014. — I. — С. 97—100.

235. Батталова А. Н. Проблема прототипов в исследованиях Р. Г. Назирова // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 300—303.

236. Чернова Н. В. Он «шел» Петербургу (О Ромэне Гафановиче Назирове) // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 5—7.
237. Романов Ю. А. Памятный разговор // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 7—10.
238. Никольская Т. А. Воспоминания об учителе // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 10—12.
239. Шаулов С. С. Структура негативной рецепции Ф. М. Достоевского в современной культуре // Российский гуманитарный журнал. — 2014. — № 5. — С. 404—412. [О Р. Г. Назирове — С. 405—407].
URL: http://libartrus.com/arch/files/2014/5/09_140122_Shaulov_v3.pdf
240. Шаулов С. С. Паралипомены к статье Р. Г. Назирова «Гоголевская традиция и “Скверный анекдот” Ф. М. Достоевского» // Достоевский и мировая культура: альманах. — № 32. — СПб.: 2014. — С. 197—211.
241. Власкин А. П. «Живая и мертвая» вода художественного мира Достоевского: заочный диалог с Р. Г. Назировым // Вестник Башкирского государственного университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1307—1312.
URL: http://bulletin-bsu.com/archive/files/2014/4/37_4535_Vlaskin_1307-1312.pdf
242. Мониторинг научной жизни антропологического сообщества (2015 г.) // Антропологический форум. — 2015. — № 25. — С. 193—269. [О Р. Г. Назирове: с. 236—237].
URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/025/survey.pdf>
243. Выналек Е. А. Воспоминания о Р. Г. Назирове // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 159—161.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_160-161_slobodian.pdf

244. Гумерова Н. Р. Назировская рецепция Фауста и Фауст Марло // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 163—171.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_164-171_faust.pdf
245. Узбекова Г. Ф. Сон как литературный прием в концепции Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 172—179.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_173-179_dream.pdf
246. Шепель А. С. Жанровая специфика газетных рецензий Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 180—184.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_181-184_genre.pdf
247. Неклюдов С. А. Рец. на: Назиров, Р. Г. Творчество Ф. М. Достоевского. Проблематика и поэтика: учебное пособие. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014 // Назировский архив. — 2015. — № 1. — С. 186—190.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_1_187-190_review_nazirov_lectures.pdf
248. Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2015. — № 2. — С. 75—116.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_2_76-116_biography.pdf
249. Орехов Б. В. Моделирование терминологического тезауруса работ Р. Г. Назирова о мифологии и истории фольклорных сюжетов // Назировский архив. — 2015. — № 2. — С. 118—131.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_2_119-131_modelling.pdf
250. Данилин С. Ю. «У каждого смысла будет свой праздник возрождения» Рецензия на «Назировский сборник» (2011) // Назировский архив. — 2015. — № 2. — С. 133—148.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_2_134-148_review.pdf

Указатель

Персоналии писателей¹

Достоевский 1—12, 15—18, 20, 22—24, 28, 30, 32, 37, 48, 52, 57, 59—68, 72, 74, 76, 79, 93, 96, 106, 109, 110, 113, 125—127, 23, 239—241, 247

Гоголь 8, 53, 55, 81, 94, 98, 99, 104, 110, 126, 240

Гюго 33, 101

Пушкин 55, 73

Толстой 21, 107

Чехов 14, 33, 49, 52, 77

Произведения Достоевского

«Униженные и оскорбленные» 2

«Идиот» 5

«Записки из подполья» 7

«Скверный анекдот» 8

«Преступление и наказание» 17

«Бесы» 15, 22, 109

«Игрок» 28, 79, 106

Краткий предметный указатель

прототипы 5, 12, 15, 235

романтизм 6, 14

фольклорные сюжеты 25, 27, 31, 34—36, 38, 40, 42, 43, 46, 50, 56, 58, 75, 82, 86—89, 91, 97, 120

история литературной фабулы 26, 47, 105, 114, 220

миф 56, 58, 74, 112, 202, 219, 223

юмор 60, 73

традиция 8, 10, 13, 14, 55, 84, 126

автор 10, 16, 19, 37, 218

читатель 20, 64, 128

живопись 23, 103, 195

¹ Включены только персоналии, упомянутые в названиях публикаций более одного раза.

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Цена: 14 руб. 50 коп.